Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Чистилина Анастасия Сергеевна

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НОВЫХ РОДОВ И ВИДОВ ЭКСПЕРТИЗ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор
Россинская Елена Рафаиловна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 19

§ 1.1. Генезис и современное состояние теории судебно-экспертного прогнозирования 19

§ 1.2. Влияние трансформаций объектов судебных экспертиз на формирование (развитие) новых родов и видов экспертиз в условиях цифровизации 50

§ 1.3. Судебно-экспертное прогнозирование и проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности 92

ГЛАВА 2. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 123

§ 2.1. Тенденции развития родов (видов) судебных экспертиз в свете влияния цифровых технологий на их методы и методики 123

§ 2.2. Перспективы интеграции систем машинного обучения в экспертную практику 143

§ 2.3. Перспективы изменения компетенций судебных экспертов в свете развития технологий искусственного интеллекта 167

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 178

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 185

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА 211

Приложение 1. Алгоритм формирования нового класса экспертиз с возможностью дальнейшего представления в ФГОС ВО 212

Приложение 2. Материалы проведенного анкетирования судебных экспертов и (или) юристов для реализации метода экспертных оценок 213

Приложение 3. Алгоритм решения вопроса о возможности / необходимости создания технологических решений с использованием ИИ для применения в экспертных исследованиях 221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Современный уровень глобализации и цифровизации задает беспрецедентно высокий темп научно-технологического и социально-экономического развития государства. Стремительный прогресс информационных технологий, внедрение инноваций и модернизация общественной жизни не обходят стороной и преступность. Судебно-экспертная деятельность должна находиться на острие прогностических исследований по ряду причин. В первую очередь, как неотъемлемый элемент процесса доказывания в рамках различных форм судопроизводств, в особенности уголовного процесса, где высокая роль специальных знаний определяется, помимо прочего, прямо закрепленными в законе случаями обязательного привлечения специалистов, а также назначения судебных экспертиз[1]. Во-вторых, это наукоемкая сфера, исключительно чуткая к развитию и внедрению новых технологий. Возникновение новых видов преступлений и модернизация так называемых «традиционных», формируя потребности правоохранительной практики, закономерно предъявляют новые требования к криминалистическим методикам раскрытия и расследования преступлений, что не может не влиять и на судебно-экспертную деятельность. Необходимость подстраиваться под неизбежно меняющиеся объекты и задачи обостряет потребность в исследованиях прогностического характера, направленных на выявление перспектив развития судебно-экспертной деятельности как в целом, так и ее отдельных составляющих. Не обладая такого рода информацией, экспертная наука рискует замкнуться как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Судебно-экспертное прогнозирование как одна из общепризнанных в науке частных теорий в составе общей теории судебной экспертологии должна выступать ядром прогностических исследований, предоставлять научный инструментарий для построения прогнозов, объективной оценки тех тенденций и перспектив,

---

[1] См.: Ст. 164.1, 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

которые присущи судебно-экспертной деятельности на современном этапе. Однако на сегодняшний день состояние судебно-экспертного прогнозирования неутешительно: его теоретический базис сильно уступает более развитому в этом отношении криминалистическому прогнозированию, во многом воспроизводит концепции, заложенные учеными-криминалистами еще в XX в., и практически не становится предметом отдельных научных исследований, несмотря на то что прогностическую функцию судебной экспертологии отмечают в своих работах многие крупные ученые. За годы, прошедшие с момента публикаций большинства работ, так или иначе посвященных прогнозированию, произошли принципиальные изменения в сфере государственного администрирования процесса цифровизации (новые концепции в области цифровой экономики, национальная стратегия развития искусственного интеллекта, новая стратегия научно-технологического развития Российской Федерации и т. п.), правовых и организационных основ судебно-экспертной деятельности (появление перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными учреждениями[2], подготовка национального стандарта ГОСТ Р 71232-2024 «Роды судебных экспертиз. Термины и определения»[3] и др.).

Указанные изменения делают одним из наиболее передовых направлений, прогнозирование в отношении которого не проводится в достаточной мере, процессы формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз в свете трансформаций их объектов и задач, перспектив влияния отдельных научно-технических достижений на методологию и методики экспертных исследований. Не в последнюю очередь это касается перспектив внедрения в экспертную практику технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ), в частности методов машинного обучения. Это направление в контексте влияния на дальнейшее развитие экспертной практики, отдельные роды (виды) экспертиз, а

---

[2] Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 22.02.2025).

[3] Принят приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 февраля 2024 г. № 193-ст // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

также изменения компетенций современных судебных экспертов в принципе прежде не становилось предметом комплексных прогностических исследований.

В связи с изложенным не развивается не только сама теория судебно-экспертного прогнозирования, но и обостряются проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности, вопросы организационного характера, ведь основой перспективного планирования и должны выступать научно обоснованные прогнозы. Из проведенного нами при подготовке работы анкетирования (метод экспертных оценок) также следует, что отдельные тенденции развития судебно-экспертной деятельности должны прогнозироваться, но реализуется это недостаточно. Рассмотрение внутренних закономерностей развития отдельных родов (видов) судебных экспертиз с прогностической точки зрения, оценка сложившихся положительных и негативных внешних факторов позволяют рассмотреть в настоящей работе целый ряд актуальных проблем: сложность оценки сформированности класса экспертиз и связанных с этим дидактических возможностей в рамках отдельной специализации; недостатки сложившегося правового регулирования перечней родов (видов) судебных экспертиз в Российской Федерации; дискуссионность интеграции технологий искусственного интеллекта в судебную экспертизу, исходя из ее процессуальной природы и т. д.

В связи с этим теоретические и прикладные аспекты судебно-экспертного прогнозирования формирования и развития новых родов и видов экспертиз в условиях цифровизации требуют всесторонней разработки на основе общей теории судебной экспертологии, а выбранная для исследования тема представляется актуальной.

Степень научной разработанности темы исследования. Научная разработанность выбранной темы находится на сравнительно невысоком уровне. На данном этапе наличествуют разрозненные работы, посвященные отдельным аспектам судебно-экспертного прогнозирования. В исторической ретроспективе концептуальное значение имеют общие понятия прогностики и прогнозирования, подробно раскрытые И. В. Бестужевым-Ладой, а также положения теории

криминологического и криминалистического прогнозирования, сформулированные Г. А. Аванесовым, Р. С. Белкиным, Г. Л. Грановским, Л. Г. Горшениным.

С точки зрения общетеоретических основ и прогностической функции судебной экспертологии в целом особое значение имеют фундаментальные работы Т. В. Аверьяновой, А. И. Винберга, Ю. Г. Корухова, Е. Р. Россинской, К. Н. Шакирова (Казахстан), С. Ф. Бычковой (Казахстан), И. А. Алиева (Азербайджан), Ф. М. Джавадова (Азербайджан) и др. Прогнозирование в рамках своих научных интересов отчасти затрагивали Ф. Г. Аминев, Е. В. Иванова, Н. П. Майлис, Т. Ф. Моисеева, Т. В. Толстухина, Е. В. Чеснокова и другие ученые.

Отдельного внимания заслуживает диссертационное исследование И. В. Устиновой, предпринявшей попытку повысить разработанность этой частной теории и комплексно рассмотреть теоретические и прикладные аспекты судебно-экспертного прогнозирования в рамках диссертационного исследования. В свою очередь методические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз рассматривались Н. С. Неретиной в рамках одноименного диссертационного исследования.

Не умаляя заслуг указанных выше ученых, отметим, что на данном этапе отсутствуют работы, специально посвященные прогнозированию формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз в русле процесса цифровизации. Равно как и многочисленные работы, посвященные цифровизации судебно-экспертной деятельности, не обнаруживают системного подхода к подготовке прогнозов. Не учитываются в них и произошедшие в последние годы значительные изменения политического, правового и научно-технического характера. Исходя из этого, теоретические основы судебно-экспертного прогнозирования требуют более глубокой разработки, равно как рассмотрение проблем формирования и развития новых родов и видов экспертиз в условиях цифровизации.

Объектом исследования выступают: практика судебно-экспертного прогнозирования; процессы формирования и развития новых родов и видов

судебных экспертиз, перспективы развития уже существующих в условиях цифровой трансформации.

Предметом исследования являются закономерности, обуславливающие теоретические и прикладные основы судебно-экспертного прогнозирования, а также закономерности формирования и развития родов (видов) экспертиз в условиях развития цифровых технологий.

Целью исследования является разработка теоретических и прикладных аспектов судебно-экспертного прогнозирования формирования и развития новых родов и видов экспертиз в условиях цифровизации.

Для достижения указанной цели исследования диссертантом последовательно решались следующие **задачи:**

— изучить генезис частной теории судебно-экспертного прогнозирования и ее современное состояние;

— сформулировать ряд теоретических уточнений и предложений в понятийно-категориальный аппарат судебно-экспертного прогнозирования;

— обосновать ключевую роль трансформаций и появления новых объектов в процессах формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз;

— спрогнозировать тенденции развития (появления) конкретных родов (видов) судебных экспертиз в условиях цифровизации, их место в сложившейся системе классификации;

— выделить критерии сформировавшегося в научном и практическом отношении класса, который в перспективе может претендовать на формирование собственного образовательного стандарта;

— рассмотреть актуальные проблемы правовой регламентации перечней родов и видов экспертиз;

— рассмотреть конкретные разновидности научно-технических достижений, внедрение которых в экспертную практику на данный момент обнаруживает значительный потенциал для дальнейшего развития уже сложившихся родов (видов) экспертиз;

— обозначить правовые, организационные и дидактические проблемы, сопряженные с внедрением ИИ в судебно-экспертную деятельность, а также варианты их решения.

Основу методологии и методов исследования составил диалектический подход с использованием категорий и законов диалектической и формальной логики, позволивший рассмотреть трансформации, появление новых объектов исследований, модификацию экспертных задач и процессы формирования и развития новых родов (видов) экспертиз в их взаимосвязи и взаимообусловленности. В рамках обобщения теоретических подходов и оценки эмпирических данных в работе использованы анализ, синтез и аналогия.

Наряду с этим использовались общенаучные методы: описание, сравнение, системный, структурно-системный, функциональный методы, применяемые при написании работы как в совокупности, так и при решении отдельных исследовательских задач, а также частно-научные методы: формально-юридический, метод толкования норм права, исторический. Так, например, структурно-системный метод позволил рассмотреть развитие (появление) конкретных родов (видов) судебных экспертиз в контексте их места в сложившейся системе классификации. Применение функционального метода было обусловлено необходимостью рассмотрения разновидностей судебных экспертиз с позиции их связи с потребностями судебной и следственной практики. Формально-юридический метод и метод толкования норм права использованы при выявлении и рассмотрении проблем правовой регламентации судебно-экспертной деятельности, в частности формирования перечней родов и видов экспертиз. Исторический метод был применен для исследования генезиса частной теории судебно-экспертного прогнозирования, описания исторической связи судебно-экспертного прогнозирования с прогнозированием в рамках иных юридических наук.

С позиции построения прогнозов и оценки тенденций развития судебно-экспертной деятельности использована классическая триада специальных методов прогнозирования: анкетирование (опрос), экстраполирование и моделирование.

Теоретическую основу исследования составили труды таких ученых в области теории судебной экспертизы (судебной экспертологии) и криминалистики, как Т. В. Аверьянова, Ф. Г. Аминев, Р. С. Белкин, Е. И. Галяшина, О. Г. Дьяконова, А. М. Зинин, Е. В. Иванова, Ю. Г. Корухов, Н. П. Майлис, Т. Ф. Моисеева, Н. С. Неретина, Г. Г. Омельянюк, Е .Р. Россинская, А. И. Усов, Е. В. Чеснокова и др., диссертационное исследование основано также на специально повещенных прогнозированию работах Г. А. Аванесова, И. В. Бестужева-Лады, И. В. Устиновой. При применении метода экспертных оценок изучены работы, посвященные отдельным практическим вопросам применения цифровых технологий в судебных экспертизах, таких ученых, как Д. В. Бахтеев, Н. Ф. Бодров, А. В. Кокин, В. А. Федоренко, А. К. Лебедева и др.

Нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), Федеральный закон № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ о ГСЭД), Указы Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «Перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями», приказ Министерства юстиции России от 20 апреля 2023 г. № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России», приказ Министерства внутренних дел России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской

Федерации» и иные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по организации и (или) производству экспертизы в целях осуществления судопроизводства в Российской Федерации. В исследовании также использованы материалы национального стандарта ГОСТ Р 71232-2024 «Роды судебных экспертиз. Термины и определения» и иных актов, касающихся организации и результатов деятельности Технического комитета по стандартизации ТК 134 «Судебная экспертиза».

Эмпирическую базу исследования образуют российские аналитические материалы по теме исследования, открыто представленные в тематических средствах массовой информации («Адвокатская газета», «Парламентская газета», Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ) и др.), статистические данные «Главного информационно-аналитического центра МВД России» (в части состояния преступности в Российской Федерации за 2024 г.), Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики» (в части данных о доступе населения России к цифровой инфраструктуре и практиках использования интернета за 2014—2021 гг.) и результаты анкетирования для выяснения мнения и формирования экспертных оценок, проведенного при привлечении членов профессорско-преподавательского состава кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), членов Международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», Союза лиц, осуществляющих деятельность в сфере судебной экспертизы и судебных экспертных исследований «Палата судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова» (общее число опрошенных респондентов — 118), а также личный опыт работы автора в должности специалиста негосударственной судебно-экспертной организации.

Научная новизна диссертационного исследования определяется комплексным подходом к теоретическим и прикладным аспектам прогнозирования в судебно-экспертной деятельности, направленностью на формирование универсального теоретического инструментария, который можно использовать в предвидении и оценке актуальных тенденций ее развития, в частности перспектив

и будущего состояния научной классификации судебных экспертиз, совершенствования подходов к нормативному регулированию указанной сферы.

Приведены конкретные направления использования специальных знаний, совершенствование и (или) возникновение которых прогнозируется в свете развития отдельных цифровых технологий. Впервые на монографическом уровне с прогностических позиций рассмотрена проблема интеграции в экспертную практику искусственного интеллекта и связанных с этим трансформаций компетенций современных судебных экспертов, а также предложены подходы к ее решению.

Положения, выносимые на защиту:

1. **Судебно-экспертное прогнозирование** на базе категорий научного прогнозирования и с позиций общей теории судебной экспертологии — это *специальное научное исследование, предметом которого являются перспективы развития процессов и явлений, сопряженных с осуществлением судебно-экспертной деятельности и отражающих ее теоретические, правовые и организационные закономерности.* Из этого следует:

— судебно-экспертное прогнозирование — научное исследование общетеоретического уровня, не сводимое к решению конкретной экспертной задачи;

— прогнозирование в рамках судебной экспертологии возможно лишь в части изучаемых этой наукой закономерностей;

— прогнозирование в судебной экспертологии обращено на феномены и явления судебно-экспертной деятельности и базируется на данных теории и практики судебной экспертизы.

Для построения и дальнейшей оценки прогнозов предлагается дефиниция **прогнозного фона судебно-экспертного прогнозирования** — это *комплекс внешних условий развития судебно-экспертной деятельности, значимых для решения задач прогноза,* который включает в себя:

а) научно-технический прогресс в значимых для рода (вида) экспертиз (ы) областях. Обуславливается цифровизацией всех сфер жизни общества, массовым

отходом от аналоговых средств приема, обработки и хранения информации, внедрением в различные сферы жизни, в частности в правоохранительную практику, искусственного интеллекта;

б) политико-правовой контекст: основные направления государственной политики в области экономики и права. На данный момент характеризуется позитивным отношением к цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы, повышением внимания к информационной и мировоззренческой безопасности населения. Включает также отсутствие устойчивого межведомственного консенсуса по отдельным аспектам организации судебно-экспертной деятельности, а также актуального нормативного регулирования этой сферы безотносительно «государственного» или «негосударственного» статуса.

2. Необходимые для целей судебно-экспертного прогнозирования исходные данные носят качественный, но не количественный характер, поскольку не охватываются полноценным статистическим учетом. Это происходит в силу отсутствия централизованной системы статистики в области судебно-экспертной деятельности, а также сопряжено со сложным, междисциплинарным характером судебной экспертизы, спецификой развития этого института в рамках различных форм судопроизводства, организационной неоднородностью судебно-экспертной практики в различных учреждениях и организациях. Таким образом, для судебно-экспертной деятельности при построении прогнозов базовыми являются теоретические закономерности и эмпирические данные не числового характера.

3. Главными движущими силами формирования и развития новых родов и видов экспертиз под влиянием цифровизации выступают трансформация и (или) появление новых объектов судебных экспертиз; модификация экспертных задач. Прогнозируется рост видов цифровых следов, распространение, качественное усложнение и проблемы исследования которых формируют потребности в дальнейшем изменении родового (видового) деления многих судебных экспертиз. Это уже наблюдается в судебных компьютерно-технических экспертизах, а также в родах экспертиз, объектами которых выступают продукты речевой деятельности,

видео- и фотоизображения, иной аудиовизуальный и графический контент. Прогнозируется распространение новых потенциальных объектов — цифровых следов — продуктов использования искусственного интеллекта.

4. В большинстве судебных экспертиз, независимо от их родовой принадлежности, прогнозируется существенное расширение диапазона общеэкспертных методов исследований, связанное с влиянием цифровизации на экспертные технологии. В основе формирования таких методов можно выделить использование: 3D-технологий (сканирование, моделирование, печать и т. п.), беспилотных летательных аппаратов, биометрических методов и технологий идентификации и аутентификации человека, интеграцию в судебно-экспертную деятельность искусственного интеллекта, главным образом — машинного обучения.

5. Как закономерное продолжение существующих в судебной экспертологии процессов автоматизации и компьютеризации прогнозируется внедрение в судебно-экспертную практику искусственного интеллекта, что позволит осуществить переход к автономному решению ряда исследовательских задач, в том числе обработку больших объемов данных.

Предлагается рассматривать искусственный интеллект в его специфическом дуализме: *как принципиально новый инструмент для использования в исследованиях, и как источник потенциальных новых объектов — цифровых следов, продуктов его работы*. С учетом целей и задач судебной экспертизы как процессуального действия наиболее приемлемым подходом к интеграции ИИ в экспертную практику является контролируемое машинное обучение. Прогнозируются следующие негативные факторы, препятствующие широкому внедрению технологий машинного обучения:

— назревшие проблемы в области унификации научно-методического обеспечения и организационного сопровождения судебно-экспертной деятельности, отсутствие консенсуса в системе ее нормативного регулирования;

— формирование массивов данных, обработанных и структурированных для целей машинного обучения (датасеты) возможно только для некоторых, наиболее

развитых в теоретическом и методическом плане родов (видов) экспертиз (типичные объекты и задачи, формализованные признаки, типовые экспертные методики решения задач);

— отсутствие единого, вневедомственного административно-правового подхода к организации и финансированию данного направления;

— необходимость прогнозирования «модельных рисков», т. е. наиболее вероятных источников проблем, связанных с недостатками обучающих данных, выбранного алгоритма машинного обучения, его эксплуатации и обслуживания.

6. Прогнозируется, что рост видов цифровых следов, внедрение ИИ в методологию экспертных исследований вызовет вопросы компетентностного характера. Глубина требуемых новых компетенций неоднородна — прогноз изменения компетенций судебных экспертов в свете развития технологий искусственного интеллекта представляется в двух направлениях.

Компетенции судебных экспертов, прямо не вовлеченных в решение задач машинного обучения. Общим компонентом компетенций будут выступать знания: о принципах работы различных методов и алгоритмов искусственного интеллекта, о современном состоянии развития индустрии искусственного интеллекта (особенно его общедоступных реализаций). Наиболее опытные в теоретическом и практическом отношении судебные эксперты могут выступать в качестве разработчиков новых методических подходов, связанных с появлением новых объектов исследований — цифровых следов — продуктов работы ИИ.

К*омпетенции судебных экспертов, которые будут входить в специально формируемые исследовательские группы.* Необходимым компонентом компетенций станут знания из области: математики, теории вероятностей и математической статистики, навыки владения инструментами и языками программирования. Объединенные группы представителей различных экспертных учреждений могут участвовать в составлении датасетов и создании единых систем на базе машинного обучения.

Развитию таких компетенций способствовало бы появление полноценной федеральной целевой программы, посвященной искусственному интеллекту в

судебно-экспертной деятельности, государственным заказчиком и основным разработчиком которой выступило бы Правительство РФ, а исполнителями — ведущие (головные) центры судебной экспертизы в системах соответствующих ведомств с привлечением иных заинтересованных участников из состава технического комитета по стандартизации ТК 134 «Судебная экспертиза». Концептуальной основой такой программы должен выступать коллективный, вневедомственный подход, основанный на единой природе специальных знаний — получаемые результаты должны быть релевантны для родов (видов) судебных экспертиз независимо от субъектов их производства и формы судопроизводства.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в углублении и развитии общей теории судебной экспертологии за счет совершенствования понятийно-категориального аппарата частной теории судебно-экспертного прогнозирования, формулирования ряда ключевых для данной теории концепций. Впервые с применением прогностического подхода и с общих позиций судебной экспертологии рассмотрены вопросы интеграции искусственного интеллекта, в частности систем машинного обучения, в экспертную практику, обобщены позиции ученых, отражающие целостную картину состояния этой дискуссионной сферы.

Практическая значимость результатов проведенного исследования и выработанных на их основе рекомендаций заключается в том, что они могут быть использованы в совершенствовании нормативно-правового регулирования по вопросам организации и проведения (производства) родов (видов) судебных экспертиз, использоваться в организационном сопровождении мероприятий в сфере судебно-экспертной деятельности, требующих перспективного планирования, оценки политического и технологического контекста на данном этапе развития судебной экспертизы в Российской Федерации. Предложения, связанные с перспективами использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности, могут быть использованы при организации работы исследовательских коллективов и решении вопроса о возможности /

невозможности решения конкретных экспертных задач с помощью таких технологий.

Положения диссертации могут быть использованы в учебном процессе по ряду дисциплин, связанных с судебно-экспертной деятельностью например: «Судебная экспертология», «Экспертиза в судопроизводстве», «Компьютерные технологии в экспертной деятельности» и др., при обучении студентов высших учебных заведений по юридическим направлениям подготовки (бакалавриата, специалитета, магистратуры) и повышении квалификации практических работников, а также при подготовке методической литературы и научных работ.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование было подготовлено и обсуждалось на кафедре судебных экспертиз ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». Основные теоретические положения и практические рекомендации диссертационного исследования изложены в 12 научных публикациях, 4 из которых опубликованы в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК при Минобрнауки России), в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Разработанные диссертантом основные теоретические положения и практические рекомендации были доложены на следующих мероприятиях: Международной научно-практической конференции «Труды профессора Р. С. Белкина как вектор развития теории и практики судебной экспертизы. К 100-летию со дня рождения ученого и педагога» (совместная XXII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» и XXIII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова на тему «Государство и право в современном мире», 23—25 ноября 2022 года, г. Москва, МГЮА), IX Международной научно-практической конференции «Теория и практика

судебной экспертизы в современных условиях» (26—27 января 2023 г., г. Москва, МГЮА), Международной научно-практической конференции «Судебная экспертиза в контексте цифровых технологий» (в рамках X Московского международного юридического форума «Устойчивое развитие России: правовое измерение», 6—8 апреля 2023 г., г. Москва, МГЮА), Научно-практической конференции с международным участием «Судебно-экспертное обеспечение экономической и медиабезопасности» (совместная XXIV Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» и XXIV Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова на тему «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы», 21—24 ноября 2023 г., г. Москва, МГЮА), Международной научно-практической конференции «Экспертные ошибки: современные проблемы возникновения, выявления и профилактики» (19 января 2024 г., г. Москва, МГЮА), Научно-практической конференции с международным участием «Правовое и судебно-экспертное обеспечение безопасности логистических потоков материальных ценностей» (в рамках XI Московского международного юридического форума «Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы», 5 апреля 2024 г., г. Москва, МГЮА), Научно-практической конференции с международным участием «Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы» (22—23 мая 2024 г., г. Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского), Научно-практической конференции с международным участием «Современные проблемы правовой и технологической регламентации использования ИИ в судебно-экспертной деятельности» в рамках совместной XXV Международной научно-практической конференции Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и XXVI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» на тему «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности», 28 ноября 2024 г., г. Москва, МГЮА) X Международной научно-практической конференции «Теория и

практика судебной экспертизы в современных условиях» (30—31 января 2023 г., г. Москва, МГЮА).

Достоверность результатов исследования обеспечивается использованием методов научного познания, достаточным объемом эмпирического материала по теме исследования, широким анализом нормативной правовой базы и научных работ по исследуемой тематике.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка используемых источников и литературы, трех приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

§ 1.1. Генезис и современное состояние теории судебно-экспертного прогнозирования

Определение направлений развития любого предмета, процесса, системы на основе уже имеющейся о них информации и достигнутого уровня науки позволяет получать актуальное, даже опережающее знание. Общепризнано, что прогноз наряду с описанием и объяснением явлений действительности в целом входит в базовую функциональную триаду любой науки. В случае с юридическими науками прогностическая функция представляется особенно востребованной с учетом значительной степени публичного интереса, постоянной необходимости не только реагировать на нарушение правовых норм, но и, в наиболее благоприятном случае, предугадывать возможные противоправные тенденции. Понимание возможного будущего состояния общественных отношений и траекторий их движения значительно обогащает корреспондирующую этому правоохранительную практику, а сама возможность прогностического исследования отражает значительные теоретические наработки в области той или иной науки. Однако в масштабах реального научного прогнозирования в правовой сфере простого констатирования необходимости получения опережающих знаний, очевидно, недостаточно. Накопление знаний прогностического характера требует систематической теоретической работы, оценки меняющегося контекста осуществления судебно-экспертной деятельности.

Теоретическим ядром прогностических исследований в области судебной экспертизы выступает так называемое судебно-экспертное прогнозирование. Следуя сложившемуся в науке подходу к системе частных экспертных теорий, экспертное прогнозирование отнесено к числу теорий, входящих в состав общей теории судебной экспертологии, наряду с экспертной идентификацией,

диагностикой и профилактикой. Как отмечается в литературе: «Положения этих частных теорий в равной степени распространяются как на процесс экспертного исследования в целом, так и на экспертные исследования отдельных родов экспертиз»[4]. Однако несмотря на постулируемое место в указанной системе частных теорий, экспертное прогнозирование остается одним из наименее разработанных направлений, наполнение которого, на наш взгляд, требует значительной теоретической доработки.

Качественное развитие прогнозирования как самостоятельной экспертной теории, должно, на наш взгляд, начаться с рассмотрения ее генезиса.

С учетом специфики исторического развития и места судебной экспертологии в системе наук представляется необходимым начать рассмотрение генезиса и современного состояния частной теории судебно-экспертного прогнозирования сквозь призму прогностических исследований в иных сферах. Следует отметить, поскольку далее речь пойдет о специфическом направлении прогнозирования в рамках юридической науки, нас будет интересовать развитие прогнозирования исключительно в контексте общественных (сужая — юридических) наук, в первую очередь в области криминологии и криминалистики, прогностические разработки в которых во многом определили дальнейшее развитие этого направления в судебной экспертологии, а также внесли значительный вклад в терминологический и методологический аппарат научного прогнозирования в уголовно-правовой сфере в целом.

В отечественной науке интерес к научному предвидению, т. е. научно обоснованному предположению о тенденциях развития того или иного процесса, явления уходит корнями в 60-е —70-е гг. XX века (следует отметить, что потребности народно-хозяйственного планирования в СССР в сугубо прикладном аспекте интересовали советских ученых уже в 20-е—30-е гг.). С 1960-х гг. в условиях бурной научно-технологической революции начинает складываться

---

[4] Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2 е изд. перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 65.

теоретический базис прогнозов развития управляемых явлений. Во многом этот процесс обязан политическим потребностям теории и практики социалистического строительства. В странах социалистического блока научное предвидение стало предметом интереса ученых, испытывая значительное влияние марксизма-ленинизма, и будучи тесно связано с потребностями народно-хозяйственного планирования. Логично, что политико-правовая реальность того времени с ее устремлением в социалистическое (коммунистическое) будущее концептуально тяготела к прогнозированию. Так, в частности, после XXIII съезда КПСС по линии Академии наук СССР (1966 г.) в различных ведомствах и учреждениях были созданы специализированные группы, секторы и отделы, занимающиеся научным прогнозированием. Для объединения усилий ученых, специализирующихся в этой области, при Академии наук СССР были образованы различные организации при научных советах и ассоциациях, среди прочего при Советской социологической ассоциации Академии наук СССР был образован Исследовательский комитет по социальному прогнозированию.

В западных странах это же направление развивалось в рамках футурологии — совокупности представлений о возможном будущем, терминологические различия с прогностикой у которой носили скорее идеологический, нежели содержательный характер.

Общие и философские проблемы прогнозирования в разных аспектах в те годы затрагивали В. Г. Виноградов, А. Г. Никитина, В. Н. Пилипенко, В. А. Лисичкин, Г. М. Добров и другие ученые[5].

Становилась очевидной необходимость прогностических исследований не только в области естественных (что логично, с учетом плановой экономики того периода), но и в рамках общественных наук. Появление первых специальных научных исследований по теоретическим проблемам прогнозирования социальных

[5] См.: Виноградов В. Г. Научное предвидение: (гносеологический анализ) : учебное пособие для вузов. М. : Высшая школа, 1973; Никитина А. Г. Сила научного предвидения. М. : Знание, 1963; Пилипенко Н. В. Необходимость и случайность. М. : Высшая школа, 1965; Лисичкин В. А. Теория и практика прогностики. М. : Наука, 1972; Добров Г. М. Прогнозирование науки и техники. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1977 и др.

явлений обусловило потребность в формировании общего категориального аппарата.

Одним из первых общие понятия прогностики и прогнозирования обозначил профессор И. В. Бестужев-Лада в фундаментальной Большой Советской энциклопедии (1969—1986), отметив, что на тот момент это направление было сравнительно развито только в нескольких естественных науках (комплекс агрогидрометеорологии), в ряде технических наук, в науковедении, демографии, экономических науках и криминологии[6].

Он же считается основоположником социальной прогностики, т. е. прогнозирования развития разного рода общественных явлений[7]. В 80-е гг. XX в. И. В. Бестужевым-Ладой совместно со С. А. Саркисяном, Е. Н. Мельниковой и другими крупными советскими учеными того периода была подготовлена «Рабочая книга по прогнозированию» (1982), обобщающая понятийный аппарат прогнозирования, его методы и методики как в целом, так и применительно к отдельным сферам. В содержание книги в том числе был включен переработанный проект понятий общей терминологии прогностики, подготовленный в 1975 г. Комитетом научно-технической терминологии Академии наук СССР[8].

С точки зрения судебно-экспертного прогнозирования, особенно важно, что научный интерес к прогнозированию в сфере права как одному из наиболее значимых элементов общественной жизни наиболее ярко начал проявлять себя в криминологии. Довольно долгое время прогнозы, относимые к вопросам юридического характера, развивались именно в этой области, что, полагаем, связано со значительным государственным интересом к эффективному противодействию преступности, а также высоким уровнем отечественной криминологической школы. На прогнозирование в криминологии обращали

---

[6] Большая советская энциклопедия. в 30-ти томах. 3-е изд.. Совет. энциклопедия, 1969—1986. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/093/064.htm (дата обращения: 11.10.2023).

[7] См.: Бестужев-Лада И. В. Окно в будущее: современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970.

[8] См.: Бестужев-Лада И. В. Рабочая книга по прогнозированию. / отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. М. : Мысль, 1982.

внимание В. Н. Кудрявцев, Ю. Г. Антонян, Г. А. Аванесов и другие ученые[9]. Как отмечалось разработчиком теории криминалистического прогнозирования Г. А. Аванесовым, внесшим наиболее значимый вклад в эту проблему: «Для управления процессом борьбы с преступностью нужна информация не только о прошлом и настоящем, но и о будущем. Именно криминологическое прогнозирование дает возможность получить такую информацию. Прогнозирование — это своеобразный инструмент, с помощью которого можно составить оптимальный и эффективный перспективный план, направленный на то, чтобы система мер борьбы с преступностью (цели, средства, методы и т. д.) и ее внутренняя координация соответствовали интересам и потребностям не только настоящего, но и будущего»[10].

Обращая внимание на широту диапазона криминологических прогностических исследований, ученый выделил следующие значимые группы прогнозов: «а) прогнозирование преступности как системы с учетом всех ее внутренних и внешних связей (сюда входит и прогнозирование отдельных элементов, составляющих эту систему); б) прогнозирование развития системы органов, осуществляющих борьбу с преступностью (и всех ее подсистем в отдельности); в) прогнозирование результатов работы, рассчитанной на перспективу (сюда входит прогнозирование результатов выполнения планов, исхода процесса управления — все то, что называется «прогнозом стратегии»); г) прогнозирование индивидуального антиобщественного поведения; д) прогнозирование перспектив развития самих прогностических исследований,

[9] См.: Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии : монография М. : Юр. Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2016. (первую одноименную работу «Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения» В. Н. Кудрявцев написал в 1968 г); Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М. : Академия МВД СССР, 1974; Аванесов Г. А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью. Учебное пособие / Аванесов Г. А. М. : НИиРИО МВШ МВД СССР, 1972 и др.

[10] Аванесов Г. А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью. Учебное пособие. С. 4.

масштабов и темпов этой работы (сюда входят определение потребностей прогнозов, специальных лабораторий, институтов, техники, кадров и др.)»[11].

Г. А. Аванесовым, в частности, было предложено удачное, на наш взгляд, определение понятия прогноз: «Прогноз — это результат научного прогнозирования, вывод о возможном наступлении явлений, процессов, событий, основанный на анализе соответствующих данных, характеризующий тенденции и закономерности развития прогнозируемого объекта от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему»[12].

В общем виде, безотносительно специфики предмета науки, в рамках которой нас интересует прогнозирование, указанное определение представляется универсальным.

Обратим внимание на нередко взаимозаменяемые в литературе понятия «прогнозирование», «предсказание» и «предвидение». Во избежание терминологических неточностей для целей дальнейшего исследования остановимся на этом немного подробнее.

Одно из наиболее последовательных разграничений проведено уже упомянутым И. В. Бестужевым-Ладой, отметившим, что общим понятием, объединяющим все разновидности информации о будущем, выступает *предвидение* (здесь и далее курсивом выделено нами — А.Ч.), разделяемое автором на научное и ненаучное[13]. Учитывая широту понятия, предвидение объединяет довольно неоднородные подходы к получению знаний о будущем — от познания на основе научных закономерностей (что интересует нас в наибольшей степени), до интуитивных, нередко наполненных мистицизмом практик. Как справедливо замечено философом С. В. Пирожковой: «…даже отвергая какие-либо ассоциации со сверхъестественными способностями, следует признать, что, например, в английском языке предвидение (foresight / foreseeing) противопоставляется прогнозу и предсказанию (forecast / forecasting, prediction / predicting) как

---

[11] Аванесов Г. А. Указ. соч. С. 13—14.
[12] Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975. С. 126.
[13] Бестужев-Лада И. В. Рабочая книга по прогнозированию. С. 7.

деятельность, связанная с интуицией, догадками, чем-то неформализуемым, далеким от научной строгости и точности»[14]. В целом рассматриваемое понятие может выступать в качестве родового по отношению к остальным, хотя и допускает некоторое размывание в части научной или ненаучной своей основы.

Продолжая намеченное разделение, И. В. Бестужевым-Ладой указано, что предвидение «затрагивает две взаимосвязанные формы его конкретизации: относящуюся к собственно категории предвидения — предсказательную (дескриптивную или описательную) и сопряженную с ней, относящуюся к категории управления — предуказательную (прескриптивную или описательную). *Предсказание* подразумевает описание возможных или желательных перспектив, состояний, решений проблем будущего»[15]. В свою очередь, указывая на *прогнозирование* как одну из форм предсказания наряду с предчувствием и предугадыванием, он дает ему следующее определение: «специальное *научное исследование*, предметом которого выступают перспективы развития явления»[16].

С рассмотренной цепью можно согласиться в той части, в которой она объединяет интересующие нас термины в своеобразную логическую последовательность «процесс — описание — научное исследование». Вместе с тем предсказание как одно из ее звеньев представляется малопригодным для целей судебно-экспертного прогнозирования понятием.

В литературе отмечается, что «…предсказание по самой своей этимологии указывает на предвидение, выраженное в вербальной форме, на предупреждающий событие рассказ (сказывание) о нем, а не на получение содержания этого рассказа»[17]. Исключительно вербальный характер и направленность не на процесс познания, а скорее его результат подтверждаются и толкованием словарных значений, прямо отсылающих от «предсказания» к действию по значению глагола

---

[14] Пирожкова С. В. Предвидение как эпистемологическая проблема. М. : ИФРАН, 2015. С. 23.

[15] Бестужев-Лада И. В. Указ. соч. С. 7.

[16] Там же. С. 8.

[17] Пирожкова С. В. Указ. соч. С. 23.

«предсказать»[18]. Отметим и некоторые антинаучные, если не сказать мистические, коннотации, присущие обыденному восприятию этого слова.

Таким образом, полагаем, что для целей получения объективных знаний о будущем, основанных на познании научно-обоснованных закономерностей, и собственно именуемых прогнозом, наиболее адекватным термином, описывающим специфический процесс получения знаний о перспективах развития чего-либо, выступает именно прогнозирование. Как показано выше, именно оно наиболее прочно закрепилось в наименованиях соответствующих теорий и научной литературе. Его мы и будем использовать в качестве основного.

Как было отмечено ранее, предмет науки не случайно имеет особое значение для прогностических исследований. Справедливо говорить о том, что четкое определение круга закономерностей, включаемых в предмет науки, — является необходимой предпосылкой научного прогнозирования; позволяет предвидеть тенденции развития, обусловленных этими закономерностями явлений. Чем более развиты и определенны изучаемые наукой закономерности, тем выше ее прогностический потенциал. Таким образом, развитие судебно-экспертного прогнозирования тесно связано с уровнем общего теоретического сопровождения судебно-экспертной деятельности в самых разных ее аспектах.

Как было точно замечено А. Г. Китайгородским: «В принципе, предсказание есть — строгое логическое или математическое рассуждение, с помощью которого детали интересующего нас явления или структуры выводятся из некоторой совокупности аксиом или законов, справедливых для широкого круга явлений. Чем

---

[18] ПРЕДСКАЗА́НИЕ, -я, ср.

1. Действие по знач. глаг. предсказать. Предсказание погоды.

2. То, что предсказано. Могучий Олег головою поник и думает: — Что же гаданье? Кудесник, ты лживый, безумный старик! Презреть бы твое предсказанье! Пушкин, Песнь о вещем Олеге. [Сергей] нес тесную и грязную клетку со щеглом, обученным вытаскивать из ящика разноцветные бумажки с предсказаниями на будущую жизнь. Куприн, Белый пудель. || Предвидение, основанное на определенных данных; прогноз. Я назло всем предсказаниям врачей о моей скорой гибели упорно продолжаю жить. Н. Островский, Письмо А. А. Караваевой, 27 дек. 1932. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой, РАН, Ин-т лингвистических исследований. М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А — Й. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 08.11.2023).

шире круг явлений, охватываемых теорией, чем точнее и сложнее делаемые ею предсказания, тем выше мы ценим теорию»[19].

Применительно к криминалистике на это обратил внимание Р. С. Белкин, по праву считающийся основоположником криминалистического прогнозирования. Придя к выводу, что прогнозирование в криминалистике должно стать естественным дополнением криминологических прогнозов, профессор Р. С. Белкин предпринял попытку сформулировать основные положения новой частной криминалистической теории — теории криминалистического прогнозирования. В 1970-е гг. это вопрос нашел свое первое теоретическое обоснование в его работах.

Обратив внимание на неразработанность вопросов прогнозирования в криминалистике в сравнении с иными юридическими науками (обращаясь к криминологии), Р. С. Белкин указывал: «…научное предвидение становится возможным при познании объективно действующих закономерностей возникновения и развития предметов, явлений, процессов и фактически является результатом отражения наукой этих закономерностей. Из этого следует, что научное предвидение становится доступным только той науке, которая от изучения явлений перешла к изучению сущности своего предмета, к изучению закономерностей, определяющих явления, то есть обладает общей теорией. Такая теория выражает результаты познания, отражения этих закономерностей и позволяет предсказать тенденции их дальнейшего развития и проявления. Вот почему определение предмета криминалистики только через приемы и средства расследования и предотвращения преступлений закрывает путь научному прогнозированию в этой области знания…»[20]. Именно этим в указанной работе обуславливалось отсутствие должного внимания к криминалистическому прогнозированию в тот период, хотя, как было замечено самим автором, упоминание о некоторых возможностях прогнозирования в криминалистике было

---

[19] Китайгородский А. И. Проблемы теории и химии // Вопросы философии. 1966. № 1. С. 75.

[20] Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 109.

сделано еще тридцать лет назад (в 30-е г. XX в.) Б. М. Шавером, который отметил, что: «…нужно всегда помнить, что в конце концов теория той или иной науки — это систематизированное знание, сосредоточивающее в себе предшествующий опыт познания и определяющее тенденцию развития изучаемых явлений. Такая теория несомненно есть в криминалистике»[21].

Следует отметить, что именно усилиями профессора Р. С. Белкина был сформулирован относительно целостный теоретический базис криминалистического прогнозирования, его логическая и гносеологическая основы, актуальность которых представляется справедливой и по сей день.

Так, в качестве гносеологической основы научного прогнозирования (и криминалистического прогнозирования как его частного случая) выступает философская категория причинности, отражающая одну из форм взаимосвязи явлений объективного мира. В свою очередь логической основой научного прогнозирования является экстраполяция знаний, то есть перенесение знаний с одной предметной области на другую, еще не исследованную область.

Р. С. Белкиным описаны элементы научного криминалистического прогнозирования, перечень которых выглядит следующим образом:

«1. исходные данные для прогнозирования, то есть знание о прошлом или настоящем объекте или процессе, его связях с другими объектами или процессами, проявившихся в прошлом или проявляющихся в настоящем;

2. основание для прогнозирования, то есть знание о необходимых или вероятных направлениях развития объектов процессов в будущем, выступающее в виде теоретической системы знаний о закономерностях такого развития;

3. операции по прогнозированию, под которыми следует понимать процесс переноса знаний, являющихся основой для прогнозирования, на исходные данные для этого процесса и получение прогноза, то есть вероятного вывода о будущем;

---

[21] Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 74.

4. оценка прогноза как с точки зрения его достоверности, так и с точки зрения его содержания, то есть той ситуации, которая может создаться, если прогноз осуществится;

5. реализация прогноза, то есть формулирование системы рекомендаций, способствующих и обеспечивающих в зависимости от цели прогнозирования осуществление или неосуществление прогноза»[22].

Указанные элементы представляются своеобразным алгоритмом, динамическим компонентом которого выступают операции по прогнозированию, базирующиеся на трех взаимодополняющих друг друга способах (методах): анкетирование (опрос), экстраполирование и моделирование.

Остановимся на этой классической прогностической триаде подробнее. Указанные способы прогнозирования, входят в общий инструментарий прогнозирования любой общественной науки[23], исключением не является и криминалистика, в прогностической теории которой указанную триаду воспроизвел Р. С. Белкин, эта же концепция была в дальнейшем воспринята и судебной экспертологией.

Анкетирование (опрос) — способ прогнозирования, основанный на изучении мнений в данной проблемной области. Частным случаем выступают так называемые методы экспертных оценок, когда в основу прогноза закладывается мнение специалиста или коллектива специалистов, основанное на профессиональном, научном и практическом опыте[24]. С точки зрения судебно-экспертного прогнозирования использование при построении прогнозов оценок специалистов представляется ключевым в силу значительной специфики судебно-экспертной деятельности, относительной замкнутости экспертного сообщества. Вместе с тем комплексный подход требует привлечения и специалистов из иных связанных с судебной экспертизой областей, в первую очередь, представителей смежных с экспертологией наук.

---

[22] Белкин Р. С. Указ. соч. С. 112—113.

[23] См. обоснование в работе Бестужев-Лада И. В. Рабочая книга по прогнозированию.

[24] См.: Данелян Т. Я. Формальные методы экспертных оценок // Статистика и экономика. 2015. № 1. С. 183—187.

В рамках настоящего исследования указанный подход реализован в нескольких направлениях. Во-первых, на уровне организации анкетирования для выяснения мнения и формирования экспертных оценок, проведенного при привлечении членов профессорско-преподавательского состава кафедры судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», Союза лиц, осуществляющих деятельность в сфере судебной экспертизы и судебных экспертных исследований «Палата судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова». Общее число респондентов, опрошенных в результате применения метода экспертных оценок — 118 (100 %); общее число вопросов — 6.

Во-вторых, при оценке мнений специалистов, изложенных в тематической научной литературе.

Так, в частности, по результатам проведенного опроса — 88,1 % опрошенных считают, что отдельные тенденции развития судебно-экспертной деятельности должны прогнозироваться, а 78 % опрошенных отмечают, что на данный момент прогнозы в области судебной экспертизы недостаточно развиты (см. Приложение 2).

В свою очередь, способ экстраполяции как переноса знания, полученного из наблюдения за настоящим состоянием явления на его будущее (вероятное) состояние или перенос знания о части объекта на целое или другую его часть, применим в судебно-экспертном прогнозировании лишь при учете разработанных в экспертологии закономерностей. Не менее значимо это и для способа моделирования, поскольку теоретические предпосылки в судебной экспертологии развиты значительно лучше, чем статистическая и иная числовая, математически точная информация в этой области. Как отмечалось Р. С. Белкиным применительно к криминалистическому прогнозированию, и это справедливо и для судебной экспертологии, большинство сведений, которые могут стать исходными данными для прогнозирования там «относятся к области так называемой “несчитанной

статистики", т. е. представляются информацией о таких явлениях и процессах, которые статистическим учетом не охватываются»[25].

Действительно, с точки зрения научного прогнозирования в рамках судебной экспертологии, следует отметить, что теоретические закономерности в данном случае первичны. При должной степени разработанности они позволяют выстраивать адекватные гипотезы даже при скромном объеме эмпирического материала. Как справедливо отмечается крупным специалистом в области юридического прогнозирования К. В. Агамировым: «Юридический прогноз является функцией (или происходит) от двух аргументов: теоретического знания и эмпирических данных; он продуцируется знаниями о системе социально-правовых закономерностей и сопутствующих им условиях, без учета которых невозможно прогнозирование правовых явлений и процессов. Теоретический элемент структуры (знание о социально-правовых закономерностях) в юридическом прогнозе является главным. Эмпирические посылки, т. е. конкретные знания, сопутствующие реализации социально-правовых закономерностей, находятся в зависимости от последних»[26].

При этом указанные способы прогнозирования не исключают, а взаимодополняют друг друга. Очевидно, не исключается из процесса построения прогнозов и ряд стандартных общенаучных методов: наблюдение, описание, сравнение, а также категории формальной логики.

Наконец, возвращаясь к значимым элементам теории, профессором Р. С. Белкиным впервые была намечена структура криминалистического прогнозирования, включающая следующие разделы:

«1. Понятие и цели прогнозирования.

2. Методологические основы прогнозирования.

3. Понятие, содержание и виды исходных данных для прогнозирования.

4. Операции по прогнозированию.

---

[25] Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М. : Юрид. лит., 1987. С. 247.

[26] Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования Российской правовой системы // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 29.

5. Критерии и методы оценки прогнозов.

6. Пути и формы реализации прогнозов»[27].

Изложенные выше идеи не прошли незамеченными. В 1971 г. положительную оценку разработке теоретических основ криминалистического прогнозирования дал А. П. Сапун, отметив: «Весьма важной и перспективной для деятельности экспертных криминалистических учреждений и теории экспертизы является разработка криминалистического прогнозирования, намеченная в общих чертах Р. С. Белкиным. *Прогнозирование экспертной деятельности, ее основных форм и конкретных видов, технических средств и научных методов ее осуществления позволило бы правильно планировать развитие этой деятельности, своевременно предвидеть возможность возникновения тех или иных ее "узких мест" и заблаговременно готовиться к решению тех задач, которые в соответствии с прогнозом могут возникнуть перед судебной экспертизой в будущем* (выделено нами — А. Ч.). Таким образом, разработка теории криминалистического прогнозирования имеет самое непосредственное практическое значение и должна быть активизирована»[28].

Отдельные вопросы криминалистического прогнозирования в дальнейшем рассматривались рядом крупных советских ученых-криминалистов. В частности, Г. Г. Зуйковым, И. Я. Фридманом, Г. Ф. Горским и др. Однако все они подходили к прогнозированию исключительно в аспекте иных криминалистических проблем, что в целом не оказало значимого влияния на эволюцию научных подходов к теории криминалистического прогнозирования.

Отдельного внимания в части генезиса заслуживает работа Г. Л. Грановского «О криминалистическом прогнозировании», тезисы которой были изложены им в 1976 г. В ней он предпринял попытку описать структуру криминалистической прогностики как раздела криминалистической науки, тем не менее частично

---

[27] Белкин Р. С. Указ. соч. С. 117.

[28] Сапун А. П. Роль общей теории советской криминалистики в развитии теоретических основ криминалистической экспертизы. В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Выпуск 8. Киев, 1971. С. 116.

повторяя структуру, уже описанную Р. С. Белкиным и изложенную выше[29]. Им же был предложен новый вариант названия теории — «криминалистическая прогностика».

Сложившийся в 70-е—80-е гг. XX века научный подход к криминалистическому прогнозированию вышел на новый уровень развития в 90-е гг. XX века. Это связано с именем Л. Г. Горшенина, которым было осуществлено первое исследование сущности и содержания криминалистического прогнозирования в рамках отдельного научного труда. В 1993 г. вышла в свет его монография «Основы теории криминалистического прогнозирования», а в 1994 г. была защищена диссертация по той же теме («Теория криминалистического прогнозирования»).

Ученым было предложено определение предмета частной криминалистической теории прогнозирования, которым «…являются общие закономерности развития прогнозируемых криминалистически значимых объектов и процессов разработки криминалистических прогнозов»[30]. Из определения следует (и справедливо), что речь не идет о прогнозировании конкретных, единичных явлений, а о более общих закономерностях, присущих научному прогнозированию и отличающему его от различных форм эмпирического предвидения. Вместе с тем далее Л. Г. Горшениным было допущено смешение этих понятий. Так, в частности, им отмечалось: «Необходимость в криминалистических прогнозах ощущается практически во всех сферах деятельности правоохранительных органов на местах. Например, в деятельности по расследованию преступлений. Криминалистические прогнозы могут оказать существенную помощь работникам следствия и дознания в установлении и розыске лица, совершившего преступление, розыске похищенного, обнаружении следов преступной деятельности, определении дальнейшего поведения подозреваемого на следствии, установлении свидетелей и предвидении их поведения на допросах

[29] См.: Грановский Г. Л. Криминалистическое прогнозирование. Тезисы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 3,4.

[30] Горшенин Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993. С. 45.

и т. д.»[31]. Указанное свидетельствует о некоторой непоследовательности подхода, изложенного в работе ученого.

Однако это не умаляет ценности работы в части внесения значительных уточнений в структуру основных элементов научного криминалистического прогнозирования. По мнению Л. Г. Горшенина, методика криминалистического прогнозирования разделяется на две стадии: подготовительную и прогнозирующую. Этот подход в дальнейшем был изложен и Р. С. Белкиным в одной наиболее авторитетных современных криминалистических энциклопедий, где указано: «На подготовительной стадии определяются объект прогнозирования и прогнозный фон (совокупность внешних по отношению к объекту прогнозирования условий, значимых для решения задач прогноза), составляется координационный план, включающий все этапы прогнозирования и возможные его результаты, и разрабатываются основания для прогнозирования. На второй стадии осуществляется собственно прогнозирование»[32].

Работа Г. Л. Горшенина, несмотря на некоторую непоследовательность отдельных утверждений, представляет собой единственную работу монографического уровня, посвященную теории криминалистического прогнозирования.

Обратив выше внимание на принципиальный вопрос однозначного и последовательного разграничения научного криминалистического прогнозирования и эмпирического предвидения, отметим, что он был окончательно решен Р. С. Белкиным в конце 90-х гг. XX века.

Акцентируя разграничение этих понятий, ученый указывал: «Эмпирическое предвидение, осуществляемое в повседневной работе следователями, оперативными сотрудниками, экспертами, базируется на их личном, профессиональном опыте, характеристике следственной ситуации, данных о проходящих по делу лицах и т. п. и преследует цель решения конкретной

---

[31] Горшенин Л. Г. Указ. соч. С. 120.

[32] См. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. доп. М. : Мегатрон XXI, 2000. Словарная статья «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ». С. 103—104.

“сиюминутной” задачи... Это не научный прогноз, поскольку такое предвидение основывается на иных исходных данных, формируется не по методике научного прогноза и может быть даже чисто интуитивным»[33].

Еще более подробное рассмотрение этого вопроса было проведено им в рамках VII главы «Научный прогноз и эмпирическое предвидение» критической работы «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики» (2001). Там, в частности, отмечено, что различие между эмпирическим предвидением и научным (криминалистическим) прогнозированием «заключается прежде всего в содержании и объеме требуемой информации. Условия эмпирического предвидения не требуют столь обширной информации, какая необходима для научного прогноза. Индивидуальный характер объектов предвидения не позволяет применять методы формирования научного прогноза, рассчитанные на массовые явления, да и имеющееся в распоряжении следователя время исключает возможность длительных процедур, необходимых для разработки научного криминалистического прогноза»[34].

Продолжая линию, намеченную упомянутыми ранее учеными, наиболее значимые теоретические исследования проблем прогнозирования на современном этапе встречаются в работах таких криминалистов как К. В. Бугаев, В. В. Бирюков, С. В. Дубровин[35]. Стоит отметить, что их работы отличают скорее не принципиально новые положения, но углубление сложившихся теоретических построений и рефлексия на тему роли и места криминалистического прогнозирования в криминалистике как науке, его методы и методология.

---

[33] Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. М., 1997. С. 435—436.

[34] Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001. С. 149.

[35] См.: Бугаев К. В. Методология криминалистического прогнозирования (на примере экспертных подразделений ОВД) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 2 ; Бирюков В. В. Криминалистическое прогнозирование, его значение в криминалистике и практике расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43) ; Дубровин С. В. Концептуальные основы учений о криминалистической прогностике и криминалистических версиях (криминалистической версиологии) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21).

Рубеж веков был отмечен еще несколькими работами, посвященными отдельным аспектам криминалистического прогнозирования. Среди них кандидатские диссертации А. А. Трошкина «Криминалистическое прогнозирование дорожно-транспортных происшествий» (1994), А. Ю. Дементьева «Криминалистическое прогнозирование в процессе собирания и фиксации доказательств по уголовному делу» (2003).

Как было отмечено в исследовании А. А. Трошкина: «…предупреждение дорожно-транспортных происшествий немыслимо без профессиональных криминалистических прогнозов, которые бы позволяли предвидеть развитие и последствия той или иной аварийной ситуации, способы наездов и их последствия, характеристику потерпевших, поведение водителя после совершения аварии и т. д»[36].

В свою очередь в работе А. Ю. Дементьева были раскрыты некоторые возможности применения криминалистического прогнозирования в следственной деятельности. Как с точки зрения обнаружения доказательств: «Действия по эффективному обнаружению доказательств неразрывно связаны с прогнозированием (предвидением) процесса образования и локализации следов…», так и с точки зрения необходимости их фиксации: «…между процессом фиксации (закрепления) доказательств и методом прогнозирования в расследовании существует двусторонняя связь: с одной стороны, прогнозирование повышает эффективность их собирания и фиксации, а с другой — зафиксированные (закрепленные) в процессуальной форме доказательства являются надежной информационной базой для оптимальных прогнозов»[37]. Как видно, и здесь имеет место смешение категорий научного прогнозирования и эмпирического предвидения. Отметим, что подобное — не редкость в работах, прогнозирование в которых рассматривается преимущественно в его прикладном

---

[36] Трошкин А. А. Криминалистическое прогнозирование дорожно-транспортных происшествий : автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 1994. С. 5.

[37] Дементьев А. Ю. Криминалистическое прогнозирование в процессе собирания и фиксации доказательств по уголовному делу : автореферат дис. … канд. юрид. наук. Екб., 2003. С. 4.

аспекте. Это явление приобретает особую остроту, поскольку многие работы прогностического характера, будучи обозначены как таковые, не всегда обладают достаточно стройной теоретической базой.

Тем не менее следует признать, что не в теоретической, а скорее в практической плоскости криминалистическое прогнозирование и продолжает развиваться на данном этапе. Полагаем, уровень научного обоснования криминалистического прогнозирования, во многом базируемый на работах крупных ученых прошлого, способствует подобной тенденции.

Так, например, отдельные аспекты прогнозирования как части методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, рассматриваются в работе А. К. Щербаченко[38]; направления криминалистического прогноза мошенничества в сети Интернет рассмотрены О. А. Науменко[39]; прогнозирование в правоприменительной деятельности рассматривается Е. И. Замылиным[40] и др.

Вероятно, схожим путем будет развиваться и судебно-экспертное прогнозирование по мере углубления его теоретической основы, обоснования отдельных направлений прогнозирования, появления бóльшего количества соответствующих научных работ и конкретных практико-ориентированных прогнозов в области судебно-экспертной деятельности.

Итак, влияние теории криминалистического прогнозирования особенно важно в контексте генезиса теории собственно судебно-экспертного прогнозирования. Исторически, по мере того как судебная экспертиза в силу своей междисциплинарной природы становилась самостоятельным, отличным от криминалистики объектом научного знания, развивались и концептуальные основы общей теории судебной экспертизы, а также ее частные составляющие.

---

[38] См.: Щербаченко А. К. Криминалистическое прогнозирование как часть базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц // ЮП. — 2020. — №1 (92). — С. 161—164.

[39] См.: Науменко О. А. О криминалистическом прогнозировании мошенничеств в сети интернет // Вестник КРУ МВД России. — 2021. — №4 (54). — С. 72—76.

[40] См.: Замылин Е. И. Криминалистическое прогнозирование в правоприменительной деятельности // Общество и право. — 2019. — №3 (69). — С. 85—90.

Следует обозначить несколько, на наш взгляд, принципиальных особенностей развития экспертного прогнозирования.

Во-первых, отметим фактическое заимствование имеющихся теоретических наработок теории криминалистического прогнозирования применительно к прогнозам развития судебной экспертизы. Судебно-экспертное прогнозирование наследует достижения криминалистического прогнозирования и только встает на путь наполнения их новым специфическим содержанием. Сложно не согласиться с позицией Е. В. Ивановой, отметившей, что частная теория судебно-экспертного прогнозирования «воспроизводит основные положения теории криминалистического прогнозирования, сформулированные Р. С. Белкиным»[41]. При этом подобная ситуация для науки не нова и, безусловно, автоматически не свидетельствует о негативном опыте подобной рецепции. Так, в свою очередь многие положения теории криминалистического прогнозирования, сформулированной Р. С. Белкиным, развитой Л. Г. Горшениным, а затем дополненной К. В. Бугаевым, В. В. Бирюковым, С. В. Дубровиным и другими учеными, во многом были вдохновлены достижениями криминологического прогнозирования, в частности работами Г. А. Аванесова[42]. Описанная ранее преемственность и взаимообусловленность (тем более столь близких и исторически, и по ученым-разработчикам) наук в целом отвечает и актуальному сейчас комплексному подходу к наукам уголовно-правового цикла.

Действительно, свой категориальный аппарат, структуру, а также подход к разграничению прогнозирования и эмпирического предвидения теория заимствует, а необходимые элементы теоретического базиса только формирует. В том виде, в котором содержание этой теории на данный момент отражается в учебной литературе, принципиально отличных от криминалистического прогнозирования

---

[41] Иванова Е. В. Задачи экспертного прогнозирования в судебной экспертизе наркотических средств // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. №1. С. 30.

[42] Чистилина А. С. Судебно-экспертное прогнозирование формирования и развития новых родов и видов экспертиз: к вопросу теоретического обоснования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 3 (115). С. 166.

положений практически не обнаруживается[43]. Встречаются и соответствующие издания, посвященные судебно-экспертной деятельности, по тем или иным причинам не отражающие этого направления в принципе[44].

При обоснованной годами развития науки и практики самостоятельности судебной экспертологии, значимые работы, специально посвященные судебно-экспертному прогнозированию, долгое время так и не были написаны, несмотря на включение прогнозирования в структуру общей теории судебной экспертизы, отмеченное крупнейшими учеными в этой области.

Впервые теория экспертного прогнозирования в качестве самостоятельного элемента была включена в структуру общей теории судебной экспертизы одним из наиболее видных ученых в этой области — профессором Т. В. Аверьяновой (Аверьянова Т. В., Алиев И. А. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку, 1992; Судебная экспертиза: курс общей теории, М., 2006)[45]. Однако, нельзя не отметить, что проблемы экспертного прогнозирования затрагивались в тот период и профессором Т. В. Толстухиной — последовательным сторонником и инициатором выделения в классификации задач судебной экспертизы прогностических задач[46].

Не углубляясь в рассмотрение проблем классификации экспертных задач, споры о которой продолжаются в рамках различных научных школ и по сей день, укажем, что понимаем в рамках настоящей работы прогностическую задачу как задачу общетеоретического уровня. Что логично следует из упомянутого нами ранее различения научного прогнозирования и эмпирического предвидения.

---

[43] См., например: Россинская, Е. Р., Галяшина, Е. И., Зинин, А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2 е изд. перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023.

[44] См., например: Сорокотягин, И. Н. Судебная экспертиза : учебник и практикум для вузов / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. М. : Издательство Юрайт, 2024.

[45] См.: Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. — М. : Норма, 2006. Эта же структура изложена и в современном переиздании работы (Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 43).

[46] См.: Толстухина, Т. В. Современные тенденции развития судебной экспертизы на основе информационных технологий : дис. … д-ра юрид. наук. — М., 1999.

С теоретической же точки зрения, отметим, что затруднительно провести четкую границу между так называемыми прогностическими задачами и задачами диагностическими (представляется, что она может лежать в плоскости не ретроспективного, но перспективного определения причинно-следственных связей, что, впрочем, не влияет на сущность подобных задач). Безусловно, причинная связь имеет особое значение для прогнозирования в его научном преломлении, взаимосвязью и взаимообусловленностью явлений как общей предпосылкой формирования знаний и о будущем в том числе, однако, на уровне практической экспертной деятельности, тем более экспертного исследования, это вполне охватывается общепризнанными диагностическими задачами. В этом отношении мы придерживаемся классификационного подхода, подробно описанного Ю. Г. Коруховым, который относительно устанавливаемых при диагностике связей писал: «Установление генетической (причинной) связи, т. е. связи между причиной и следствием, способствует выяснению сущности происшедшего события (явления), проведению моделирования по наблюдаемым результатам его отражения, определению возможности совершения конкретного действия в данных условиях»[47].

Обращаясь к критической оценке выделения прогностических экспертных задач (иными словами, прогностических задач экспертного исследования), высказанной Т. В. Аверьяновой, согласимся с тем, что: «Развитие теории экспертного прогнозирования конечно же целесообразно, и она, несомненно, имеет практическую ценность, но для решения *не экспертных задач, а задач общей теории судебной экспертизы* (выделено нами — А. Ч.). Именно поэтому мы отнесли прогнозирование процессов, протекающих в экспертной практической деятельности, и задач научных исследований в области судебной экспертизы к

[47] Корухов Ю. Г. Методологические основы криминалистической экспертной диагностики // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы : сборник научных трудов. М. : Изд-во ВНИИСЭ, 1987. С. 12—26. Цит. по Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), «Право в историческом преломлении». 2020. № 2. С. 179.

задачам общей теории судебной экспертизы. Определение же прогностической задачи требует пояснений»[48].

Указанное не умаляет ценности иного подхода к выделению экспертных задач, но тем не менее проясняет наш подход к прогностическим исследованиям в рамках судебной экспертологии.

Рассмотрение прогнозирования в аспекте задач и функций науки о судебной экспертизе (иными словами, на уровне общетеоретическом, но не уровне конкретного экспертного исследования) в целом присуще современному теоретическому дискурсу. На прогностические функции и задачи в рамках своих работ указывали многие ученые.

На прогностическую функцию обращает внимание Е. В. Чеснокова, в работе, посвященной концептуальным основам стандартизации в судебно-экспертной деятельности: «Прогностическая функция теории отражает главную цель любой теории — создание нового знания и прогноз ее развития. Так, предвидение относительно развития ЧТС СЭД (частной теории стандартизации в судебно-экспертной деятельности — расшифровано нами — А. Ч.) состоит из взаимосвязанных предположений, аналогичных развитию частных теорий, составляющих содержание общей теории судебной экспертологии. Здесь ключевыми аспектами будут являться развитие самой системы СЭО (судебно-экспертных организаций — расшифровано нами — А. Ч.) как государственных, так и частных, увеличение аккредитованных СЭО, специфике их деятельности по перенастройке механизмов в соответствии с требованиями международных стандартов, что приведет к необходимости фиксации таких фактов и возникновению новых обобщений»[49].

В свою очередь в работе, посвященной современным проблемам судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и путям их решения,

---

[48] Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории : монография. С. 43.

[49] Чеснокова Е. В. Концептуальные основы стандартизации в судебно-экспертной деятельности : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 363.

Ф. Г. Аминев отмечает, что: «Прогностическая функция помогает составить прогноз о новых направлениях развития судебно-экспертной деятельности»[50].

На широкое общетеоретическое приложение прогнозирования в судебно-экспертной деятельности указывает и Н. П. Майлис: «Вскрывая закономерности, существующие в судебной экспертизе как открытой системе, выявляя связи и отношения между существующими фактами и явлениями, общая теория судебной экспертизы должна быть в состоянии предсказать и такие факты, которые будут открыты в будущем. Это может касаться создания новых учений в рамках общей теории, определения нового уровня заключения эксперта в общей системе доказывания с учетом компьютеризации экспертной деятельности, определение новых подходов к изучению объектов — носителей уголовно значимой информации»[51].

Наиболее подробно, представляется, это было раскрыто уже упомянутой ранее Т. В. Аверьяновой, которая отметила: «В аспекте общей теории судебной экспертизы мы видим область приложения прогностической функции в следующем:

а) прогнозирование расширения и пополнения круга объектов экспертизы;

б) прогнозирование расширения арсенала частно-научных и специальных экспертных методов;

в) прогнозирование интеграционных процессов в области методов экспертных исследований;

г) прогнозирование путей развития технического арсенала экспертов;

д) прогнозирование развития и совершенствования организационных и методических основ и форм комплексирования методов экспертизы.

---

[50] Аминев Ф. Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 68.

[51] Майлис Н. П. Современные проблемы научных и методологических основ судебной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 65.

Прогностическая функция общей теории судебной экспертизы является методологической и операционной основой теории экспертного прогнозирования»[52].

Мы солидарны с тем, что у прогностической функции необходимо обозначать конкретные области приложения. С одной стороны, это должны быть направления наиболее актуальные с точки зрения практики и реалий современных условий развития судебно-экспертной деятельности, с другой, специфические именно для судебной экспертологии и базирующиеся на познании присущих предмету этой науки закономерностей.

В рамках настоящей работы областью приложения прогностической функции судебной экспертологии выступает формирование и развитие новых родов и видов экспертиз в условиях цифровизации.

Соглашаясь с отмечаемой многими учеными значимостью прогностической функции, заметим, что это хоть и стимулирует прогностические исследования в отношении тех или иных сфер судебно-экспертной деятельности, но все же мало способствует развитию собственно частной теории судебно-экспертного прогнозирования.

С формальной точки зрения на данный момент единственной крупной научной работой, специально посвященной этой теории, выступает диссертационное исследование И. В. Устиновой (Судебно-экспертное прогнозирование: теоретические и прикладные аспекты. Тула, 2021). В отношении теоретической базы судебно-экспертного прогнозирования эту работу можно счесть знаковой, в том смысле, в котором ранее мы отметили, что, именуясь самостоятельной частной теорией, экспертное прогнозирование до этого момента не отличалось обоснованием необходимых для этого элементов, таких как свой предмет, объект, задачи и. т. д.

И. В. Устиновой предпринята попытка описать структурные элементы частной теории судебно-экспертного прогнозирования, основные понятия,

---

[52] Аверьянова Т. В. Указ. соч. С. 102.

определения и методы прогнозирования, а также раскрыть место прогнозирования в составе общей теории.

Так, автор указывает, что предметом общей теории судебной экспертизы является: «…система методологического интеграционного знания об объектах, процессах, явлениях окружающего мира, отражающая закономерности их развития, формирования, изменения и использования с целью получения нового теоретического либо прикладного отраслевого экспертного доказательственного знания»[53].

В работе также формулируется предмет частной теории судебно-экспертного прогнозирования, под которым автором понимаются: «…закономерности формирования перспективного знания об объектах, их состояниях, процессах и явлениях, обусловленного системой сформировавшихся закономерностей ранее произошедших событий, явлений или процессов»[54].

Концептуально соглашаясь с приведенным определением в общем, отметим, что для целей судебно-экспертного прогнозирования необходимо заострить внимание на том, что речь должна идти не об абстрактном перспективном знании, но объектах, процессах и явлениях, сопряженных именно с осуществлением судебно-экспертной деятельности. При этом, повторимся, мы рассматриваем теорию экспертного прогнозирования в контексте решения задач общей теории судебной экспертологии, но не экспертных задач.

Представляет особый интерес сформулированная И. В. Устиновой система исходных для формирования частной теории судебно-экспертного прогнозирования источников (курсивное начертание автора нами сохранено — А. Ч.):

«1. Теоретические основы судебно-экспертного прогнозирования:

а) законы диалектики;

б) частная научная теория экспертной диагностики;

---

[53] Устинова И. В. Судебно-экспертное прогнозирование: теоретические и прикладные аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Тула., 2021. С. 146.

[54] Там же. С. 147.

в) учения:

— учение о предмете ОТСЭ;

— *учение о ситуации;*

— *учение о временных и пространственных связях и отношениях;*

— учение о задачах, их классификация;

— учение о методах и их классификация;

— учение о механизме следообразования;

— *учение о личности преступника;*

— *учение о рисках;*

— учение об информационно-коммуникационных технологиях;

— *учения базовых для судебной экспертизы наук (медицины, биологии, информационно-коммуникационных технологий, психологии, психиатрии, экономики, экологии, технических и других наук);*

г) классификации.

2. Практическая статистическая деятельность:

— обобщение экспертной практики;

— разработка и внедрение новых методик, методов и технических средств в экспертную практику;

— новые способы преступлений;

— изменение законодательства (появление новых составов и видов преступлений);

— трудоемкость отдельных экспертных операций;

— конструктивные и технологические недостатки технических объектов судебной экспертизы, выявленные экспертами при исследовании»[55].

Согласимся в целом с тем, что у судебно-экспертного прогнозирования, действительно, должна быть система источников, выступающая как исходные данные для построения прогнозов (теоретические и эмпирические). Предложенная система, безусловно, актуальна, оригинальна, хотя и не бесспорна.

---

[55] Там же. С. 124—125.

Так, состав входящих в нее учений, очевидно, может быть дискутируем, исходя из того, как каждый ученый подходит к разграничению учений и теорий, а также к самой сущности прогнозирования. На наш взгляд, при выделении в структуре учений о задачах и методах следовало бы не обойти вниманием и объекты, тем более что специфика объекта значительно влияет на ход конкретного исследования. А, говоря о так называемом учении базовых для судебной экспертизы наук, следует заметить, что, хотя отдельные науки, безусловно, влияют на научную обоснованность судебных экспертиз (в первую очередь, естественно-научные, технические и др. в части их методологии), выделение их в качестве теоретических основ судебно-экспертного прогнозирования в целом представляется не вполне понятным. Это, как минимум, требует ответа на вопрос относительно чего в части экспертного прогнозирования та или иная наука выступает базовой, и в чем суть этой связи. В данном случае более релевантно, на наш взгляд, говорить о том, что те или иные науки по мере своего развития предлагают новые методические подходы и технические решения для решения отдельных практических задач, в том числе с позиции противодействия преступной деятельности.

Относительно второй части системы, полагаем, что статистические данные и данные практики следовало бы четко разграничить и рассматривать как самостоятельные составляющие. Как подчеркнуто нами ранее, далеко не все значимые для прогнозирования обстоятельства в области судебно-экспертной деятельности обладают количественными характеристиками. Например, процесс цифровизации, обуславливающий, среди прочего, трансформацию объектов экспертного исследования и трансформацию методологических подходов, очевидно, — явление главным образом качественного характера. Ряд отмеченных в системе элементов, в частности трудоемкость отдельных экспертных операций, в целом вызывает вопросы об их статистическом характере.

Статистическая информация, безусловно, должна выступать одной из основ прогностических исследований. Вместе с тем следует признать, что для судебной экспертизы это крайне проблематично. Количество статистической и иной

значимой для построения качественных прогнозов информации относительно мало. В частности, в силу отсутствия централизованной правовой статистики в области судебно-экспертной деятельности. Затруднителен и систематический анализ данных практики — это сопряжено со сложным, междисциплинарным характером судебной экспертизы, неоднородностью развития этого института в рамках различных форм судопроизводства, а также организационной неоднородностью судебно-экспертной практики в различных учреждениях и организациях[56].

Отдельно отметим выделенное автором в качестве одного из источников формирования частной теории судебно-экспертного прогнозирования изменение законодательства (появление новых составов и видов преступлений). На наш взгляд, такого рода обстоятельства выступают одним из элементов того, что Р. С. Белкин, как упомянуто нами ранее, применительно к криминалистике, обозначал как «прогнозный фон» — совокупность внешних по отношению к объекту прогнозирования условий, значимых для решения задач прогноза. Изменение законодательства в части появления новых составов и видов преступлений, представляется, явление от судебно-экспертной деятельности независимое и внешнее. Для целей прогнозирования оно ценно тем, что фиксирует определенную публично-правовую претензию к тем или иным моделям поведения (явлениям) и позволяет говорить о том, что в определенный момент обстоятельства, необходимые для расследования новых составов преступлений, могут потребовать использования специальных знаний. Однако для судебно-экспертного прогнозирования более ценны не сами тенденции уголовного, административного и др. законодательства, но то, повлечет ли это реальные сдвиги в экспертной практике — новые объекты и задачи, повлияет ли это в итоге на нормы, посвященные судебно-экспертной деятельности, ведомственные акты и перечни. Ведь изменение законодательства (появление новых составов и видов правонарушений, преступлений) само по себе не гарантирует того, что к

[56] См.: Чистилина, А. С. Генезис и современное состояние теории судебно-экспертного прогнозирования // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 6. С. 163.

расследованию и разрешению соответствующих дел будут привлечены сведущие лица.

Полагаем, что некоторые высказываемые нами концептуальные возражения продиктованы уже обозначенным ранее подходом к прогностической задаче как явлению строго общетеоретического толка. Несмотря на спорный характер ряда положений, работа И. В. Устиновой представляет собой значимую веху в развитии частной теории судебно-экспертного прогнозирования и открывает дорогу для необходимых научных дискуссий. К отдельным ее положениям мы еще вернемся по ходу настоящего исследования.

Заключительной особенностью современного состояния теории судебно-экспертного прогнозирования, на которую стоит обратить внимание, выступает то, что многие ученые, прямо не касавшиеся вопросов прогнозирования, так или иначе, исследуя различные направления судебно-экспертной деятельности, затрагивали проблемы их тенденций и перспектив. Строго говоря, они, действительно, не рассматривали вопросы судебно-экспертного прогнозирования, тем более его теорию, однако в силу отмеченной общей прогностической функции науки значительно обогатили понимание возможных направлений развития судебной экспертизы. Среди них следует отметить Т. В. Толстухину (влияние информационных технологий на развитие судебной экспертизы), Ф. Г. Аминева (проблемы деятельности судебно-экспертных организаций), Е. Р. Россинскую (всесторонняя разработка проблем цифровизации судебно-экспертной деятельности)[57], Е. И. Галяшину (развитие речеведческих экспертиз)[58], Н. П. Майлис (развитие трасологии)[59], Т. Ф. Моисееву (перспективы развития

[57] См.: Россинская Е. Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. — 2020. — № 4—1 (62). — С. 88—101 и др.

[58] См.: Галяшина Е. И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве: насущные потребности, проблемы и пути их решения // Теория и практика судебной экспертизы. — 2019. — Том 14. — № 4. — С. 6–18 и др.

[59] См.: Майлис Н. П. Роль инновационных технологий в развитии цифровой трасологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. — Том 17 — № 2. —С. 18—22 и др.

биологических методов исследования)[60], А. М. Зинина и И. Н. Подволоцкого (развитие портретной экспертизы)[61] и многих других выдающихся теоретиков и практиков.

На наш взгляд, сложившийся прогностический инструментарий требует дальнейшей разработки и уточнения. Общие тенденции, фиксируемые в работах крупных специалистов в области судебной экспертологии и экспертов-практиков, могут и должны быть подняты на уровень полноценных прогнозов с четкими закономерностями их построения.

Итак, современное состояние судебно-экспертного прогнозирования характеризуется, с одной стороны, значительным концептуальным влиянием криминалистического прогнозирования и относительной неразвитостью собственных теоретических основ. Многие базовые элементы этой частной теории еще требуют своего обоснования, а некоторые значимые для прогнозирования составляющие, в частности прогнозный фон, — рассмотрения в принципе. С другой стороны, судебной экспертологией адекватно восприняты основные прогностические достижения криминалистики и криминологии, а перспективы и тенденции развития судебно-экспертной деятельности в целом и ее отдельных составляющих пусть и не на уровне построения конкретных прогнозов, но в рамках научных дискуссий регулярно становятся предметом интереса ученых.

В дальнейшем мы планируем внести ряд теоретических уточнений и сформулировать отдельные прогнозы развития судебной экспертизы. Конкретной областью приложения прогностических усилий, исходя из обозначенной темы исследования, выступают процессы формирования и развития новых родов и видов экспертиз. Для того, чтобы рассматривать это в качестве объекта прогнозирования, необходимо определить специфику этих процессов, центральной проблемой

---

[60] См.: Моисеева Т. Ф. Современные методы диагностики свойств и состояний человека по его биологическим следам // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 2. — С. 210—213 и др.

[61] См.: Зинин А. М. Нейросети и судебно-портретная экспертиза // Вестник криминалистики. — 2020. —№ 2 (74). — С. 66—69.; Подволоцкий И. Н. Организация портретной экспертизы в цифровой сфере // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2020. — № 6 (70). — С. 89—100 и др.

которых на современном этапе выступает трансформация объектов судебных экспертиз в условиях цифровизации.

§ 1.2. Влияние трансформаций объектов судебных экспертиз на формирование (развитие) новых родов и видов экспертиз в условиях цифровизации

Научное прогнозирование в любой сфере имеет определенные границы, с большей или меньшей степенью определенности заданные направления приложения прогностических усилий, обуславливаемые собственно предметом соответствующей науки. Применительно к судебной экспертологии следует говорить о том, что прогнозирование в этой области имеет свой предмет и специфические объекты. Их формулирование, представляется, все еще остается дискуссионным вопросом. Прежде чем продолжить исследование особенностей заявленного в теме настоящей работы объекта прогнозирования, необходимо сделать необходимые теоретические пояснения.

Судебно-экспертное прогнозирование — одна из частных теорий в составе общей теории судебной экспертологии, что обуславливает специфику их взаимоотношений. Построенная на классических диалектических категориях связь общей и частных теорий предполагает, что каждая частная теория отражает ту или иную сторону предмета познания элемента системы более высокого уровня. Во-первых, подчиняясь и соответствуя этой иерархии элементов, во-вторых, позволяя раскрыть ее более подробно, ведь часть в известном отношении всегда богаче целого.

На целостность этой системы справедливо обращает внимание и И. В. Устинова, говоря о том, что предмет любой из существующих или вновь разработанных частных научных экспертных теорий должен быть охвачен

предметом общей теории судебной экспертизы[62]. Опираясь на это, предмет судебно-экспертного прогнозирования должен находиться в непротиворечивой связи с предметом общей теории.

Действительно, как отмечалось Р. С. Белкиным применительно к объектам криминалистического прогнозирования, следует возражать против объявления таковыми явлений и процессов, не охватываемых предметом этой науки[63]. Это применимо и к судебной экспертологии. Прогнозирование явлений и процессов, которые прямо охватываются предметом судебной экспертологии и составляют то специфическое, что отделяет эту науку от прочих, — необходимое условие, позволяющее в дальнейшем определять конкретные направления прогностических исследований.

Однако необходимо отметить, что границы прогнозирования могут оставлять пространство для дискуссий в той мере, в которой ряд ученых по-разному подходит к формулированию предмета науки. И именно от этого, главным образом, зависит ответ на вопрос — что прогнозировать в рамках судебной экспертологии?

Здесь необходимо важное уточнение. В исторической ретроспективе до становления судебной экспертологии как самостоятельной науки, по аналогии с имеющимися наработками в криминалистике сформировалась общая теория судебной экспертизы — первоначально не как наука, но как междисциплинарная теория. Наиболее авторитетный подход к предмету этой теории был высказан профессором Т. В. Аверьяновой, которая, исходя из праксеологического (деятельностный, практико-ориентированный, от греч. *praxis* — действие) подхода к предмету общей теории судебной экспертизы, оставила за рамками предмета правовые и организационные основы судебно-экспертной деятельности[64]. Если бы мы исходили из подобного подхода сейчас, то в таком случае судебно-экспертное прогнозирование не должно было бы касаться перспектив развития

---

[62] Устинова И. В. Судебно-экспертное прогнозирование: теоретические и прикладные аспекты. С. 147.

[63] Белкин Р. С. Курс криминалистики. Учебное пособие для вузов в 3-х томах. Том 2. 3-е изд., дополненное, Москва 2001. С. 286.

[64] См. обоснование данного подхода в работе: Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории : монография.

законодательства о судебной экспертной деятельности или возможных изменений в ведомственных нормативных правовых актах, касающихся вопросов организации экспертиз, трансформаций перечней выполняемых родов (видов) экспертиз и т. д.

Очевидно, что с позиций современного развития теории и практики, высокой роли специальных знаний в различных формах судопроизводства, особенно — уголовном, спор о самостоятельности судебной экспертологии и ее статусе как полноценной науки уже исчерпан, что на данном этапе не только в целом общепринято в научном сообществе, но и четко отражено в обновленной номенклатуре научных специальностей Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования (ВАК)[65].

Таким образом, для определения границ судебно-экспертного прогнозирования значим именно предмет судебной экспертологии. Не углубляясь в научные дискуссии относительно его определения, обзор чего подробным образом раскрыт, например, в диссертационной работе О. Г. Дьяконовой[66], отметим, что придерживаемся позиции, согласно которой предметом судебной экспертологии должны охватываться и теоретические, и правовые, и организационные закономерности осуществления судебно-экспертной деятельности. Указанное в наибольшей степени соответствует междисциплинарному статусу судебной экспертизы, специфике организации и функционирования системы судебно-экспертной деятельности, влиянию на нее цифровых технологий.

Мы исходим из того, что предметом судебной экспертологии являются теоретические, правовые и организационные закономерности осуществления

---

[65] Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 22.02.2025).

[66] См. Дьяконова О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : спец. 12.00.12. Москва., 2021. С. 63—78

судебно-экспертной деятельности в целом; *закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз* (курсив наш — А. Ч.) и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, и разрабатываемые на основе познания этих закономерностей единые для всех видов судопроизводства унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий, единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности[67].

Полагаем, несмотря на некоторую тяжеловесность указанного определения, оно позволяет относительно исчерпывающе очертить возможные направления судебно-экспертного прогнозирования, а также исключить явления, очевидно, выходящие за его пределы. Так, в частности, следует возражать против встречающегося в литературе включения в число объектов судебно-экспертного прогнозирования отдельных видов преступлений, появления новых способов преступлений за счет развития научно-технического прогресса и технологий и т. п[68]. Это область исследования иных наук, хотя и связанная с судебной экспертологией в том смысле, в котором связанны все уголовно-правовые науки.

В теории возможны и иные подходы. Как мы отметили ранее, формулирование предмета науки о судебной экспертизе фактически остается вопросом дискуссионным и варьируется в зависимости от научной школы и воззрений различных авторов.

На наш взгляд, **судебно-экспертное прогнозирование** можно определить как *специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития процессов и явлений, сопряженных с осуществлением судебно-экспертной деятельности и отражающих ее теоретические, правовые и организационные закономерности.*

---

[67] Россинская Е. Р. Современная судебная экспертология — наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 16.

[68] См. Устинова И. В. Указ. соч. С. 149.

Таким образом, подчеркивается два принципиально важных обстоятельства:

а) прогнозирование в рамках судебной экспертологии возможно лишь в части изучаемых ей (не иными науками) закономерностей. Судебно-экспертное прогнозирование становится таковым тогда, когда оно обращено на феномены и явления судебно-экспертной деятельности, базируется на данных теории и практики судебной экспертизы;

б) это научное исследование общетеоретического уровня, не сводимое к решению конкретной задачи экспертного исследования. Хотя экспертная практика, складывающаяся из решения различных экспертных задач при проведении исследований, безусловно, может (и должна) выступать в качестве ценных эмпирических обобщений.

Отдельного пояснения требует участие иных наук в формировании прогнозов. Судебная экспертология — юридическая наука синтетической природы, междисциплинарная в силу своей тесной связи с естественными, техническими и гуманитарными науками. Исходя из чего, невозможно отрицать, что прогресс иных наук значительно ее обогащает, влияет на траекторию развития отдельных аспектов судебно-экспертной деятельности.

Таково, например, современное развитие цифровых технологий, при котором, фактически, достижения физико-математических и технических наук начинают пронизывать абсолютно все сферы общественной жизни на уровне повседневной практики. Активно развиваются инновационные научные направления, основным двигателем которых выступает цифровизация, определяющая современный подход к способам получения, обработки и обмена информацией.

Перспективы научно-технического развития неоднократно отмечались и в главных государственных программных документах (Стратегии, Национальные проекты и т. п.). Согласно актуальной стратегии научно-технологического развития России, утвержденной Указом Президента от 28 февраля 2024 г., в ближайшее десятилетие среди приоритетов отечественного научно-технического развития отмечен в первую очередь: «переход к передовым технологиям

проектирования и создания высокотехнологичной продукции, основанным на применении интеллектуальных производственных решений, роботизированных и высокопроизводительных вычислительных систем, новых материалов и химических соединений, результатов обработки больших объемов данных, технологий машинного обучения и искусственного интеллекта»[69].

Справедливо говорить о том, что достижения различных наук, определяющие общий технологический прогресс общества, формируют своеобразную среду существования судебно-экспертной деятельности, срез которой на разных исторических этапах развития судебной экспертизы был различным.

На нынешнем этапе среди наиболее актуальных направлений научно-технического развития, анализ которых обнаруживает значительное влияние на экспертную практику и уже отмечается в научной литературе, полагаем, можно тезисно отметить:

— развитие технологий искусственного интеллекта, особенно нейронных сетей в части синтеза текстовой, аудиовизуальной продукции и т. п.;

— развитие блокчейн-технологий, в том числе оборот и создание цифровых финансовых активов, перспективы использования смарт-контрактов;

— развитие и перспективы использования 3D-технологий (сканирование, моделирование, печать и т. п.);

— развитие биометрических методов и технологий идентификации и аутентификации человека[70].

Как деятельность, развивающаяся строго в определенных законом границах, судебная экспертиза погружена и в политико-правовой контекст, чутко реагирует на изменения материального и процессуального права. С учетом состоявшегося

---

[69] См.: подп. «а», п. 21 Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 22.02.2025).

[70] См.: Чистилина А. С. Перспективы судебно-экспертного прогнозирования новых родов и видов экспертиз // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22—23 мая 2024 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2024. С. 407.

отнесения судебной экспертологии к наукам уголовно-правового цикла, нельзя не отметить связь между новеллами уголовного права и возможными векторами развития судебно-экспертной деятельности.

Проиллюстрируем это на примере увеличения составов преступлений, оперирующих типичными для рода судебных лингвистических экспертиз категориями: «информация об…», «призывы к…». Современная политическая ситуация, очевидно, способствовала тому, что количество составов, сконструированных с использованием подобных формулировок, в последние годы значительно выросло (см.: ст. 280.3, 280.4, 284.2 УК РФ и др.). Реагируя на указанный факт, 17 июня 2022 г. Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции России (далее — РФЦСЭ при Минюсте России) подготовил два методических письма о назначении и проведении психолого-лингвистических экспертиз при рассмотрении дел по новым статьям УК РФ (утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол № 2). Таким образом, хотя сама по себе публично-правовая претензия к тем или иным моделям поведения (явлениям) автоматически не свидетельствует о реальном расширении потребности в использовании специальных знаний для исследования речевых продуктов (информационных материалов), тем более назначении полноценных судебных экспертиз определенного рода (вида), но, очевидно, напрямую связана с политической волей государства и вынуждает учитывать ее при определении динамики развития отдельных направлений судебно-экспертной деятельности. Главную роль здесь играет подход государства к регулированию «правовой экосистемы», в которой существует судебная экспертиза.

Полагаем, что для целей прогнозирования в судебно-экспертной деятельности целесообразно объединять эти внешние данные в понятие **прогнозного фона судебно-экспертного прогнозирования**, под которым мы предлагаем понимать *комплекс значимых для решения задач прогноза внешних условий развития судебно-экспертной деятельности*. На данном этапе сюда предлагается включать:

— научно-технический прогресс в значимых для рода (вида) экспертиз (ы) областях. В настоящий момент обуславливается всеобщей цифровизацией, массовым отходом от аналоговых средств приема, обработки и хранения информации, внедрением в различные сферы жизни, в частности в правоохранительную практику, технологий искусственного интеллекта (ИИ).

— политико-правовой контекст, включающий в себя основные направления государственной политики в области экономики и права. На данный момент характеризуется позитивным отношением к цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы, повышением внимания к информационной и мировоззренческой безопасности населения.

Нельзя, на наш взгляд, упускать из фона судебно-экспертного прогнозирования и отсутствие устойчивого межведомственного консенсуса по отдельным аспектам организации судебно-экспертной деятельности, а с этим и ее актуального нормативного регулирования безотносительно «государственного» или «негосударственного» статуса. Напомним, что Проект № 306504-6 Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» продолжает безуспешно находиться на рассмотрении в Государственной Думе РФ с 2013 г., таким образом, устаревая, равно как и действующий более 20 лет Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

При этом первый компонент современного прогнозного фона судебно-экспертной деятельности видится нам более объективным и предсказуемым, чем второй.

Что касается собственно объекта прогнозирования, согласимся с Л. Г. Горшениным, что его определение, включая основные характеристики и параметры, — первоначальный этап подготовки к научному прогнозированию[71].

---

[71] Горшенин Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993. С. 105—108.

Как отмечает И. В. Устинова, и мы солидарны с указанной формулировкой, на уровне частной теории объект экспертного прогнозирования — это модель пространственно-временного развития материального события, явления, состояния, основанная на систематизированном знании об имевших место явлениях, событиях и состояниях, определяющем тенденцию их изменения и развития[72].

На уровне же построения конкретных прогнозов **объектом судебно-экспертного прогнозирования**, на наш взгляд, выступает *событие, явление или состояние в сфере судебно-экспертной деятельности, динамика развития, качественные и (или) количественные характеристики, а равно и само возникновение которого предвидится в рамках разработанных судебной экспертологией закономерностей и сложившегося прогнозного фона*.

Применительно к теме настоящей работы объекты судебно-экспертного прогнозирования — это процессы формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз. Главным компонентом прогнозного фона указанных процессов выступает цифровизация.

Процессы возникновения и формирования родов и видов экспертиз выступают актуальными объектами прогностических исследований по комплексу причин.

Во-первых, научная классификация судебных экспертиз выступает значимым индикатором зрелости и устойчивости сложившихся теоретических обобщений относительно специфики использования специальных знаний для исследования тех или иных объектов, решения возникающих при этом задач и комплекса необходимых для этого методов и методик. Понимание оснований деления судебных экспертиз на роды (виды) и их общности более высокого уровня — классы, в целом выступает исходной точкой для любого научного исследования, посвященного развитию судебно-экспертной деятельности. Иное представляется невозможным с точки зрения определения проблем и возможных

[72] Устинова И. В. Указ. соч. С. 208.

тенденций ее развития. Как отмечено О. Г. Дьяконовой и Е. В. Ивановой: «Теоретическое значение классификации проявляется в ее определении в качестве движущего элемента в развитии научных и одновременно практико-ориентированных исследований, в прогнозировании генезиса новых родов и видов судебных экспертиз»[73].

Во-вторых, состояние классификации судебных экспертиз имеет важное практическое значение, как минимум в силу того, что именно от понимания — какие объекты могут быть исследованы с использованием каких областей специальных знаний, напрямую зависит успех процесса назначения судебной экспертизы следователем, дознавателем или судом. Как точно замечено Ф. Г. Аминевым: «Только тогда будут правильно сформулированы вопросы и, соответственно, предмет экспертизы»[74].

В литературе отмечается, что основой решения проблем, возникающих при формировании новых родов и видов судебных экспертиз, является учение о классификации судебных экспертиз по родам и видам, о закономерностях формирования и развития родов и видов судебных экспертиз[75]. В рамках судебной экспертологии этому учению посвящено значительное количество научных трудов, в том числе кандидатская диссертация Н. С. Неретиной («Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз», 2016).

Однако само основание родовой (видовой) классификации судебных экспертиз долгое время было и отчасти остается предметом научных дискуссий.

Современная научная классификация судебных экспертиз, принятая большинством современных специалистов в этой области, заключается в делении экспертиз по степени общности на классы, роды и виды (подвиды). Основоположник этого деления — А. Г. Шляхов еще в 1970-е г. XX в.

---

[73] Дьяконова О. Г., Иванова Е. В. Классификация судебных экспертиз: экспертологический подход // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 76.

[74] Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в российской федерации: современные проблемы и пути их решения : дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2016. С. 133.

[75] Россинская Е. Р. Судебная экспертология как методологическая основа новых родов и видов судебных экспертиз // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 1. С. 141.

сформулировал один из наиболее известных подходов к подразделению экспертиз на области знания по комплексному основанию — совокупности трех существенных признаков: предмета, объекта и методики (в значении содержания и последовательности методов) экспертного исследования. На наиболее высоком уровне обобщения — классе экспертиз к указанному добавилась общность знаний, служащих источником формирования теоретических и методических основ судебных экспертиз[76]. Позднее, соглашаясь с концепцией указанного ученого, профессор Р. С. Белкин добавил, что к названным признакам, отличающим один вид экспертизы от другого, следует добавлять и четвертый — характер специальных познаний, играющих доминирующую роль при решении задач данного вида экспертизы[77].

Эти идеи в дальнейшем легли в основу деления экспертиз на две крупные общности — традиционные криминалистические (с преобладающей ролью криминалистических методов и направленностью на идентификацию как конечную цель) и так называемые нетрадиционные новые виды.

Усложнение общественных отношений, расширение круга исследуемых объектов и углубление знаний о них определило и усложнение решаемых экспертами задач, особенно — диагностических. Развитие судебно-экспертной диагностики сделало несостоятельным аргумент о том, что обособление криминалистических экспертиз связано с возможностью индивидуальной идентификации. Диагностические задачи не менее широко решаются в родах (видах) экспертиз, некогда относимых к криминалистическим, более того, на современном этапе невозможно отрицать, что и идентификация проводится с использованием не только криминалистических, а химических, биологических и др. методов. А криминалистика, в свою очередь, выступает одной из базовых наук для всех судебных экспертиз в целом, формулируя общие правила собирания вещественных доказательств (объектов судебных экспертиз), их фиксации, изъятия

---

[76] Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. Москва : Юрид. лит., 1979. С. 20—21.

[77] Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. М., 1997. С. 212.

и др. — разделение экспертиз на криминалистические и некриминалистические не отвечает ни современным реалиям экспертной практики, ни дидактики. Так, еще более 20 лет назад профессором Е. Р. Россинской отмечалось, что разделение судебных экспертиз на криминалистические и некриминалистические нарушает целостное представление о подготовке судебных экспертов, в рамках одной специальности, но с разными специализациями[78].

Влияние процесса цифровизации, тенденция к комплексированию знаний значительно влияют на видоизменение методических подходов к производству экспертиз, традиционно относимых к криминалистическим, и давно не позволяют провести четкую грань между указанными общностями. Сомнительно это и с точки зрения правоприменительной практики, ведь указанное деление не привносит ясности в процесс назначения судебной экспертизы, не помогает следователю, дознавателю или суду сориентироваться в значимых для определения нужного рода (вида) критериях. Приведем в пример метод исследования изображений, в том числе с применением специального программного обеспечения, — он одинаково успешно используется для визуализации, анализа и дальнейшего иллюстрирования как в экспертизах, исторически относимых к криминалистическим (дактилоскопические, трасологические, техническая экспертиза документов и т. д.), так и в судебно-медицинских, инженерно-технических и др. экспертизах.

Вместе с тем триада «предмет, объект, методы исследования» продолжает использоваться рядом ученых для формулирования того или иного варианта классификации судебных экспертиз[79].

Одним из аргументов против принципиального различия криминалистических и некриминалистических экспертиз как правило выступает и справедливое замечание, что многие относимые к криминалистическим экспертизы назначаются не только в процессе расследования преступлений. Яркий

---

[78] См. Россинская Е. Р. Нерешенные проблемы классификации, становления и развития новых родов и видов судебных экспертиз // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений. Материалы 2-й всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе. М., 2004. С. 45—51.

[79] См.: Аминев Ф. Г. Указ. соч. С. 146—148.

пример — техническая экспертиза документов (одна из наиболее распространенных и востребованных в рамках разрешения гражданско-правовых споров).

Наиболее сбалансированным нам представляется подход, согласно которому основанием подразделения судебных экспертиз на роды и виды является сочетание характера исследуемых объектов в совокупности с решаемыми задачами. В классы же объединяются роды судебных экспертиз, относящиеся к одной или близким отраслям специальных знаний, которые к тому же используют сходный инструментарий[80].

Итак, мы показали, что именно сущность объекта экспертизы имеет определяющее методологическое значение при проведении любого экспертного исследования, обуславливает особенности познавательного процесса, является отправной точкой для формирования и развития дальнейших теоретических обобщений. В свою очередь характер решаемых задач определяет направление приложения исследовательских усилий эксперта, целеполагание при поиске ответа на поставленные правоприменителем вопросы. Задача — хоть и важный элемент рассматриваемого основания классификации экспертиз, но сама по себе вне объекта и его особенностей она не реализуется. Вместе с тем модификация или постановка принципиально новой экспертной задачи вынуждает искать новые и менять сложившиеся подходы к исследованию.

Таким образом, трансформации и (или) появление новых объектов судебных экспертиз; модификации экспертных задач — ключевые элементы в процессах формирования и развития новых родов и видов экспертиз. Именно они, на наш взгляд, обладают наибольшим потенциалом в части экстраполяции знаний в процессе построения прогнозов. Обнаруживая потенциально новые объекты исследований и отмечая трансформацию так называемых традиционных объектов (под которыми мы предлагаем понимать, прежде всего, объекты судебных экспертиз, научно-методическое обеспечение которых в полной мере сложилось:

---

[80] Россинская Е. Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 3. С. 116.

наличествуют соответствующие методики, стандарты и т. п.), мы можем моделировать их дальнейшее влияние на экспертную практику, в том числе потенциальную способность повлиять на классификацию судебных экспертиз.

Учитывая отмеченное нами ранее в рамках прогнозного фона влияние цифровизации, справедливо говорить о том, что совершение подавляющего большинства манипуляций с информацией в цифровом виде, оттеснило аналоговые способы отображения во всех сферах жизни современного человека, обусловило закономерную трансформацию объектов судебных экспертиз в сторону «цифры». Разнообразная документация, фото- и видеоматериалы, речевые продукты и многие другие активно вовлекаемые в современную экспертную практику объекты зачастую имеют цифровую форму. Использование цифровых технологий трансформирует и методические подходы к решению экспертных задач. Отмечаемая уже не первый год крупнейшими учеными цифровизация судебно-экспертной деятельности — необратимый процесс, требующий концептуально нового подхода к системе общей теории судебной экспертологии, последовательной разработки применительно ко всем аспектам судебно-экспертной деятельности. Наиболее перспективным видится путь дальнейшего развития отдельной частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности. В рамках рассмотрения этой концепции согласимся с предложенным основоположником названной теории Е. Р. Россинской определением цифрового следа как нового объекта судебной экспертизы, под которым можно понимать «…криминалистически значимую компьютерную информацию о каких-либо событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе возникновения, обработки, хранения и передачи этой информации и подвергающуюся исследованию с использованием специальных знаний в различных родах и видах судебных экспертиз»[81].

При этом, считаем нужным подчеркнуть, — несмотря на то, что цифровые следы существуют в виде компьютерной информации, нельзя отрешать их от всей

[81] Россинская Е. Р. Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 175.

совокупности родов (видов) экспертиз и сводить исключительно к судебной компьютерно-технической экспертизе, поскольку вид представления и воспринимаемость с помощью специальных устройств и программ — лишь часть свойств таких следов: следы, отображенные в цифровой форме, являются объектами многих родов (видов) экспертиз. В литературе отмечается, что цифровые следы являются, например, объектами фототехнической, видеотехнической, портретной, фоноскопической, бухгалтерской и т. д. экспертиз, однако именно в силу особой формы их представления часто требуют для проведения анализа таких объектов комплексирования с компьютерно-технической экспертизой[82].

На наш взгляд, в плоскости качественного и количественного развития цифровых следов, проблем их собирания, хранения, дальнейшего исследования и лежат основные тенденции возникновения и трансформации объектов судебных экспертиз, а с этим и перспективы развития их родов (видов). Заметим, что эта важная для прогнозирования взаимосвязь, на наш взгляд, во многом базируется на закономерности: если объект материального мира адекватно целям дальнейшего использования отражается в цифровой форме без утраты присущих ему основных признаков, то с высокой долей вероятности его цифровое представление за счет высокой скорости и удобства обработки информации начнет значительно вытеснять и (или) замещать аналоговую форму. Что, например, ярко проявляется в рамках электронного документооборота.

Безусловно, этот же процесс будет сопровождаться и приращением новых признаков, обусловленных цифровой формой отражения. Именно таким путем развития пошли многие объекты судебных экспертиз, что значительно трансформировало практику их исследования. Таковы, например, отображаемые в цифровом виде образы документов, фотоснимков, произведений изобразительного искусства, подписей и удостоверительных записей, выполненных с помощью

---

[82] См.: Семикаленова А. И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 5 (57). С. 118.

различных мобильных устройств и программного обеспечения и т. п., пришедшие на смену аналоговым формам представления.

Как справедливо отмечено А. А. Саркисян: «Как правило, понятие цифрового следа обозначает лишь цифровую форму привычного нам объекта, а не принципиально новый объект, который существует исключительно в цифровой форме, что, конечно, случается, но гораздо реже. Например, веб-комикс вместо комикса, база отчетности вместо бумажной отчетности, электронное графическое изображение подписи вместо подписи на бумажном носителе и т. д.»[83].

Заметим, однако, что развитие технологий искусственного интеллекта, в частности его использования для синтеза текстовой, аудиовизуальной продукции, дополнительно обостряет эти процессы и позволяет говорить о том, что количество принципиально новых — и сгенерированных, и существующих уже исключительно в цифровой форме объектов экспертиз будет увеличиваться, а в тех родах (видах) экспертиз, основными объектами которых выступает информационная продукция, — вероятно, в будущем будет сравнимо по объему с контентом, создаваемым реальными субъектами. В настоящий момент это в большей степени касается индустрии развлечений, рекламы, искусства и т. п. Более того, и вне проблематики искусственного интеллекта уже сейчас можно говорить о том, что, например, такие широко известные экспертной практике объекты как речевые произведения во многом создаются и существуют только в особой программной и аппаратной среде веб-коммуникации, по-своему уникальны и не имеют традиционных текстовых аналогов (комментарии и переписка в мессенджерах, посты и записи в социальных сетях и т. п.).

Итак, информация о появлении принципиально новых объектов экспертиз и (или) трансформации так называемых традиционных объектов выступает одним из основных компонентов исходных данных для прогнозирования, позволяющим предполагать возможные изменения родовой (видовой) классификации судебных экспертиз.

---

[83] Саркисян А. А. Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организационные аспекты : дис ...канд. юрид. наук : спец. 5.1.4. Москва. 2023. С. 89.

Одним из наиболее ярких исторических примеров эффективного судебно-экспертного прогнозирования здесь может служить развитие в конце 90-х гг. XX в. — начале 2000-х гг. судебной компьютерно-технической экспертизы (далее — СКТЭ), потребность в которой возникла в ответ на появление и распространение информационно-компьютерных технологий. Стремительное развитие таких технологий за рубежом, завоз первых персональных компьютеров на отечественный рынок (в 80-е гг. XX в.) поставили перед сведущими лицами принципиально новые задачи по исследованию новых объектов. Уже в 1996 г. Е. Р. Россинской было обозначено, что такого рода исследования должны проводиться в рамках компьютерно-технической экспертизы, и отмечалось: «Сейчас мы переживаем новый этап научно-технической революции — компьютерную революцию. Поэтому весьма актуальным является предлагаемый нами новый формирующийся род судебных экспертиз, необходимость в которых обусловливается широким внедрением компьютерных технологий практически во все сферы человеческой деятельности»[84]. На тот момент в рамках формирующегося рода было предложено выделять всего два вида: техническую экспертизу компьютеров и их комплектующих и экспертизу программного обеспечения. За период с 1996 г. по 2001 г. научное обоснование СКТЭ прошло значительный путь, расширив деление внутри нового рода еще на несколько видов, тем самым во многом опережая практику[85]. В 2001 г. вышла книга Е. Р. Россинской и А. И. Усова «Судебная компьютерно-техническая экспертиза», где была изложена классификация, предмет, задачи и объекты судебной компьютерно-технической экспертизы как нового рода судебных инженерно-технических экспертиз. В дальнейшем А. И. Усовым была защищена докторская диссертация «Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы»

---

[84]См.: Россинская Е. Р. Компьютерно-техническая экспертиза. М. : Академия МВД РФ, кафедра КОД ОВД. Информационный бюллетень № 1, 1996. С. 13—15.

[85] См.: Россинская Е. Р. Компьютерно-техническая экспертиза — одно из средств информатизации судопроизводства // в кн.: Материалы седьмой международной конференции «Системы безопасности». СБ—98 Международного форума информатизации от 28 октября 1998. М., 1998. С. 226—227 ; Россинская Е. Р., Усов А. И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М. : Право и Закон, 2001.

(2002)[86]. Так, наука, по сути, сформировала подход к СКТЭ, воспринятый в дальнейшем и на уровне ведомственных нормативных правовых актов. Активно развиваемая научная дискуссия по поводу нового рода судебных экспертиз не только способствовала собственно его развитию, но и дальнейшему формальному закреплению. В ответ на усиливающееся вовлечение новых технологий в правоохранительную практику, ориентируясь на имеющиеся научные разработки, соответствующий отдел и лаборатория были созданы в Экспертно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел РФ (далее — ЭКЦ МВД России), а в 2003 г. и в РФЦСЭ при Минюсте России, в том же году СКТЭ получила закрепление в перечне родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Минюста России.

Однако самого знания о новых потенциальных объектах и (или) процессах и их свойствах далеко не всегда достаточно для построения полноценного прогноза. Далеко не каждое явление действительности, даже при потенциальной криминогенности, будет в итоге вовлечено в экспертную практику, тем более будет иметь потенциал повлиять на формирование и развитие отдельного рода (вида) экспертиз. Помимо самого факта влияния объектов на формирование и развитие разновидностей судебных экспертиз необходимо определиться и с закономерностями, позволяющими говорить об основаниях для прогнозирования.

На наш взгляд, теоретической основой переноса знаний в указанной области, как отмечено нами ранее, должны выступать закономерности процесса формирования и развития родов (видов) судебных экспертиз.

Указанные закономерности, полагаем, достаточно исчерпывающе определяются Н. С. Неретиной как: «…относительно устойчивые, значимые, повторяющиеся взаимосвязи явлений объективной действительности, определяющие этот процесс»[87].

---

[86] Усов А. И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. — М., 2002.

[87] Неретина Н. С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз : дис. …канд. юрид. наук. М., 2016. С. 54.

Среди них ученым отмечаются:

«— закономерность взаимосвязи формирования и развития родов (видов) судебных экспертиз и потребностей судебной и следственной практики;

— закономерности возникновения родов (видов) судебных экспертиз вследствие развития научного знания, в процессе интеграции и дифференциации наук;

— закономерность формирования и развития родов (видов) судебных экспертиз вследствие развития судебно-экспертной деятельности»[88].

Первая закономерность подчеркивает процессуальную природу судебной экспертизы вне зависимости от ее рода (вида). Являясь научно обоснованным исследованием, судебная экспертиза тем не менее направлена на решение практических задач, содействуя установлению истины в уголовном и иных процессах.

Так, одной из внешних предпосылок прогнозировать, что исследование определенных объектов в перспективе может быть выделено в рамки отдельного рода (вида) экспертиз, могут являться установленные в официальном порядке изменения правового поля, среди которых: новеллы и поправки норм материально-правового характера, обуславливающие возникновение принципиально новых правоотношений; снятие (наложение) запрета на определенные модели действий; появление новых и изменение имеющихся составов преступлений (главным образом в части их объекта и объективной стороны). Указанное должно, помимо перечисленного, обладать способностью к процессуальной форме разрешения возникающих в связи с этим споров и, что важнее всего, — находить отражение в конкретных примерах следственной и (или) судебной практики. При этом, на наш взгляд, в силу междисциплинарной, универсальной природы судебно-экспертной деятельности указанное не зависит от того, в рамках какой конкретно формы судопроизводства возникает потребность в использовании специальных знаний.

[88]Неретина Н. С. Указ. соч. С. 56.

Таково, например, возникновение и развитие цифровых финансовых активов (далее — ЦФА) как цифровых прав, включающих денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА[89]. Отношения, связанные с оборотом ЦФА, на данный момент регулируются Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[90]. Несмотря на дискуссионность и некоторую неполноту правового регулирования данной сферы, данные объекты официально представлены на финансовом рынке, а Банком России ведется официальный Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

Как указывает профессор А. А. Савицкий: «…в настоящее время трансформация судебной экономической экспертизы обусловлена принятым Правительством РФ “цифровым” курсом развития, а также появлением и использованием современных компьютерных технологий (blockchain), ростом популяризации оборота цифровых финансовых активов. Все вышеизложенное ведет к возникновению активов и операций, обладающих принципиально новыми свойствами, требующих совершенно иного инновационного, организационного, методического и экспертно-технологического подхода к проведению экспертного исследования»[91]. Им же сделано концептуальное предложение выделить новый инновационный вид судебных экономических экспертиз (в рамках судебной

---

[89] Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/finm_infrastructure/digital_oper/ (дата обращения 13.04.2024).

[90] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

[91] Савицкий А. А. Актуальные вопросы становления и развития судебной экономико-цифровой экспертизы в условиях цифровизации социально-экономической сферы государства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 61.

финансово-экономической экспертизы) — судебная экспертиза операций с цифровыми финансовыми активами (экономико-цифровая экспертиза)[92].

На проблемы исследования данной категории объектов обращается внимание и специалистом в области аудита С. М. Колотовым, отмечающим, что это требует специальных знаний не только в областях, типичных для финансово-экономических экспертиз в целом, но также в отношении создания и оборота цифровых активов[93].

Факт того, что именно судебная экономико-цифровая экспертиза могла бы способствовать разрешению возникающих в ходе заседаний вопросов, касающихся цифровых финансовых активов, отмечен и судьей Арбитражного суда Челябинской области Е. Михайловой, в ходе выступления на V Международном юридическом форуме (2022 г.)[94].

Не менее актуальны с точки зрения финансово-экономических экспертиз и цифровые валюты (неофициально именуемые также криптовалютой). На то, что особые свойства и качества криптовалюты, безусловно, требуют разработки адаптированной к цифровым активам научно-практической основы для проведения экспертных исследований, обращает внимание судебный эксперт в области оценочных, финансово-экономических экспертиз и экспертиз в области цифровых активов А. В. Мануилов[95].

Несмотря на то, что цифровые валюты остаются предметом дискуссий относительно их гражданско-правовой природы, их потенциальные криминогенные возможности от этого не снижаются. Криптовалюты могут быть использованы как средства платежа, участвовать в финансовых операциях не только в рамках преступлений в сфере экономики, но и многих других

---

[92] Там же.

[93] Колотов С. М. Оценка и использование результатов судебной финансово-экономической экспертизы операций с цифровыми активами // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2. С. 146.

[94] Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). URL: https://www.rapsinews.ru/judicial_news/20220916/308280568.html (дата обращения:13.04.2024).

[95] Мануилов А. В. Проблемы идентификации и оценки криптовалюты при внесении в конкурсную массу должника // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 11 (206). С. 44.

разновидностей (финансирование террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), незаконное приобретение оружия, наркотических средств (ст. 222, 228 УК РФ) и др. незаконные сделки, в том числе в специализированных, скрытых сегментах интернета).

Цифровые валюты могут обнаруживать новые грани потенциального применения специальных экономических знаний и в таком «типичном» для финансовой сферы составе преступления как манипулирование рынком (ст. 183.1 УК РФ). Подобная перспектива подробно описана А. А. Коренной и Н. В. Тадыковой в работе, посвященной рассмотрению криптовалюты как предмета и средства совершения преступлений: «Биржи криптовалюты также могут стать средством совершения преступлений, предметом которых выступает криптовалюта. Дело в том, что биткоин — один из видов криптовалют, помимо которого существуют и другие, например, лайткоин, Ethereum, Ripple. Распространенным случаем является сговор трейдеров, чтобы убедить сторонних инвесторов в том, что рост определенной монеты оправдан и продолжится в будущем, для чего используются в том числе средства массовой информации. По достижении монетой определенной цены участники манипуляции продают купленные заранее свои и прекращают распространение информации, в результате чего цена быстро возвращается к начальному уровню, а лица, которые под влиянием такого рода информации приобрели данный вид криптовалюты, несут финансовые убытки»[96].

Однако с точки зрения изменений правового поля, хотя оборот цифровых прав и «видим» для законодателя, многие аспекты все еще остаются неурегулированными, в том числе понятийный аппарат и виды ЦФА. В частности, вне упоминаний оказался и значимый для этой сферы термин «токен»[97]. В то время как А. А. Савицким уже отмечено, что не только экспертизу операций с цифровыми

---

[96] Коренная А. А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 411.

[97] Токен — средство идентификации пользователя или отдельного сеанса работы в компьютерных сетях и приложениях. Энциклопедия «Касперского». URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/token/ (дата обращения: 04.05.2024).

финансовыми активами целесообразно отнести к виду рода судебной финансово-экономической экспертизы, но и целесообразно классифицировать его на подвиды на основании особенностей специальных знаний, необходимых для исследования сделок с токенами, оборот которых имеет существенные особенности[98].

Сдерживающим фактором в части распространения подобных объектов выступает и частичный запрет использования цифровых валют в качестве средства платежа на территории России[99].

На наш взгляд, развитие данного вида судебных экспертиз во многом поставлено в зависимость от определенности правового регулирования данной сферы. Поскольку судебная экспертиза, независимо от ведомственной или иной организационной принадлежности субъекта, обладающего специальными знаниями, — всегда имеет публичную природу, назначается процессуальными актами уполномоченных субъектов, то, чем более прозрачными и четкими будут возможности легального оборота данных активов, тем выше будет степень определенности в отношении их исследования и в целом потребность в привлечении сведущих лиц. И хотя, как мы отметили ранее, правоохранительная практика не может (и не должна) медлить в ожидании правовой и доктринальной определенности в отношении оборота данной разновидности объектов, пока существующая система правового регулирования создания и обращения цифровых финансовых активов не помогает сформировать определенность в части постановки задач перед экспертами, при том, что профессиональное сообщество, как видно, давно отмечает обособленность и специфичность исследований в данной области.

Потребность судебной практики в специальных знаниях при рассмотрении дел, связанных с подобными объектами, также представляется очевидной, с учетом

---

[98] Савицкий А. А. Актуальные вопросы становления и развития судебной экономико-цифровой экспертизы в условиях цифровизации социально-экономической сферы государства. С. 62.

[99] Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5—1 Федерального закона “О банках и банковской деятельности”» // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

того, что, например, в арбитражном судопроизводстве она уже сформировалась[100]. Цифровые валюты встречаются и в судебной практике по уголовным делам [101], хотя следует отметить сложности в части прямых упоминаний там подобных объектов, продиктованные в первую очередь отсутствием официального признания криптовалюты имуществом. Отметим в качестве безусловно положительного фактора прогнозного фона в этой области тот факт, что в 2024 г. Следственным Комитетом России был разработан проект закона, которым цифровая валюта признается имуществом, а также определяется порядок конфискации, признания вещественными доказательствами и наложения ареста, о чем сообщил председатель Комитета Александр Бастрыкин[102].

На наш взгляд, с учетом уже состоявшегося факта возникновения и значительного распространения цифровых прав как в национальном, так и в международном обороте с позиций рассматриваемой закономерности можно прогнозировать формирование и дальнейшее развитие самостоятельного вида в рамках рода финансово-экономических экспертиз — судебной экспертизы операций с цифровыми финансовыми активами. Указанное подтверждается и вполне оформившейся научной дискуссией, и сложившимися экспертными оценками специалистов в данной области, солидарных в том, что распространение новых объектов — ЦФА и цифровых валют, с одной стороны, тяготеет к рассмотрению в рамках уже сложившихся финансово-экономических экспертиз

---

[100] Цифровую валюту впервые признали имуществом в спорах о банкротстве (2018 г.). Использование специальных знаний см., например в следующих делах: решение Арбитражного суда Саратовской области от 26 февраля 2019 г. № А57-4291/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/3482730f-dd36-4fbc-982f-8b357e54343b (дата обращения: 01.05.2024); решение Арбитражного суда Саратовской области от 21 апреля 2020 г. № А57-15876/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/c79022cb-988a-427b-87a8-a49862173a8a (дата обращения: 01.05.2024).

[101] Цифровая валюта начала фигурировать в делах в рамках уголовного судопроизводства практически параллельно хронологически с рассмотрением споров в арбитражном процессе. См., например: приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15 февраля 2019 г. № 1-134/19. URL: https://sudact.ru/regular/doc/YvXp7Upq9TJT/ (дата обращения:01.05.2024); приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13 ноября 2017 г. № 1-762/2017 URL: https://surggor--hmao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14829138&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения:01.05.2024)

[102] СК разработал проект закона о признании цифровой валюты имуществом // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20241209/sk-1988075407.html (дата обращения: 09.12.2024).

(проблемы их отражения в финансовых показателях, участие в образовании, распределении и использовании в доходах хозяйствующих субъектов и т. д.), с другой стороны, их особая экономическая, техническая и правовая природа определяет специфику исследования, неизвестную существующим родам и видам экспертиз. Исключительно цифровая сущность и функционирование в особой информационной технологической среде, высокая степень анонимности и сложность контроля обособляет эти объекты как с позиций экспертного исследования, так и с позиций судебной и следственной практики. На наш взгляд, сходным образом будут развиваться и экономические исследования, связанные с распространением в практике смарт-контрактов.

В случае со второй закономерностью — возникновением родов (видов) судебных экспертиз вследствие развития научного знания, в процессе интеграции и дифференциации наук, необходимо отметить ее двойственный характер. С одной стороны, речь идет о взаимопроникновении, усложнении и комплексировании научных знаний и технологических достижений, что в целом характерно для многих явлений современного мира (достаточно обратить внимание на тенденцию к комплексному подходу, выраженную в уже упомянутой обновленной номенклатуре научных специальностей ВАК, утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118), с другой стороны, усложнение проявляется в углублении знаний в отдельных областях, опережающем развитии определенных специфических направлений.

Как многократно отмечено выше, судебная экспертиза, безусловно, испытывает значительное влияние научно-технического прогресса. С позиции трансформаций и появлений новых объектов судебных экспертиз, изменения их задач, на наш взгляд, на данный момент очевидными с прогностической точки зрения являются интеграция и дифференциация знаний в судебной компьютерно-технической экспертизе.

Современный научный подход (заложенный, как было указано ранее, уже в конце 90-х гг. XX в.) к позиционированию СКТЭ в системе судебных экспертиз складывается из выделения ее в самостоятельный класс со следующим родовым

делением: аппаратно-компьютерная экспертиза (САКЭ), программно-компьютерная экспертиза (СПКЭ), информационно-компьютерная экспертиза (СИСЭ). Несколько расширяя это деление и исходя из функционального предназначения компьютерных средств, учеными была обоснована и необходимость выделения компьютерно-сетевой экспертизы (А. И. Усов, Е. Р. Россинская). Аргументы об эволюции СКТЭ на уровень класса так же появились в науке с опережением (как это было и было на начальных этапах ее развития), фактически, став прогнозом, предвосхитившим еще более бурное развитие технологий, которое мы наблюдаем сейчас. Учеными уже в 2018 г. отмечалось, что: «…достаточно остро встает вопрос о расширении не только официально признанных наукой экспертологией видов СКТЭ, но и ее переводе в разряд класса судебных экспертиз. Это объясняется не только увеличением видов объектов, но и расширением задач, которые решаются при их исследовании. Еще одним очень важным моментом, требующим выведения судебной компьютерно-технической экспертизы за рамки класса инженерно-технических и выделения в отдельный класс судебных экспертиз, является расширение и гибридизация методов, применяемых при исследовании уже имеющихся и новых появившихся объектов»[103].

Вместе с тем официальная регламентация, очевидно, отстает и от научного обоснования, и от сложившихся технологических реалий. Так, с точки зрения действующего Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО) 3+ в рамках высшего судебно-экспертного образования по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза»[104] СКТЭ рассматривается как отдельный род класса инженерно-технических экспертиз. Отметим, что отдельная специализация «судебная компьютерно-техническая

---

[103] Судебная экспертиза в цивилистических процессах : Научно-практическое пособие / Е. Р. Россинская, Е. Х. Баринов, Н. Ф. Бодров [и др.]. Москва : Проспект, 2018. С. 310.

[104] Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2020 г. № 1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 22.02.2025).

экспертиза» в силу права разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по образовательным программам высшего образования есть и в МГТУ имени Н. Э. Баумана[105]. Возможен и вариант с профессиональной переподготовкой и дальнейшей добровольной сертификацией эксперта. Тем не менее и ведомственные перечни производимых (выполняемых) судебных экспертиз, содержание которых построено на родовом (видовом) делении, так же включают СКТЭ на правах рода. На наш взгляд, подобное расхождение научного обоснования и административного оформления не способствует продуктивному развитию этого актуального направления использования специальных знаний.

Класс судебных экспертиз — самая высокая и наиболее абстрактная категория классификации экспертиз. Понимая под классом некоторое множество экспертных исследований, объединяемых общностью знаний, служащих источником формирования теоретических и методических основ родов судебных экспертиз[106], мы подчеркиваем неизбежную дискуссионность их формирования. В силу того, что ведомственные перечни выполняемых судебных экспертиз, аттестация и сертификация экспертов, а, следовательно, и назначение той или иной разновидности исследований в уголовном процессе исходят из родового (видового) критерия классификации, разбиение на классы остается преимущественно предметом теоретических споров и тем более не становится объектом прогнозирования. Однако, на наш взгляд, это серьезное упущение.

Процесс укрупнения СКТЭ из рода в класс, исторически связанный с появлением все новых объектов и изменением уже существующих, а также постоянным приращением научно-технических достижений в этой области — очевидная тенденция, которая не раз отмечалась в литературе. Недостающим элементом, который мог бы зафиксировать сложившееся положение дел и дать

---

[105] Такой вариант предусмотрен в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 сентября 2008 г. № 1332 и Указом Президента Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 405.

[106] Словарь основных терминов судебных экспертиз / ред. сост. Ю. Г. Корухов ; ред. Т. В. Аверьянова. М. : Библиотека эксперта «Судэкс», 2016. С. 31.

судебной компьютерно-технической экспертизе значительный импульс к дальнейшему, в том числе теоретическому и методологическому развитию, является и формальное обособление этого класса в рамках указанного федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС ВО), в котором для формирования специализаций в программе специалитета при получении высшего образования по единой специальности «Судебная экспертиза» на данный момент представлено пять классов судебных экспертиз.

Объединяемые в класс судебные экспертизы должны динамично и адекватно развитию теории и практики отражать процессы интеграции и дифференциации научного знания. И выделение СКТЭ в самостоятельный класс в рамках федерального стандарта, представляется, отвечает высокому уровню востребованности, объему теоретического и практического материала, накопленного в этой области. Формирование общего стандарта для СКТЭ на уровне класса могло бы положительно повлиять на возможность упорядочения базовых требований к обучению специалистов в данной сфере, их материально-техническому и учебно-методическому обеспечению, уровню приобретаемых универсальных компетенций. Это способствовало бы и дальнейшей теоретической и методической разработке отдельных разновидностей исследований внутри самостоятельного класса.

Способствует этому и прогнозный фон — цифровизация судебно-экспертной деятельности продолжает расширять потребность в специалистах в области СКТЭ (и в части соответствующих экспертиз, и с позиции комплексирования с другими разновидностями исследований), усложнять компьютерные средства и системы, связанные с ними информационные процессы. Не менее значим и политический фактор прогнозного фона: повышенное внимание к построению самостоятельной специализации на базе класса экспертиз учитывает и тот факт, что отечественная система высшего образования наметила путь отказа от бакалавриата и введения с 2025 г. «высшего образования» и «специализированного высшего образования». Как отмечено Министром науки и высшего образования РФ В. Н. Фальковым на Пленарном заседании Государственной Думы 14 мая 2024 г., длительность

образования по ряду профессий надо повышать до пяти или пяти с половиной лет, а количество таких программ будет увеличено[107]. Это, на наш взгляд, полностью отвечает интересам специалитета «Судебная экспертиза» и возможности выделения специализации СКТЭ с учетом ее особой сложности и актуальности на современном этапе.

С точки зрения дифференциации и интеграции знаний одним из давно назревших направлений является и выделение в качестве отдельной разновидности исследований в рамках СКТЭ судебной экспертизы средств сотовой связи. Этот прогноз, обоснованный далее экспертными оценками и современными статистическими данными, на наш взгляд, согласуется с изложенной ранее позицией о дальнейшем обособлении и бóльшей автономности СКТЭ как целого класса экспертиз.

На потенциал выделения экспертизы мобильных телефонов сотовой связи в самостоятельный род, а СКТЭ — в самостоятельный класс специалистами обращалось внимание еще более десяти лет назад. В литературе было справедливо отмечено, что именно такой подход наиболее отвечает сложившимся технологическим реалиям и позволяет адекватно обособить исследование такого специфического объекта, который: «1) имеет постоянное соединение с сетью и является ее частью (в ином случае он перестает выполнять свою основную коммуникационную функцию); 2) аппарат представляет собой интегрированное устройство, в которое входят и ПК с урезанными возможностями, и устройство связи, коммутации; 3) использует специфическое программное обеспечение (далее — ПО); 4) содержит носитель информации (она может храниться в памяти телефонных аппаратов, модулей идентификации абонента (SIM-карт), дополнительных носителей данных, используемых совместно с мобильными телефонами (карт памяти, USB-накопителей, ПК). Для его исследования

[107] Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/politics/falkov-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya-rossii-ne-budet-ponyatiya-bakalavr.html (дата обращения: 27.06.2024).

необходим особый вид специальных знаний (имеющий комплексный характер), которые не применяются при исследовании стандартных объектов СКТЭ»[108].

О назревшей, но до сих пор актуальной необходимости специализации экспертов в рамках деления СКТЭ и обособлении данного рода экспертиз (именуя эти разновидности исследований «экспертизами средств мобильной радиосвязи») пишет и Е. Ю. Горбунова: «Такой подход более чем обоснован, поскольку один эксперт в современных условиях стремительного развития компьютерной техники, средств мобильной радиосвязи, программного обеспечения и информационных технологий не может обладать столь обширными знаниями и компетенциями»[109].

Высокий уровень вовлечения мобильных устройств в совершение преступлений подтверждается и современной статистикой. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России о состоянии преступности в Российской Федерации за январь — март 2024 г. из 179 228 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации 82 929 было совершено с использованием или применением средств мобильной связи, что более чем в два раза превышает показатели таких типичных для последующего назначения СКТЭ объектов как компьютерная техника (11 942) и программные средства (3766) вместе взятые[110]. Указанная тенденция соответствует трендам, ранее отмеченным Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ). Так, основным устройством для выхода в

---

[108] Семикаленова А. И., Сергеева К. А. Мобильные телефоны сотовой связи — новые объекты судебной компьютерно-технической экспертизы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 91.

[109] Горбунова Е. Ю. Использование инновационных программ при производстве судебной компьютерно-технической экспертизы мобильных устройств // Инновации в судебно-экспертной деятельности в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России: материалы Всероссийской конференции «Восток – Запад: партнерство в судебной экспертизе» (г. Москва, 19–20 апреля 2022 года) / сост. Е. В. Чеснокова. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022. С. 54.

[110] Отчет о характеристиках состояния преступности в Российской Федерации за январь — март 2024 года. С. 29. Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/49477631/ (дата обращения: 04.05.2024).

интернет в домохозяйствах является мобильный телефон или смартфон, который уже с 2016 г. начал оттеснять компьютеры на второй план (83,1 % к 40,2 % соответственно по имеющимся данным на 2021 г.). Отмечено, что такая динамика обусловлена, в том числе, активным развитием мобильных приложений и версий сайтов, а также коммерческим использованием с 2012 г. сети 4G, уравнявшей скорость мобильного интернета и домашнего широкополосного подключения[111].

При этом, заметим, что на современном этапе с учетом темпов цифровизации смартфоны расширяют свои аппаратные и программные возможности все быстрее, а их доступность как никогда высока. Более того, успели усовершенствоваться и сети мобильной связи, ознаменовав переход к новому, более совершенному стандарту 5G, значительно повысив скорость и качество передачи данных. Изменяется в сторону постоянного увеличения и функциональный диапазон мобильных устройств, повышается количество предустановленных опций, так, например, современные смартфоны и без дополнительных программных средств могут выполнять сканирование документов и QR-кодов[112], использовать при съемке инструменты редактирования с помощью ИИ и т. д.

Указанное позволяет говорить о том, что сложившееся родовое (видовое) деление СКТЭ уже не отражает происходящие цифровые трансформации адекватно. Здесь следует отметить некоторое отставание теории от практики, на данный момент пусть и как специфические объекты, средства мобильной связи — уже далеко не самые инновационные объекты исследования. Цифровизация, помимо уже отмеченного, обнаруживает и множество иных, потенциальных объектов, которым только предстоит обозначить контуры встраивания в известные разновидности компьютерно-технических экспертиз, например: сервисы виртуальной реальности (Virtual Reality, VR), технологии интернета вещей (Internet

---

[111] Данные о доступе населения России к цифровой инфраструктуре и практиках использования интернета. НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/news/639790437.html (дата обращения: 04.05.2024).

[112] QR-код (от англ. *Quick Response*, «быстрый отклик») — двумерный тип штрих-кода-носителя информации, считываемый цифровым устройством.

of things, IoT) иногда обозначаемые как «Умный дом», беспилотные аппараты и транспорт, и в целом технологические решения на базе ИИ.

С учетом сказанного мы считаем возможным говорить о том, что родовое (видовое) деление СКТЭ будет стремиться к дальнейшему разветвлению.

Таким образом, мы считаем возможным констатировать фактически уже сложившееся укрупнение СКТЭ в полноценный класс, и прогнозировать возможность его закрепления на уровне самостоятельной специализации в рамках образовательной программы специалитета по специальности «Судебная экспертиза», а также дальнейшее разветвление ее родового (видового) деления, обусловленное прежде всего приращением новых объектов исследований. Указанное, безусловно, потребует значительных координационных усилий со стороны разнообразных ведомств и образовательных организаций, а также дополнительных финансовых и человеческих ресурсов. С учетом значительной разобщенности даже на уровне наименований судебных экспертиз, выполняемых в различных экспертных учреждениях, это может потребовать и определенной политической воли, что можно отнести к элементу прогнозного фона, которого мы пока не наблюдаем. Однако именно этот путь, представляется, в перспективе может помочь преодолеть дальнейший кадровый голод в этой части использования специальных знаний.

Анализ состояния тех разновидностей экспертиз, которые признанно выделяются в отдельный класс на уровне образовательного стандарта, среди них: «криминалистические экспертизы; инженерно-технические экспертизы; экспертизы веществ, материалов и изделий; экономические экспертизы; речеведческие экспертизы»[113], а также анализ научной дискуссии в части классификации судебных экспертиз, позволили нам предложить универсальные критерии, сочетание которых дает основание полагать, что некая общность разновидностей экспертиз составляет вполне сформировавшийся в научном и практическом отношении класс и может претендовать на формирование в

[113] См.: п. 1.14 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза.

отношении класса собственного образовательного стандарта. Они могут быть использованы для моделирования при прогнозах развития родов (видов) судебных экспертиз, а также оценки адекватности текущего состояния с занимаемым классификационным уровнем. Полезны они и при определении обоснованности выделения образовательных стандартов в области судебно-экспертной деятельности.

1. *Разновидности исследований позволяют выделить общие обосновывающие знания для всех входящих родов (видов) экспертиз (единая или близкие отрасли специальных знаний).* Например, в случае с классом речеведческих экспертиз, как отмечается профессором Е. И. Галяшиной, основание лежит в сфере знаний о: «…процессе речепроизводства, восприятии и активной интерпретации устных и письменных текстов реципиентом с учетом разнообразных экстралингвистических источников информации (речевой ситуации, контекста, невербальных средств и т. д.)»[114].

2. *Высокий уровень научной дискуссии, включающий в том числе разработку проблем отдельных родов (видов) экспертиз и (или) формирующегося класса в целом на монографическом уровне.* Указанный критерий представляется значимым с учетом того, что именно на этом уровне классификации должен быть накоплен значительный объем обосновывающих, объединяющих остальные звенья классификации знаний. Работы подобного уровня есть в рамках всех упомянутых в ФГОС ВО классов экспертиз. Например, экономическим экспертизам в судопроизводстве России посвящена монография А. А. Савицкого[115], основы судебного речеведения изложены в монографии Е. И. Галяшиной[116], проблемам судебной компьютерно-технической экспертизы как некогда новому роду судебных

---

[114]Судебное речеведение : учебник / Е. И. Галяшина. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 132.

[115] См.: Савицкий А. А. Экономические экспертизы в судопроизводстве России. Монография. М. : Проспект, 2023.

[116] См.: Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения : монография / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : СТЭНСИ, 2003.

инженерно-технических экспертиз была посвящена отдельная работа Е. Р. Россинской и А. И. Усова[117] и т. д.

3. *Развитое внутреннее родовое (видовое) деление с тенденцией к увеличению за счет трансформаций и приращений новых объектов исследований и возникающих задач.* Таково, как было показано ранее, деление в рамках СКТЭ. Множество родов (видов) выделяется и в иных классах, в том числе автороведческая, лингвистическая, фоноскопическая экспертизы в классе речеведческих. Тенденцию к укрупнению / разветвлению в рамках дальнейшей интеграции и дифференциации знаний здесь можно проиллюстрировать на примере предложения Т. П. Соколовой выделять неймингвую экспертизу как особый род, сформировавшийся внутри класса лингвистических экспертиз в соответствии с особенностями объектов (неймов), кругом решаемых задач и характером используемых специальных знаний[118].

4. *Присутствие двух и более родов, образующих новый класс экспертиз, в двух и более ведомственных перечнях родов (видов) судебных экспертиз.* Указанное подчеркивает, что содержание нового класса образуют разновидности исследований, прошедших значительное количество этапов своего практического и теоретического развития и отражающих минимальный межведомственный консенсус по этому поводу. Желательным представляется и наличие в рамках исследований, объединяемых в новый класс, и национальных стандартов. Так, Техническим комитетом по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» (ТК 134)[119] разработаны и утверждены стандарты: ГОСТ Р 57429-2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения»; ГОСТ Р 70003-2022 «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения»; ГОСТ 34938-2023 «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и

---

[117] См.: Россинская Е. Р., Усов А. И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М. : Право и закон, 2001.

[118] Соколова Т. П. Неймингвая экспертиза: организация и производство : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 31.

[119] Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19 мая 2017 г. № 1026 «Об организации деятельности технического комитета по стандартизации “Судебная экспертиза”» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

определения»; ГОСТ Р 57428-2017 «Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения»; ГОСТ Р 58828-2020 «Судебная экспертиза волокнистых материалов и изделий из них. Термины и определения» и многие другие.

Указанные критерии, полагаем, при их наличии могут иметь своим логическим завершением формирование одноименных специализаций во ФГОС ВО по специальности «Судебная экспертиза», а также в стандартах федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты по образовательным программам высшего образования. В схематичном виде описанные нами критерии представлены в Приложении 1.

Наконец, основанием экстраполяции знаний выступает и закономерность возникновения родов (видов) судебных экспертиз вследствие развития судебно-экспертной деятельности. Действительно, сама экспертная практика накапливает наблюдения и обобщает знания, в том числе относительно появления и трансформации объектов экспертиз. На наш взгляд, прогностический потенциал здесь главным образом лежит в плоскости появления новых видов судебных экспертиз, основанных на выделении специфики новых объектов исследований, которая зачастую наиболее ярко проявляется именно на уровне работы сведущих лиц, значительно опережая осмысление некоторых феноменов на уровне правоохранительной и судебной практики. Это логично, поскольку эмпирический материал, накапливаемый судебными экспертами при проведении исследований, понимание возможностей и пределов имеющихся методических подходов, позволяет судебно-экспертной деятельности развиваться внутри себя самостоятельно, вполне обоснованно выделяя наиболее актуальные тенденции. Векторы развития родов (видов) экспертиз в данном случае выводятся главным образом за счет способа экспертных оценок, анализа научной, технической литературы и иных источников.

Так, с позиции трансформации и появления новых объектов, обусловленных цифровизацией, можно прогнозировать расширение видового деления ряда родов

судебных экспертиз, поскольку обнаруживаемые перспективы судебно-экспертного исследования в них уже выходят за рамки сложившегося разделения.

В первую очередь сказанное касается судебной почерковедческой экспертизы. Данный род экспертиз в целом постоянно находится в авангарде процессов трансформации и приращения объектов за счет все новых и новых способов технического преобразования представлений продуктов письма, особенно удостоверительных знаков, широкого внедрения электронного документооборота. По мере развития практики судебными экспертами уже был успешно обобщен и методически обоснован материал, посвященный судебно-почерковедческой экспертизе по электрофотографическим копиям, выявлены и описаны признаки технической подделки реквизитов с использованием высокоточных чертежных машин (плоттеров) и т. д.

На современном этапе наибольший интерес, на наш взгляд, представляет исследование рукописей (подписей и удостоверительных записей), выполняемых на экранах мобильных устройств. С учетом высокого уровня электронного документооборота в Российской Федерации, особенно в сферах государственных и банковских услуг, медицины, указанное представляется актуальным и далеко идущим трендом. Так, в частности, с 2021 г. вступил в силу приказ Министерства здравоохранения РФ от 7 сентября 2020 г. № 947н «Об утверждении Порядка организации системы документооборота в сфере охраны здоровья в части ведения медицинской документации в форме электронных документов», позволяющий медикам, фармацевтам и соответствующим организациям отказаться от традиционного бумажного документооборота и полностью перейти в цифровую форму.

На тот факт, что закономерности выполнения подписей на экранах мобильных устройств, отличаются от классических объектов почерковедческой экспертизы, обращается внимание в совместной работе Е. Р. Россинской и Н. Ф. Бодрова, посвященной проблемам исследования образов цифровых следов в судебной почерковедческой экспертизе. Как отмечается авторами: «С судебно-экспертной точки зрения рукописи, выполняемые на экранах мобильных

устройств, обладают еще и более высокой информативностью, т. к. позволяют более полно изучить нажимные, темповые характеристики рукописи и иные признаки, недоступные ранее для исследования на бумаге»[120].

О необходимости специальных исследований в этой области пишут и С. М. Бобовкин и О. А. Диденко, используя термин «цифровые рукописные биометрические подписи». Как указано авторами: «Специфика таких новых объектов заключается в процессе их выполнения (сочетающем реализацию письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков и технологические процессы запечатления графической информации), особенностях отображения в них как основных криминалистических свойств почерка исполнителя, так и свойств фиксирующего устройства (планшета либо иного материала письма), также выражении информативных признаков конкретного индивида <…>. Все вышеперечисленные обстоятельства, бесспорно, требуют более основательного изучения, подчеркивая необходимость отнесения этой разновидности исследуемых рукописей в отдельную категорию объектов судебно-почерковедческой экспертизы»[121].

На наш взгляд, указанное направление в будущем станет одним из наиболее востребованных видов почерковедческих исследований. Темпы осуществления данного прогноза во многом зависят от развития и распространения отечественного технического оснащения в этой области[122].

Следующим направлением, которое можно прогнозировать, является расширение видового деления в тех родах экспертиз, типичными объектами которых выступают продукты речевой деятельности (в той или иной форме

---

[120] Россинская Е. Р., Бодров Н. Ф. Современное состояние и перспективы исследования образов цифровых следов в судебной почерковедческой экспертизе // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 21. № 1. С. 124.

[121] Бобовкин С. М., Диденко О. А. Объекты судебно-почерковедческой экспертизы в условиях современности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 23.

[122] Наибольшим функционалом пока обладают зарубежные разработки, например, линейка планшетов для захвата, оцифровки и ввода рукописной графической подписи в электронные документы — Signotec Gmbh (Германия). Однако имеются и менее развитые, но отечественные аналоги, например, соответствующий модуль для подписей в программе Dental4Windows, входящей в Единый реестр российского программного обеспечения Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

объективизации), видеоизображения (записи), фотографические изображения и иной аудиовизуальный и графический контент, поскольку именно в этих сферах находит широкое распространение генерация / редактирование цифровых продуктов с использованием отдельных технических решений на базе ИИ.

Ускоренному внедрению технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, способствует упомянутое нами ранее в рамках прогнозного фона позитивное государственно-властное отношение к указанному явлению, ярко выраженное, в частности, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Для разных родов и видов экспертиз влияние отдельных направлений ИИ будет различаться в зависимости от их типичных объектов и решаемых задач, а также природы используемых специальных знаний.

На наш взгляд, соотнести некоторые роды экспертиз и технологии, обуславливающие приращение новых объектов исследования, можно в общем виде так:

— чат-боты, специализирующиеся на обработке текстов на естественном языке (Natural Language Processing, NLP), — для автороведческих и лингвистических экспертиз (примеры: ChatGPT, GigaChat, Bard и т. д.);

— нейронные сети, генерирующие изображения по заданному пользователем описанию — для портретной и фототехнической экспертиз (примеры: MidJourney, Kandinsky, Stable Diffusion и др.);

— нейронные сети с технологиями голосового синтеза — для фоноскопической экспертизы[123] в части исследования голоса и звучащей речи (примеры: ElevenLabs, Vera Voice и т. д.).

[123] Автором в целях единообразия используются наименования экспертиз из Перечня родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Приказом Министерства внутренних дел России от 29 июня 2005 г. № 511.

Перечень примеров, безусловно, не может считаться исчерпывающим, как, например, невозможно дать исчерпывающий перечень экспертных методов и средств, поскольку научно-технический прогресс всегда опережает попытки его описать. Хотя, рассматривая здесь ИИ сквозь призму трансформации объектов судебных экспертиз, следует обратить внимание — с одной стороны, такие технологии по себе могут быть объектом, в частности в рамках СКТЭ (например, при вопросах, связанных с функционированием созданной в рамках технического задания нейронной сети), с другой стороны — цифровые следы, являющиеся продуктами работы ИИ (главным образом нейросетевых технологий), могут находить широкое распространение в самых разных родах экспертиз, что было показано нами выше.

Указанные направления уже являются предметом беспокойства ученых и практикующих экспертов, объединяясь, как правило, для дальнейшего изучения через понятие дипфейка (от англ. deepfake: deep learning — «глубинное обучение» и fake — «подделка»). На наш взгляд, удачное с позиций использования применительно к судебно-экспертной деятельности понятие сформулировано Н. Ф. Бодровым и А. К. Лебедевой, которые определяют дипфейк как: «…цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом»[124].

Подобные цифровые продукты — наиболее актуальные новые объекты упомянутых ранее экспертиз, поскольку по мере своего развития уже давно перешли от реализации преимущественно в сфере развлечений к использованию в преступных целях. Сама история дипфейк-технологий — ярчайшее тому подтверждение. Так, изначально технологии получения аудиовизуального контента с использованием наложения заданных изображений и голосов

[124] Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 28. № 4. С. 43.

создавались для специфических нужд киноиндустрии (возможности ИИ использовались в фильме «Аватар» в 2009 г., образ актрисы Одри Хепберн «оживили» для рекламы шоколада Dove от 2014 г. и т. д.). Но уже в 2017 г. технология была впервые использована одним из пользователей форума (социальной сети) Reddit для создания компрометирующих материалов порнографического характера с участием публичных лиц, и именно по имени данного пользователя явление — deepfake и получило свое название[125]. Примером того, что такого рода технологии провоцируют не только правонарушения, но и настоящие политические скандалы, может служить инициированное в 2024 г. итальянским премьер-министром Джорджой Мелони судебное разбирательство с авторами видеоматериалов порнографического характера с ее фейковым участием. Это же, что важно, послужило началом национального законотворческого процесса в области ИИ в Италии[126].

Отечественное законодательство также идет по пути расширения и ужесточения регулирования сферы дипфейк-технологий. В 2024 г. в Государственную Думу был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», предусматривающий введение в ряд статей УК РФ (клевета, кража, мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) дополнительного квалифицирующего признака — совершение преступления с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) и (или) биометрических данных гражданина. Как указали инициаторы в пояснительной записке к проекту — он направлен на защиту чести и достоинства личности, а также собственности от потенциальных посягательств путем создания

---

[125] Портал Хабр. URL: https://habr.com/ru/companies/neuronet/articles/592119/ (дата обращения: 24.05.2024).

[126] Meloni vs. Deepfakes: Italian Government Submits AI Law to Parliament // The European Conservative. URL: https://europeanconservative.com/articles/news/meloni-vs-deepfakes-italian-government-submits-ai-law-to-parliament/ (дата обращения: 24.08.2024).

фальшивых материалов с использованием изображения или голоса, а также биометрических данных[127].

Нет сомнений, что технологическое совершенствование нейронных сетей и иных вариаций ИИ, подогреваемое соперничеством крупнейших IT-корпораций как в России, так и за рубежом будет продолжаться. В судебно-экспертной практике будет появляться новый эмпирический материал, по мере накопления которого будут созданы теоретические обобщения, касающиеся работы с новыми объектами. Первоначально, и на данном этапе мы находимся в нынешнее время, будут обобщены разновидности сгенерированной цифровой продукции, конкретные направления ее противоправного использования. Затем по мере дальнейшего развития и приращения знаний, специалистами в отдельных родах (видах) экспертиз будут предприниматься попытки сформулировать общие и частные признаки, характеризующие новые видовые объекты — цифровые следы — продукты работы ИИ, а после и первые методические рекомендации по их исследованию.

Представляется, что центральная проблема экспертной практики в свете широкого развития создания и (или) редактирования контента с использованием ИИ — расширяющееся размывание границ между объектами и явлениями объективной реальности, результатами реализации тех или иных навыков и свойств, присущих реальным лицам, и их искусственно сгенерированными аналогами. Для судебной экспертизы это принципиально, ведь значительная часть научного обоснования многих родов (видов) построена на антропоцентрическом подходе: процесс речепроизводства для речеведческих экспертиз, особенности письменно-двигательного навыка для почерковедческих экспертиз, закономерности естественного изменения признаков внешности человека в портретных экспертизах и т. д. Исходя из чего, очевидно, что сгенерированная цифровая продукция по своей природе в принципе не может и не должна быть исследована в рамках сложившихся методических подходов. Это, в свою очередь,

[127] Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 718538-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8#bh_note (дата обращения: 16.09.2024).

влечет значимое концептуальное изменение в части диагностических задач, которые, полагаем, вскоре станут общей новацией для большинства упомянутых нами выше родов экспертиз. Как, например, справедливо отмечено Е. И. Галяшиной применительно к речеведческим экспертизам: «…на первый план выступает задача — определить, не содержит ли представленный на экспертизу речевой объект синтезированную устную речь или искусственно генерированный письменный текст»[128].

Экспертной практике в будущем следует ожидать вопросов из области: каковы действительные свойства объекта, его пригодность (непригодность) для исследования, имеет ли он генеративную природу? Как мы отметили ранее, сейчас происходит лишь начальный этап осмысления связанных с этим проблем.

Таким образом, нами было показано, как широки перспективы формирования и развития новых родов и видов экспертиз с учетом трансформаций их объектов. Указанные процессы обнаруживают движение как в сторону укрупнения классификационных общностей, так и в сторону их дробления. На наш взгляд, описанные нами тенденции и прогностический инструментарий в целом позволяют в дальнейшем осуществлять переход от прогнозов к планированию. Вместе с тем объекты и сопряженные с ними задачи — важный, но не единственный двигатель развития судебных экспертиз. Цифровизация, безусловно, влияет и на поиск, разработку, адаптацию новых средств и методов решения экспертных задач, а те в свою очередь на траектории формирования и развития родов и видов экспертиз. И эта сфера так же обладает значительным прогностическим потенциалом, рассмотрение которого будет продолжено во второй главе работы.

Одним из вопросов, который, представляется, объединяет ряд значимых, перманентно дискутируемых в теории проблем, выступает прогностический аспект правового регулирования судебно-экспертной деятельности. Например, выше нами было раскрыто высокое значение родовой (видовой) классификации экспертиз для

---

[128] Галяшина Е. И. Нейросети – смерть или новая жизнь судебной экспертизы? экспертиз // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2024. С. 88.

построения официальных перечней проводимых исследований, на которые в дальнейшем ориентируется правоприменитель. На наш взгляд, очевидно, что и в этой сфере прогнозирование должно играть особую роль при обосновании и планировании необходимых изменений. Это в свою очередь требует особого внимания к прогнозному фону и научным закономерностям экстраполирования знаний, раскрытых нами ранее, в то время как недооценка прогностического инструментария, его игнорирование ярко отражают себя в негативных явлениях в сфере нормативного регулирования использования специальных знаний. Именно это и будет рассмотрено в заключительном параграфе данной главы.

§ 1.3. Судебно-экспертное прогнозирование и проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности

Правовое регулирование судебно-экспертной деятельности — предмет постоянных дискуссий в науке и одна из наиболее острых проблем практики, точка наибольшего пересечения интересов экспертов и лиц и (или) органов, которые сталкиваются с назначением и производством судебных экспертиз. Так, правовые нормы, устанавливающие принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, необходимы и для эффективного функционирования экспертного сообщества в целом, и для адекватного решения задачи содействия осуществлению правосудия.

В настоящий момент ядром правового регулирования в указанной области выступает Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ФЗ о ГСЭД). Как отмечено в ст. 3 ФЗ о ГСЭД: «Правовую основу государственной судебно-экспертной деятельности составляют Конституция Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ — здесь и далее расшифровано нами А. Ч.), Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ), Уголовно-процессуальный кодекс Российской

Федерации (УПК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), законодательство Российской Федерации о таможенном деле, Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ), законодательство в сфере охраны здоровья, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по организации и (или) производству экспертизы в целях осуществления судопроизводства в Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федерального государственного органа, осуществляющего в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства (Следственный комитет России)». В соответствии со ст. 41 указанного закона положения ст. 3 распространяют свое действие и на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами.

Как уже было упомянуто нами ранее, данный федеральный закон в значительной степени устарел и спустя более чем 20 лет едва ли отражает реально сложившуюся систему судебно-экспертной деятельности, значительную роль в которой, в том числе и по количеству проводимых ими исследований, играют экспертные организации, не относящиеся к государственным. Проект нового федерального закона № 306504-6, который должен охватить основные аспекты осуществления судебно-экспертной деятельности безотносительно государственного или негосударственного статуса, пройдя ряд доработок с момента внесения законопроекта в 2013 г., на данный момент не принят. Как пишет по этому поводу Ю. В. Гаврилин, предпосылками для разработки проекта в свое время «…послужили такие факторы, как: отсутствие нормативно закрепленных критериев оценки компетентности негосударственных судебных экспертов; множественность экспертных методик разрешения однотипных задач; недостаточная научная обоснованность отдельных экспертных методик; отсутствие единых стандартов подготовки судебных экспертов и оснащенности

экспертных учреждений; дублирование финансовых затрат на аналогичные научно-исследовательские работы и др.»[129].

К сожалению, большинство этих проблем остаются нерешенными, а потребность в едином, обновленном законе — неудовлетворенной.

Помимо действующего ФЗ о ГСЭД к пласту нормативного регулирования, имеющего универсальный, общий характер для всех экспертов в целом, следует относить и процессуальные нормы, посвященные порядку назначения и производства судебной экспертизы в различных формах судопроизводств. Эти нормы, как неоднократно отмечалось в научной литературе, несколько расходятся по содержанию, что, очевидно, не соответствует единой природе специальных знаний и общему статусу эксперта, независимо от того, в рамках какого дела — уголовного, административного и т. д. привлекается сведущее лицо. Так, например, исключительно в уголовном процессе отдельно предусмотрено такое основание для отвода эксперта как обнаружение его некомпетентности (п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ), при том, что содержание этого понятия, как и в случае со специальными знаниями, в законах не раскрывается в принципе.

Правовое регулирование этого уровня (федеральные законы), на наш взгляд, испытывает наиболее значительное влияние политического контекста как компонента прогнозного фона, в силу значительной субъективности которого прогнозировать скорые улучшения в этой области довольно трудно. Хотя можно констатировать, что проблемы законодательства о судебно-экспертной деятельности рассматриваются и всесторонне обсуждаются в науке постоянно[130], ученые и практики регулярно участвуют в посвященных этому мероприятиях (например, семинар-совещание в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Судебно-экспертная деятельность в гражданском судопроизводстве» от 16 ноября 2023 г., семинар-совещание в Совете Федерации

---

[129] Гаврилин Ю. В. Судебная экспертиза: накануне больших перемен // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 53.

[130] См., например: Тимченко В. А. Правовое регулирование судебно-экспертной деятельности в российской федерации: состояние и необходимость совершенствования // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 480—486.

Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Совершенствование организационно-правовых основ судебно-экспертной деятельности» от 11 декабря 2024 г., заседание Экспертного совета при Уполномоченном при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и приглашенными экспертами на тему «Актуальные вопросы защиты прав и интересов предпринимателей в свете изменений в федеральный закон о судебно-экспертной деятельности» от 27 апреля 2023 г. и др.).

В рамках темы настоящего исследования нас в большей степени интересует следующий уровень регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, а именно нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, на которые в числе прочих возложены и функции по организации и (или) производству экспертиз. На указанном уровне принимаются так называемые ведомственные акты, регулирующие вопросы, связанные с назначением и производством судебных экспертиз, аттестацией на их проведение применительно к специфике деятельности отдельных систем государственных экспертных учреждений (далее — ГСЭУ). Такого рода документы имеются у Минюста России[131], МВД России[132], ФСБ России[133],

---

[131] См.: приказ Минюста России от 28 декабря 2023 г. № 404 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; приказ Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[132] См.: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[133] См.: приказ ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следственного комитета России[134], Министерства обороны Российской Федерации (далее — Минобороны России)[135], Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — МЧС России)[136], Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее — ФТС России)[137], Министерства здравоохранения Российской Федерации (далее — Минздрав России)[138].

Именно на этом уровне свою практическую значимость обнаруживает родовая (видовая) классификация судебных экспертиз — в предмет регулирования указанных актов у всех перечисленных органов входит решение вопросов, связанных с определением разновидностей проводимых в рамках подведомственных им экспертных учреждений экспертиз и (или) определением соответствующих этому экспертных специальностей.

Закрепляемые в ведомственных актах разновидности судебных экспертиз во многом определяют дальнейшие возможности корректного назначения и производства необходимого исследования — субъект назначения экспертизы ориентируется на перечни и определяет: а) выполняется ли интересующий род (вид) исследования в той или иной системе государственных судебно-экспертных

---

[134] См.: приказ Следственного комитета России от 24 июля 2020 г. № 77 «Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения “Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации” на право самостоятельного производства судебных экспертиз» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[135] См.: приказ Минобороны России от 31 октября 2007 г. № 461 «О порядке определения уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестации их на право самостоятельного производства судебных экспертиз» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[136] См.: приказ МЧС России от 19 августа 2005 г. № 640 «Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[137] См.: приказ ФТС России от 5 августа 2010 г. № 1457 «Об утверждении Положения об аттестации экспертов Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления на право самостоятельного производства судебных экспертиз и Положения о главной экспертно-квалификационной комиссии Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[138] См.: приказ Минздрава России от 25 декабря 2023 г. № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы»; приказ Минздрава России от 12 января 2017 г. № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

учреждений; б) каково его точное наименование. Эта, казалось бы, сугубо формальная информация (а именно такой зачастую обладает правоприменитель касательно использования специальных знаний) помогает с должной степенью оперативности и качества подготовить постановление, определение о назначении экспертизы или в случае меньшей определенности — как минимум сформулировать конкретный запрос в экспертное учреждение. Такого же рода тактика используется и при назначении экспертиз в негосударственные экспертные организации с той разницей, что наличие необходимого эксперта / возможность проведения конкретной разновидности исследования уточняется «по факту», опыту предшествующего обращения или доступной информации в сети «Интернет».

Для того чтобы перечни проводимых (производимых) экспертиз эффективно выполняли ориентировочную функцию для лиц, не являющихся специалистами в интересующей области, необходимо, чтобы уже в самих наименованиях экспертиз прослеживалось: что и зачем исследуется? По сути, здесь на практике реализуется теоретическое обоснование родовой (видовой) классификации всех судебных экспертиз — совокупность объекта и решаемых задач. В основном именно по объектному принципу выстроены перечни наиболее крупных и загруженных систем государственных судебно-экспертных учреждений — РФЦСЭ Минюста России и ЭКЦ МВД России. Такой подход представляется наиболее сбалансированным и отвечающим интересам лиц, органов, назначающих экспертизу. Тем не менее этот подход не единственный. Например, перечень в экспертных подразделениях органов ФСБ России раскрывается с помощью перечисления решаемых типовых задач. А в приказе Минобороны России перечень конкретных разновидностей исследований отсутствует в принципе — лишь из анализа документа в целом выводится, что речь идет о таких крупных классификационных общностях (классах) как судебно-медицинские и криминалистические экспертизы без уточнения разновидностей. В новом приказе, посвященном судебно-медицинской экспертизе, эта крупная общность (класс) по какой-то причине делится на «подвиды», но не роды экспертиз (см. п. 1 приказа

Минздрава России от 25 декабря 2023 г. № 491н). По своеобразному принципу организован и приказ Минздрава России, касающийся проведения судебно-психиатрической экспертизы (см. п. 4 приказ Минздрава России от 12 января 2017 г. № 3н). В нем, в частности, как виды обозначены не только психолого-психиатрическая и сексолого-психиатрическая экспертизы, (что в целом отвечает сложившемуся в науке критерию деления — у них разнятся задачи и специфика специальных знаний), но и выпадающие из этих логических правил классификации однородная амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза, однородная стационарная судебно-психиатрическая экспертиза и др.

Таким образом, ведомственные акты руководствуются различными классификационными общностями — классами, родами (видами) достаточно произвольно. И хотя регламентация судебно-экспертной деятельности на уровне подзаконных актов, тем более применительно к системе ГСЭУ, должна демонстрировать определенный уровень единства, видно, что это далеко не так.

Ведомственная принадлежность и своеобразное «разделение труда», безусловно, диктуют различия в перечнях проводимых экспертиз, их номенклатуре, порядке организации и аттестации экспертов. Например, нельзя не согласиться с различным количеством проводимых исследований (более 30 разновидностей судебных экспертиз в перечнях Минюста России и МВД России, более 20 разновидностей в перечнях ФСБ России и Следственного комитета России и т. д.). Это, на наш взгляд, исключительная компетенция уполномоченных на то федеральных органов исполнительной власти, предмет их усмотрения в рамках имеющихся возможностей. Однако формальная определенность и унификация должны иметь место независимо от этого. Разные классификационные уровни и терминология, используемые для описания сущностно одних и тех же разновидностей исследований, нарушения логических правил деления на группы — все это представляется следствием пренебрежения, во-первых, сформулированными судебной экспертологией теоретическими подходами, во-вторых, правилами юридической техники.

Не соответствует это и принципиальному положению ст. 11 ФЗ о ГСЭД, согласно которой государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов. Как справедливо отмечает А. В. Кокин, и эта позиция широко распространена среди теоретиков и практиков: «…действующая система ГСЭУ формировалась в соответствии с потребностями органов исполнительной власти и ориентирована на решение задач отдельных ведомств, что абсолютно не способствует реализации принципа единообразия экспертной практики. Продолжительное время экспертные службы в разных министерствах развиваются самостоятельно, практически изолированно друг от друга. Многие из них разрабатывают собственное методическое обеспечение и самостоятельно занимаются подготовкой экспертных кадров. В результате экспертная практика не обладает единством в подходе к решению некоторых экспертных задач, а экспертные методики исследований одних и тех же объектов различны по своей сущности»[139].

Помимо разных подходов к классификации судебных экспертиз в целом, перечни не отличаются и единством их наименований. Даже такие развитые в научном и правовом отношении системы ГСЭУ как РФЦСЭ при Минюсте России и ЭКЦ МВД России, чье сотрудничество развивается достаточно активно и в рамках совместных методических разработок, и в рамках Технического комитета по стандартизации (ТК 134), долгие годы продолжают демонстрировать противоречия в своих перечнях. Так, лицо или орган, уполномоченные на назначение судебной экспертизы, при выборе необходимой разновидности исследования обнаружат, например, что в одном перечне речь идет о криминалистической экспертизе видео- и звукозаписей, разновидностью которой выступает исследование голоса и звучащей речи (см. приказ Минюста России от 28

[139] Кокин А. В. Проблемы единого научно-методического подхода к экспертной практике, специализации экспертов и их профессиональной подготовке // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 4-2. С. 23.

декабря 2023 г. № 404), а в другом говорится о фоноскопической экспертизе, разновидностью которой является идентификация лиц по фонограммам речи (см. п. 27, 27.1 приказа МВД России от 29 июня 2005 г. № 511). Таже самая ситуация возникнет при попытке решить вопрос: назначить компьютерно-техническую экспертизу, разновидностью которой указано исследование информационных компьютерных средств (см. приказ № 404), или же компьютерную, видом которой обозначено исследование компьютерной информации (см. п. 11, п. 11.1 приказа № 511)?

Положить конец формальным несоответствиям в регламентации проводимых родов (видов) судебных экспертиз должна была бы деятельность по стандартизации судебно-экспертной деятельности, в целом успешно реализуемая при привлечении органов власти, крупнейших ГСЭУ, научно-образовательных и иных заинтересованных организаций. Но парадоксальным образом и это не имеет должного эффекта. Так, в частности, еще 28 марта 2017 г. был утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (далее — Росстандарт) № 198-ст национальный стандарт РФ (ГОСТ Р 57429-2017) «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения». Однако, сложившийся в системе экспертно-криминалистических подразделений МВД России подход к наименованиям остается неизменным, наглядно демонстрируя, что прогнозный фон в этой области не отличается наличием стремления к консенсусу.

Многолетнее относительно автономное, изолированное внутриведомственное развитие, формирование собственных традиций и научных школ, с одной стороны, способствует поддержанию высокого теоретического и практического уровня в каждой системе ГСЭУ, с другой стороны, во многом это же препятствует давно назревшим компромиссам.

То, что на поверхности может показаться исключительно научной дискуссией в области судебной экспертологии, на практике может обнаруживать значительное негативное влияние на процесс назначения судебных экспертиз и реализацию связанных с этим прав и обязанностей участников судопроизводства.

Во-первых, некорректный выбор рода (вида) судебной экспертизы препятствует постановке на разрешение эксперта вопросов, которые действительно могут быть решены в рамках такого исследования. Даже при наличии грамотно сформулированных и потенциально решаемых вопросов неверное наименование / род (вид), заявленные во вводной части постановления, определения о назначении экспертизы, дезориентируют экспертные учреждения и организации, получающие такие запросы, усложняют принятие материалов к производству.

Так, в соответствии со ст. 57 УПК РФ эксперт вправе давать заключение в пределах своей компетенции (ее отсутствие в соответствии со ст. 70 УПК РФ — прямое основание для отвода), с формальной точки зрения, принятие к производству и выполнение экспертизы, наименование которой не соответствует имеющейся экспертной специальности, полученной в рамках аттестации на право самостоятельного производства судебных экспертиз (для ГСЭУ) или добровольной сертификации (для негосударственных экспертов), может рассматриваться как дача заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний. В случае назначения экспертизы с некорректным наименованием, назначения несуществующей разновидности исследования, назначения экспертизы по наименованию целого класса, например, «криминалистическая», потребуется дополнительное уточнение и (или) исправление процессуальных документов, что растягивает сроки расследования / рассмотрения дела.

Во-вторых, назначение судебной экспертизы, родовое (видовое) выделение или наименование которой является неоднозначным (не общепризнанным) в рамках указанных нами ранее ведомственных приказов, потенциально может привести к дальнейшему оспариванию результатов исследования, ходатайствам о назначении повторных и дополнительных экспертиз, мотивируемых невозможностью и (или) неполнотой решения необходимых вопросов в рамках тех исследований, что были назначены. Наличие в постановлении / определении о назначении экспертизы одного ее наименования, а в полученном заключении эксперта — другого, оставляет пространство для ходатайства о признании заключения эксперта недопустимым доказательством. С высокой долей

вероятности при дальнейшем рассмотрении будет выяснено, что исследование интересующего объекта было проведено и ответы на поставленные вопросы даны, однако сам процесс выяснения и оспаривания также приведет к дополнительным затратам времени.

Сложившаяся и укоренившаяся разобщенность концептуальных подходов к судебной экспертизе, демонстрируемая на уровне системы государственных экспертных учреждений, закономерным образом усугубляется на уровне негосударственной экспертной деятельности, где организации в отсутствие единства подходов, в условиях нынешнего пробельного и непоследовательного правового регулирования в лучшем случае перенимают и (или) комбинируют тот или иной ведомственный подход к делению и наименованию судебных экспертиз. Указанное негативно сказывается как на самоорганизации самого экспертного сообщества, так и уровне осведомленности и понимания лиц и органов, назначающих экспертизу, усложняет просветительскую, научно-методическую деятельность.

В науке неоднократно высказывались варианты решения указанной проблемы. Анализ литературы показывает, что экспертные оценки ученых в целом демонстрируют некоторую общность подходов: имеющиеся недостатки ведомственных актов должны быть устранены приведением к единому стандарту, базирующемуся на научных критериях классификации на роды и виды исследований. Учеными также указывается на необходимость организации некого варианта всеобщего (единого) перечня экспертиз.

Как пишет М. С. Чернявская, рассуждая о проблематичности разных перечней судебных экспертиз для участников процесса: «…необходимо утвердить единый перечень специальностей, при этом желательно, чтобы в них помимо самого названия, указывалась примерная компетенция эксперта, т. е. решение каких задач входит в пределах данной судебной экспертизы. Создание единого перечня специальностей означает и выработку единой классификации судебных экспертиз. Необходимо понимать, что различие в перечнях вызвано в первую очередь разными подходами понимания сущности того или иного рода судебных

экспертиз, что влечет и разницу в понимании компетенции эксперта, ее пределов, т. е. это не просто формальный подход, это то, что требуется учитывать при оценке заключения эксперта в качестве доказательства, то, что проверяется при рецензировании заключений»[140].

Автором не предложен конкретный вариант юридического оформления такого перечня, однако очень точно, на наш взгляд, замечено, что связанные с этим проблемы далеко выходят за рамки формальных.

Один из наиболее развернутых подходов к этой же проблеме изложен в совместной работе О. Г. Дьяконовой и Е. В. Ивановой, где констатируется, что «для разделения судебных экспертиз на классы, роды и виды следует использовать экспертологический подход: комплексный критерий классификации, определенный в рамках судебной экспертологии. В практическом выражении предлагается наиболее часто выполняемые роды (виды) экспертиз закрепить на уровне постановления правительства Российской Федерации, а ведомствам — привести свои внутренние приказы в соответствие с утвержденным правительством перечнем»[141].

Мы солидарны с позицией авторов в общем, однако, полагаем, что принятие нормативного правового акта такого высокого уровня как постановление Правительства РФ не сможет гарантировать должный уровень единообразия, унификации и внутренней непротиворечивости в силу их отсутствия и на иных, в том числе ведомственных, уровнях, а также отсутствия в настоящий момент федерального закона, распространяющего свое действие на судебно-экспертную деятельность в целом. Пока экспертное сообщество не придет к единому, основанному на теоретически обоснованных рекомендациях судебной экспертологии подходу к классификации и описанию судебных экспертиз в том

---

[140] Чернявская М. С. Судебно-экспертная деятельность негосударственных экспертных организаций: теоретические и прикладные аспекты : дис ...канд. юрид. наук. М., 2021. С. 170—171.

[141] См.: Дьяконова О. Г., Иванова Е. В. Классификация судебных экспертиз: экспертологический подход. С. 75.

числе в уже действующих актах, ожидать, что это произойдет на уровне правительственного документа, не приходится.

Подтверждением этого неутешительного прогноза можно считать подход, избранный для построения перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными учреждениями. Указанный перечень утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р (с изменениями от 22 марта 2023 г. № 672-р). Разделы этого правительственного документа построены по принципу своеобразного функционального назначения: «Судебные экспертизы по уголовным делам… / по уголовным делам, судебные экспертизы при проверке сообщений о преступлениях… / по гражданским делам… / по определению рыночной стоимости объектов…». На наш взгляд, такого рода рубрикация с последующим перечислением некоторых родов экспертиз не вполне адекватно отражает судебно-экспертную практику. Во-первых, не вполне ясно, зачем заявлять в наименовании акта о видах экспертиз, тогда как перечисляются куда более крупные классификационные общности (роды), объединяющие множество разновидностей исследований (судебная строительно-техническая экспертиза, судебная пожарно-техническая экспертиза и др.). В отдельный, одноименный раздел этого перечня вынесен и целый класс — судебно-психиатрические экспертизы, что не представляется достаточно последовательным не только с позиций классификации, но и того, что второй крупный класс экспертиз, традиционно относимых к ведению Минздрава России — судебно-медицинские, в перечне не упомянут. Во-вторых, из буквального толкования разделов можно сделать вывод, что при расследовании и рассмотрении описываемых категорий дел назначаются исключительно объединяемые в эти разделы экспертизы, что в корне не верно. Например, в рамках Раздела IV «Судебные экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с проявлением терроризма и экстремизма, а также судебные экспертизы при проверке сообщений о таких преступлениях» нередко назначаются не только указанные там судебная лингвистическая экспертиза и судебная психолого-лингвистическая экспертиза, но и иные экспертизы, в частности

взрывотехническая, отнесенная в этом же перечне к другому разделу (см. Раздел I). Таким образом, рассматриваемый правительственный перечень построен и не на научной классификации экспертиз, отражение которой (пусть и небесспорное) можно наблюдать в ведомственных перечнях проводимых экспертиз (МВД России, Минюста России и т. д.), и не предлагает иного четкого критерия (специфика составов преступлений / повышенная общественная значимость и т. п.) для включения разновидностей исследований, что заставляет задаваться вопросами о его логической обоснованности. В условиях неоднократно отмеченной нами общей разобщенности наименований судебных экспертиз и, соответственно, экспертных специальностей подобный документ оставляет дополнительное поле для разночтений, оспаривания и непризнания результатов отдельных экспертиз в отдельных делах, затягивания процесса их назначения. Указанное, очевидно, не отвечает ни интересам развития судебно-экспертной деятельности, ни достижению целей уголовного судопроизводства, в рамках которого преимущественно и назначаются экспертизы в ГСЭУ.

Мы считаем, что рассматриваемый перечень должен быть приведен в соответствие с логикой построения ведомственных перечней, выполняемых судебных экспертиз, а также отражать терминологические уточнения уже принятых Техническим комитетом по стандартизации (ТК 34) «Судебная экспертиза» стандартов. А в сам процесс разработки поправок и дальнейшего развития этого документа необходимо включать бóльшее количество представителей научного и экспертного сообщества. Полагаем, многие спорные вопросы в части отнесения отдельных разновидностей исследований исключительно к компетенции ГСЭУ указанным документом могли бы решаться при наличии более развернутой мотивационной части. Эти мотивы должны быть прозрачны, обоснованы объективно сложившейся экспертной и судебно-следственной практикой и ясны всем участникам судопроизводства, а не только властным субъектам назначения экспертиз.

На наш взгляд, потребность в контроле за качеством проводимых экспертных исследований по отдельным категориям дел не может быть решена эффективно

такого рода «заградительным» перечнем, а должна заключаться в повышении качества научно-методического, организационного и, разумеется, правового сопровождения судебно-экспертной деятельности в целом. Считаем, что это вопрос, решение которого должно быть реализовано на уровне нормативно-правового регулирования, а именно — доработки и принятия полноценного федерального закона о судебно-экспертной деятельности, где в том числе должен быть решен вопрос о порядке формирования и изменения единого перечня экспертиз, часть из которых, если это будет признано необходимым, может быть закреплена за государственными судебно-экспертными учреждениями органов исполнительной власти РФ.

Наглядным подтверждением этого выступает позиция высшей судебной инстанции. Так, 5 июня 2024 г. апелляционным определением Верховного суда РФ по делу № АПЛ24-200 было принято решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления двух экспертных организаций, не согласных с установленным Правительством РФ перечнем видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями. Как было указано истцами (представители организаций, специализирующихся на выполнении строительных-технических экспертиз), перечень Правительства РФ создает дискриминационные условия для осуществления экспертной деятельности, его положения избыточны по степени вмешательства в сложившиеся правоотношения в сфере проведения судебных экспертиз и затрудняют проведение судебных строительно-технических экспертиз в разумный срок. Отказывая им в оспаривании акта судебные инстанции указали, что правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве составляет ФЗ о ГСЭД, в частности его ст. 41, где прямо указано, что Правительство РФ может устанавливать перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, следовательно оспариваемые распоряжения изданы Правительством РФ в пределах

предоставленных ему полномочий, требования нормативных правовых актов к порядку и основаниям для их утверждения были соблюдены. Оспариваемые распоряжения не носят нормативно-правовой характер, а относятся к оперативным и другим текущим вопросам, направлены на организацию исполнения предписаний закона, изданы в рамках решения Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Указанная комиссия в соответствии с Положением о Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 8 декабря 2018 г. № 1502 является координационным органом, образованным для обеспечения согласованных действий заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и государственных органов в целях формирования единой государственной политики и совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере судебно-экспертной деятельности[142]. Таким образом, даже при наличии указанных нами ранее недостатков правительственного перечня судебных экспертиз, без учета юридической иерархии актов сами претензии к правительственному подходу на данном этапе не будут признаны состоятельными.

Более оптимистично, на наш взгляд, складывается ситуация с документами технического комитета по стандартизации (ТК 134) «Судебная экспертиза». Будет уместным заметить, что роль технического комитета в формировании единого перечня родов (видов) экспертиз уже отмечалась в научной литературе. Как было указано Н. С. Неретиной в контексте развития новых родов (видов) экспертиз, назрела «необходимость в утверждении Национального стандарта РФ,

---

[142] Апелляционное определение Верховного суда РФ по делу № АПЛ24-200 от 8 июня 2024 г. «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 20.03.2024 № АКПИ23-1168, которым отказано в удовлетворении заявлений об оспаривании распоряжения Правительства РФ от 31.10.2023 № 3041-р, раздела VIII перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, утв. распоряжением Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Обзор данного судебного дела представлен в том числе: «Экспертным организациям не удалось оспорить проведение строительно-технических экспертиз только госэкспертами» [Электронный ресурс] Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ekspertnym-organizatsiyam-ne-udalos-osporit-provedenie-stroitelno-tekhnicheskikh-ekspertiz-tolko-gos/ (дата обращения: 17.10.2024).

закрепляющего в том числе единый перечень родов (видов) судебных экспертиз и единый перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз на основе научной классификации. Требования Стандарта следует распространить на все государственные судебно-экспертные учреждения федеральных органов исполнительной власти вне зависимости от их ведомственной принадлежности, и на негосударственные экспертные учреждения, а также частных экспертов»[143].

Этот подход автора, изложенный в диссертационном исследовании 2016 г., представляет собой яркий пример судебно-экспертного прогнозирования, основанного на точной оценке сложившегося прогнозного фона (создание комитета в 2015 г.), а также использовании закономерностей судебной экспертологии. Наглядным подтверждением этого осуществившегося прогноза является внесенный Техническим комитетом по стандартизации ТК 134 «Судебная экспертиза» и принятый приказом Росстандарта от 5 февраля 2024 г. № 193-ст ГОСТ Р 71232-2024 «Роды судебных экспертиз. Термины и определения».

Вступивший в силу с 1 июля 2024 г. национальный стандарт устанавливает термины и определения понятий в области родов судебных экспертиз, рекомендуемые для применения во всех видах документации и литературы в области судебной экспертизы, входящих в сферу действия работ по стандартизации и (или) использующих результаты этих работ[144]. Требования стандарта распространяются как на государственных судебных экспертов, так и на негосударственных судебных экспертов. В работе по подготовке перечня приняли участие головные учреждения систем ГСЭУ Минюста России, Минобороны России, Следственного комитета России, МВД России, ФТС России, а также Торгово-промышленная палата РФ, ряд образовательных учреждений: Российский государственный университет правосудия, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя и

---

[143] Неретина Н. С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз. С. 160.

[144] Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. URL: https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=258326 (дата обращения: 25.01.2024).

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (см. предисловие ГОСТ Р 71232-2024).

Предпринятая попытка стандартизировать перечни судебных экспертиз на уровне национального стандарта представляется нам концептуально одной из наиболее удачных идей в этой области. Полноценный ГОСТ, в котором объединятся усилия разных представителей судебно-экспертной теории, практики и дидактики, мог бы, наконец, стать образцом для согласованного, единого по терминологии и непротиворечивого по своим классификационным критериям перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в России на современном этапе. Сама природа национального стандарта как документа по стандартизации, на наш взгляд, действительно, вполне подходит для заданных целей. К тому же уже существует активно функционирующий Технический комитет по стандартизации ТК 134, в рамках деятельности которого было подготовлено множество стандартов достаточно высокого уровня согласованности по отдельным родам (видам) экспертиз.

Все это в целом составляет основание для прогноза о том, что формирование единого перечня родов (видов) судебных экспертиз на уровне национального стандарта — путь стандартизации этой области, который в дальнейшем способен стать основой нормативного правового акта более высокого уровня.

Однако, к сожалению, новый ГОСТ Р 71232-2024 «Роды судебных экспертиз. Термины и определения» демонстрирует неудовлетворительный уровень реализации теоретически удачной идеи на практике. Рассмотрим далее эти недостатки подробнее.

В первую очередь обращает на себя внимание количество зафиксированных в стандарте родов судебных экспертиз. В документе предложены наименования и определения 25 родов, что меньше, например, перечней исследований, выполняемых крупнейшими ГСЭУ МВД России и Минюста России (более 30). Можно было бы предположить, что именно такое количество отражает результат сложившегося при подготовке стандарта консенсуса, сложного отбора из числа наиболее развитых в научном и методическом отношении экспертиз, которые

проводятся крупнейшими экспертными учреждениями. Однако в таком случае не ясно, почему, например, в ГОСТ Р 71232-2024 не вошел род лингвистических экспертиз, который закреплен в перечнях Минюста и МВД России с начала 2000-х гг., а в 2022 г. этим же техническим комитетом был принят ГОСТ Р 70003-2022 «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения». Таким образом, версия о такого рода отборе не представляется нам убедительной.

Не убедительна и выбранная логика построения перечня и в силу того, что некоторые из вошедших в стандарт исследований не обнаруживают своих аналогов в перечне МВД России, тогда как ряд экспертиз, что там давно закреплены, не нашли своего отражения в ГОСТе. Проиллюстрируем сказанное наглядно сравнительной таблицей с примерами отдельных родов экспертиз (Таблица 1). Для демонстрации роды экспертиз взяты выборочно, а для сравнения выбраны перечни двух крупнейших (по количеству исследований и числу учреждений) систем ГСЭУ современной России — Минюста России и МВД России.

Таблица 1

Сравнение содержания ГОСТ Р 71232-2024, перечня Минюста России и перечня МВД России в части указанных родов судебных экспертиз (выборочное)

Род судебной экспертизы	ГОСТ Р 71232-2024 «Роды судебных экспертиз. Термины и определения»	Приказ Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 (в действующей редакции)	Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511
Автороведческая экспертиза	Есть	Есть	Есть
Компьютерно-техническая экспертиза	Есть	Есть	*Компьютерная экспертиза*
Ботаническая экспертиза	Есть	*Биологическая экспертиза* Исследование	Есть

		объектов растительного происхождения	
Лингвистическая экспертиза	Нет	Есть	Есть
Политологическая экспертиза	Есть	Есть	Нет
Экспертиза объектов интеллектуальной собственности	Есть	Есть	Нет
Фоноскопическая экспертиза	*Экспертиза фонограмм* Отвечает терминологии уже имеющегося ГОСТ Р 58332-2018 «Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения»	*Криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей*	Есть

Как видно из приведенного выше сравнения, новый ГОСТ Р 71232-2024 демонстрирует и варианты, при которых наличие экспертизы и совпадение ее наименования имеет место во всех документах, и варианты наличия определенного рода экспертизы в одном перечне и отсутствие в другом, а также наличие во всех документах различных версий наименований, как в случае с фоноскопической экспертизой. Указанное видится скорее очередным витком разобщения, нежели единым перечнем родов судебных экспертиз, призванным стандартизировать эту область. Так, лица и органы, назначающие судебную экспертизу, при обращении к официальному национальному стандарту, обнаружат, что далеко не каждая из зафиксированных разновидностей исследований присутствует в уже знакомых ведомственных перечнях, а некоторых родов, что в этих перечнях есть и широко распространены на практике, в стандарте нет в принципе (лингвистическая, товароведческая экспертизы, ряд экономических экспертиз и др.).

Не решаются окончательно рассматриваемым стандартом и уже имеющиеся терминологические противоречия. Как пишет Е. В. Чеснокова применительно к проблеме выработки единого названия стандартов судебных экспертиз и их концепций: «…важно исходить из представления о научных положениях той или иной экспертизы, не отдавая предпочтения ее названию и положению в системе экспертиз в отдельных перечнях родов и видов экспертиз, производимых в экспертных учреждениях различных ведомств»[145]. Трудно не согласиться с этим справедливым замечанием, однако из анализа ГОСТ Р 71232-2024, на наш взгляд, следует, что он в бóльшей степени корреспондирует именно перечню экспертиз Минюста России и в меньшей — остальным ведомствам.

В таком случае или все действующие на данный момент ведомственные акты должны быть приведены в соответствие с выработанным национальным стандартом, чего пока, как видно, не происходит, или же национальный стандарт должен быть серьезно доработан, чтобы реально отражать единую концепцию деления на роды и наименований экспертиз в большинстве экспертных учреждений разных ведомств. Разумеется, оба этих пути достаточно трудоемки, однако в противном случае не вполне ясна логика создания такого рода национального стандарта.

Это подводит нас ко второму недостатку рассматриваемого документа — неполнота привлекаемых к его разработке субъектов. На наш взгляд, к работе над стандартом, который будет иметь общий для всей судебно-экспертной деятельности характер, должны быть привлечены представители более широкого круга заинтересованных органов и организаций. В частности, вневедомственные образовательные учреждения, выпускающие специалистов по специальности «Судебная экспертиза» (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана и др.). Затрагивает ГОСТ Р 71232-2024 и интересы не

[145] Чеснокова Е. В. Стандарты в области судебной экспертизы как инструмент реализации единого научно-методического подхода в судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 245.

указанных в числе разработчиков, но проводящих зафиксированные там разновидности исследований судебно-экспертные учреждения федеральной противопожарной службы (МЧС России), судебно-экспертные подразделения ФСБ России. Наконец, учитывая, что требования национального стандарта распространяются как на государственных судебных экспертов, так и на негосударственных судебных экспертов, а сам стандарт носит универсальный характер, представляется необходимым включить представляющие их организации в число разработчиков. Сложность заключается в том, что система экспертных организаций, не являющихся государственными, не обладает должным уровнем централизации и упорядоченности, и выбрать представителя этой в значительной степени хаотичной общности не просто. На наш взгляд, на данном этапе эту роль мог бы взять на себя, например, Союз лиц, осуществляющих деятельность в сфере судебной экспертизы и судебных экспертных исследований «Палата судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова», в распоряжении которого имеется обширный реестр сертифицированных экспертов. Полагаем, что вопросу представительства негосударственных экспертов в процессе стандартизации, связанной с родами (видами) судебных экспертиз, как новых, так и уже сформировавшихся, должно быть уделено больше внимания.

Заметим и то, что все упомянутые нами субъекты, не оказавшиеся в числе разработчиков, в соответствии с приказом Росстандарта от 19 мая 2017 г. № 1026 входят в состав технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза»[146].

Принципиальное положение судебно-экспертного прогнозирования, заключающееся в опоре на выработанные судебной экспертологией объективные закономерности для получения прогностической информации, должно учитываться при планировании и практической реализации административных решений в области стандартизации судебно-экспертной деятельности. Это прежде

[146] Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19 мая 2017 г. № 1026 утвержден состав технического комитета по стандартизации “Судебная экспертиза” (ТК 134).

всего научное обоснование явлений (в том числе дискуссионное), анализ экспертной и судебно-следственной практики в целом, накопление некоторого массива информации позволяющие в относительно долгосрочной перспективе говорить об актуальности внесения тех или иных родов (видов) экспертиз в ведомственные перечни, тем более отбор и внесение таковых в единый перечень (стандарт). Административный ресурс должен следовать за этими процессами, а не опережать их.

Заметим, что согласование наименований отдельных разновидностей исследований, а тем более включение в перечни проводимых родов (видов) экспертиз — далеко не первоначальные этапы их формирования и развития, им предшествует множество иных этапов[147], в рамках которых род судебной экспертизы считается сформировавшимся, когда «четко сформулирован предмет экспертизы, определен круг исследуемых объектов, основные решаемые задачи, разработаны методические подходы (а в идеале — методики) экспертного исследования»[148].

В вопросах официального закрепления родов экспертиз, а, следовательно, и будущих экспертных специальностей, которые им корреспондируют, следует избегать спешки. На наш взгляд, единый перечень судебных экспертиз, реализуемый в виде национального стандарта с учетом того, что на данный момент там не просто перечислены, но и раскрываются понятия родов экспертиз, должен формироваться с учетом еще более строгих критериев — туда необходимо включать уже сформировавшиеся роды исследований, которые:

— отражают актуальные запросы судебно-следственной практики. Из чего следует, что такого рода исследования назначаются и проводятся достаточно активно; к их производству привлекают и государственных экспертов и сведущих

---

[147] См.: Неретина Н. С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз : дис. …канд. юрид. наук. С. 78—81.

[148] Россинская Е. Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз. С. 117.

лиц, таковыми не являющимися (если иное не предусмотрено законом, см. абз. 3 ст. 41 ФЗ о ГСЭД);

— демонстрируют высокий уровень научно-методического обоснования. Это предполагает не просто инициативу и начальные теоретические контуры определенных направлений исследований, но сформировавшиеся научные дискуссии, школы, наличие отдельных методических рекомендаций по решению конкретных задач;

— уже нашли свое отражение в нескольких действующих ведомственных актах органов исполнительной власти, возглавляющих системы ведущих государственных судебно-экспертных учреждений. В случае с формированием и развитием новых, ранее не зафиксированных родов (видов) судебных экспертиз, они должны включаться уже в единый перечень при наличии консенсуса и участии полного состава технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза» (см. приказ Росстандарта от 19 мая 2017 г. № 1026).

Ранее в работе мы обращали внимание на понятие прогнозного фона, под которым предложили понимать значимые для решения задач прогноза *внешние* условия развития судебно-экспертной деятельности. Выделив в нем две основные составляющие: научно-технический прогресс в значимых для рода (вида) экспертиз (ы) областях (в том числе процесс цифровизации), а также политический контекст, включающий в себя основные направления государственной политики в области экономики и права, мы отметили и подробно обосновали, что первый компонент видится нам более объективным, чем второй. В связи с чем, полагаем, что следует с особой осторожность подходить к обоснованию необходимости внесения в перечни родов (видов) судебных экспертиз тех их разновидностей, что формируются и развиваются преимущественно в рамках конкретной политической конъюктуры. Указанное прежде всего касается области гуманитарного знания.

Так, в литературе наметилось обоснование судебной политологической экспертизы. Перспективы применения методологии политологической науки в рамках судебной экспертизы подробно раскрываются в коллективной работе О. В Галаевой, В. В. Гулевской, Г. Г. Омельянюка (Судебная политологическая

экспертиза — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России, 2023), где авторы определяют новую разновидность экспертизы как: «…процессуальное действие, осуществляемое лицами, обладающими специальными знаниями в области политологии, включая междисциплинарные отрасли политологической науки, которые дают заключение (в части своей компетенции) о деятельности субъектов политического процесса в ходе исследования с использованием методологических подходов и методики политологических исследований в актуальном политико-правовом контексте»[149]. Из содержания работы следует, что именно политический контекст и специфика современной внешней и внутренней политики России обусловили насущную необходимость в такого рода специальных знаниях, в частности по делам экстремистской направленности, в рамках установления осуществления деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности нежелательной на территории Российской Федерации и др. В 2023 г. политологическая экспертиза вошла в обновленный перечень судебных экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Минюста России на правах нового рода судебных экспертиз. По схожему принципу было выстроено и обоснование необходимости создания и внедрения в практику судопроизводства судебной экспертизы, основанной на специальных знаниях науки этики, в том числе прикладной этики (Судебная этиковедческая экспертиза — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России, 2023). Как отмечено в литературе, разработка этиковедческой экспертизы начата в развитие поручения министра юстиции, высказанного на XI Петербургском международном юридическом форуме в 2023 г., в свою очередь новая разновидность экспертизы по утверждению коллектива авторов: «…устанавливает соответствие содержания и (или) формы выражения информации в представленных на исследование

[149] Галаева О. В., Гулевская В. В., Омельянюк Г. Г. Судебная политологическая экспертиза — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 37.

материалах духовно-нравственным ценностям и нормам морали, принятым в Российской Федерации»[150]. Обоснование актуальности указанных разновидностей экспертиз нашло свое отражение и в другой коллективной публикации этого же периода (Традиционные подходы и инновации в судебно-экспертной деятельности, 2023), где в качестве перспективных направлений судебно-экспертной деятельности также обозначено и планируемое внедрение судебной религиоведческой экспертизы по делам, связанным с оскорблением религиозных убеждений и чувств верующих. Среди решаемых экспертных задач авторами отмечено: «…исследование информационных материалов религиозного содержания, установление в информационных материалах определенной религиозной организации признаков возбуждения межконфессиональной вражды, унижения человеческого достоинства представителей группы лиц, выделенной по признаку отношения к религии»[151]. В 2024 г. этиковедческая экспертиза и религиоведческая экспертиза также вошли в перечень Минюста России на правах новых родов судебных экспертиз (см. приказ Минюста России от 31 января 2024 г. № 32[152]).

Наконец, в 2024 г. политологическая экспертиза в качестве полноценного рода судебной экспертизы нашла свое закрепление и в рассматриваемом ГОСТ Р 71232-2024 «Роды судебных экспертиз. Термины и определения».

Указанные процессы, на наш взгляд, представляют собой значительное преувеличение объективно существующих возможностей рассматриваемых областей гуманитарного знания выступить научно-методической базой для

---

[150] Усов А. И., Омельянюк Г. Г., Хазиев Ш. Н., Галаева О. В., Гулевская В. В. Судебная этиковедческая экспертиза — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 3. С. 10.

[151] Денисов Ю. Д., Лапина И. А., Омельянюк Г. Г., Хазиев Ш. Н. Традиционные подходы и инновации в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 2. С. 84.

[152] Приказ Министерства юстиции РФ от 31 января 2024 г. № 32 «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 20.04.2023 № 72 “Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России”» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проведения полноценных судебных экспертиз. Велик, на наш взгляд, уровень субъективных, оценочных категорий, сопровождающих прогнозы о их внедрении. Так, например, не вполне ясно как такая широкая, свободно трактуемая категория как «этика» будет корреспондировать с конкретными составами правонарушений (преступлений), отражать закономерность развития рода экспертизы в связи с запросами следственно-судебной практики. Полагаем, что формирование целого рода судебных экспертиз должно опираться на внутренние закономерности этого процесса, существующие пусть и под влиянием, но относительно автономно от политического контекста, опираться на специальные знания, которые не потеряют значимость с утратой актуальности или видоизменением очередного состава преступления и (или) административного правонарушения. Следование поэтапному, сложному процессу формирования и развития рода экспертизы обеспечивает не только накопление разнообразного теоретического и практического материала, но и позволяет разновидностям судебных экспертиз гармонично встраиваться в уже сложившуюся систему, дополняя и усиливая ее.

Напротив, пренебрежение этим провоцирует множество проблемных вопросов, в частности — разграничение и дублирование компетенций. В данном случае особые опасения вызывает положение уже давно сформированных лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз. Так, возвращаясь к многократно упоминаемым делам экстремистской направленности — можно прогнозировать закономерное замешательство правоприменителей, которые не обнаружат в новом национальном стандарте, посвященном родам судебных экспертиз, судебную лингвистическую экспертизу, методическая база которой в исследованиях по таким делам вполне состоялась, но обнаружат политологическую.

Отдельно стоит отметить: активно опираясь на политический контекст, что, как мы уже определили, — значимый компонент прогнозного фона, построение нового стандарта, посвященного родам судебных экспертиз, не вполне учитывает его (прогнозного фона) более объективную сторону — цифровую трансформацию

судебно-экспертной деятельности, в частности, продолжает ограничивать судебную компьютерно-техническую экспертизу рамками рода, а не целого класса.

Подчеркнем, что рассмотренные нами тенденции не являются негативными сами по себе: внутриведомственные перечни судебных экспертиз, выполняемых в подотчетных им государственных экспертных учреждениях, — предмет исключительного усмотрения соответствующих ведомств, которые возлагают на себя задачи по научно-методическому обеспечению и производству соответствующих исследований. Они закономерным образом отражают возможности отдельных систем ГСЭУ, демонстрируют вектор их инновационного развития. Негативным это становится тогда, когда форсирует продвижение отдельных дискуссионных с позиции судебной экспертологии и неустоявшихся концепций до уровня, воспринимаемого как официальный.

Выше мы в общих чертах изложили уровневую систему организации правового регулирования судебно-экспертной деятельности, которая демонстрирует, что уровень нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, на которые в числе прочих возложены и функции по организации и (или) производству экспертиз, — в наибольшей степени отражает актуальное состояние развития судебных экспертиз, выполняет ориентирующую функцию для лиц и (или) органов, их назначающих. Принимаемые национальные стандарты в области судебной экспертизы также, на наш взгляд, характеризуются этими признаками.

При этом для полноты рассмотрения стоит отметить и то, что процесс перспективного планирования, выстраиваемый на базе полученной в результате судебно-экспертного прогнозирования информации, не является однонаправленным, а сами прогнозы не предполагают категоричного и неизменного. Ранее мы отмечали, что одной из особенностей прогнозирования в судебной экспертологии во многом является обращенность к явлениям и процессам, не охватываемым статистическими и иными числовыми данными, как это и свойственно наукам общественного цикла. Тем важнее принимать во внимание концепцию прогнозного фона, активно применять метод экспертных

оценок и при необходимости признавать потребность в пересмотре ранее спрогнозированного. Так, и правовое регулирование судебно-экспертной деятельности на этом уровне предполагает некоторую пластичность — перечни родов и видов экспертиз фиксируют некоторый (в идеале — наиболее актуальный) срез сложившейся экспертной теории и практики, корректируемый по мере изменения обстоятельств. Задача судебно-экспертного прогнозирования — отследить и оценить влияние таких изменений.

Проиллюстрируем это на примере судебной экологической экспертизы. Развитие этого класса исследований имеет достаточно длительную историю, роль специальных знаний в области экологии, почвоведения, биологии и т. п. в рамках производства по уголовным и иным категориям дел отмечалась отечественными учеными уже в конце XX — начале 2000-х гг. XXI века. Работы Г. Г. Омельянюка, Е. Р. Россинской, Е. И. Майоровой, Н. С. Черных и других ученых позволили обозначить контуры развивающегося класса и его деление на роды экспертиз. Среди них в начале 2000-х гг. в литературе в том числе отмечалось исследование радиационной обстановки[153]. Указанное родовое выделение закономерно следовало из существовавшего на тот момент прогнозного фона и было объективным: не так далеки были отголоски аварии 26 апреля 1986 г. на Чернобыльской атомной электростанции (АЭС), актуальны вопросы советского ядерного наследия, ввоза в страну соответствующих отходов из-за рубежа и т. д. Как отмечалось в специализированной литературе того периода применительно к становлению судебной экологической экспертизы как самостоятельного класса: «Судебно-экологическая экспертиза представляет собой самостоятельный формирующийся класс судебных экспертиз, который, в свою очередь, делится на соответствующие роды, сопряженные с исследованием экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения, исследованием

[153] См.: Омельянюк Г. Г., Черных Н. А. Судебно-экологическая экспертиза — новое направление в судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2005. № 1. С. 145—150; Черных Н. А., Усов А. И., Омельянюк Г. Г. Судебно-экологическая экспертиза : учеб. пособие. М. : РУДН, 2008; Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2005, гл. 43.

экологического состояния естественных и искусственных биоценозов, *исследованием радиационной обстановки* (выделено нами — А.Ч.), исследованием экологического состояния объектов городской среды, исследование экологического состояния водных объектов. Данный перечень подлежит расширению по мере развития методологических и практических основ судебно-экспертных исследований различных экологических объектов»[154]. И перечень действительно претерпел ряд изменений, в том числе с учетом изменений прогнозного фона и ослаблением закономерности, связанной с потребностями судебно-следственной практики, из современного родового деления этого класса, активно развиваемого главным образом в РФЦСЭ при Минюсте России, исчез род судебной экспертизы радиационной обстановки. В современном перечне экспертиз он более не представлен, но присутствуют уже описанные некогда исследования: экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения, экологического состояния естественных и искусственных биоценозов, экологического состояния объектов окружающей среды в целях определения стоимости восстановления, экологического состояния объектов городской среды, экологического состояния водных объектов[155].

Таким образом, корректировка некогда высказанных прогнозов с опорой на изменения прогнозного фона позволяет актуализировать имеющиеся ведомственные нормативные правовые акты, а оценка и уточнение прогнозов не менее значимы, чем их реализация. Однажды сформировавшийся класс, род, вид судебной экспертизы, согласно выработанным судебной экспертологией закономерностям, всегда динамичен. Полагаем, что это справедливо применительно ко всем направлениям исследований, которые были рассмотрены нами в настоящей работе как наиболее вероятные потенциальные новые роды или виды судебных экспертиз.

---

[154] Черных Н. А., Усов А. И., Омельянюк Г. Г. Указ. соч. С. 126.

[155] См. Приказ Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, мы считаем, судебно-экспертное прогнозирование, построенное на экстраполяции знаний, моделировании и методе экспертных оценок, а также учитывающее сложившийся прогнозный фон, должно обязательно предшествовать планированию и последующей правовой регламентации формирования и развития новых родов и видов экспертиз. Указанное позволит повысить качество нормативного материала в области судебно-экспертной деятельности, который на данном этапе, как видно, оставляет значительное пространство для совершенствования.

ГЛАВА 2. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

§ 2.1. Тенденции развития родов (видов) судебных экспертиз в свете влияния цифровых технологий на их методы и методики

Процесс познания объективной действительности, особой разновидностью которого выступает и любое судебно-экспертное исследование, тесно связан с используемым при этом инструментарием. Совершенствование методов и методик, безусловно, оказывает серьезное влияние на траектории развития судебных экспертиз вне зависимости от их родовой (видовой) принадлежности.

Общепризнанно, что появление в результате научно-технического прогресса новых методов и методик, а также совершенствование уже имеющихся позволяют как расширить возможности исследования традиционных объектов экспертиз и путей решения их типичных задач, так и повлиять на появление принципиально новых объектов, возможности работы с которыми были ранее недоступны.

Как указывает Т. Ф. Моисеева: «Благодаря интеграции научно-технических достижений и появлению принципиально новых методов и средств, стали возможны исследования традиционных объектов судебной экспертизы на более высоком информативном уровне, а также использование в качестве источников информации о событии преступления объектов, ранее непригодных для этого»[156].

Внедрение новых методов исследования как один из наиболее распространенных путей формирования новых родов и видов судебных экспертиз выделяется и Н. С. Неретиной, автором, в частности, справедливо отмечено, что технический прогресс «способствует увеличению разрешающей способности

[156] Моисеева Т. Ф. Новые методы и средства в формировании новых видов судебно-экспертных исследований // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 3. С. 69.

инструментальных средств, появлению новейших приборов, способных проводить все более тонкие и трудоемкие исследования»[157].

На наш взгляд, современные тенденции развития новых научно-технических достижений и их внедрение в экспертную практику обнаруживают значительный потенциал для дальнейшего развития уже сложившихся родов (видов) экспертиз, а также поднимают значимые дискуссионные вопросы. Многие из них уже были обозначены нами ранее в рамках прогнозного фона.

Начнем с использования 3D-технологий. Данное направление активно разрабатывается учеными и практиками как в России, так и за рубежом. В самом общем смысле речь идет о применении 3D-моделирования и (или) печати для нужд судебной экспертизы, хотя, очевидно, что экспертизой не ограничиваются иные возможности использования таких технологий при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

Формированию и развитию 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности посвящена кандидатская диссертация А. В. Поляковой, в которой дано развернутое определение 3D-модели в судебной экспертизе, под которой автором предложено понимать: «…цифровой объект, создаваемый в трех измерениях с помощью специализированного программного обеспечения, который в процессе исследования воспроизводит объект-оригинал, обладая его существенными свойствами, позволяет получить информацию о нем в целях установления фактов (вынесения суждений о факте), имеющих значение для раскрытия и расследования преступления, рассмотрения дела в суде»[158].

При этом, что следует отнести к достоинствам технологии, для получения подобных моделей не обязательно требуется значительное по стоимости и технической сложности оборудование. Как справедливо замечено А. В. Поляковой, 3D-модели: «…могут быть получены не только с помощью 3D-сканеров, но и из

---

[157] Неретина Н. С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз : дис. …канд. юрид. наук. М., 2016. С. 67.

[158] Полякова А. В. Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты : дис. …канд. юрид. наук : : спец. 5.1.4. Уфа, 2023. С. 64.

фотоизображений/кадров видеозаписи, в пакетах автоматизированного проектирования, в 3D-редакторах, как с помощью компьютерной техники, так и на смартфоне, с помощью БПЛА (беспилотные летательные аппараты — расшифровано нами — А. Ч.)»[159].

Одним из достоинств рассматриваемых технологий, широко отмечаемым как в отечественной, так и в иностранной литературе, выступает и тот факт, что трехмерные копии позволяют эффективно и наглядно представлять в качестве доказательства такие объекты, которые сами по себе физически не могли бы быть представлены в суде. Например, ученые из Великобритании указывают на то, что сами человеческие останки не разрешается демонстрировать в залах судебных заседаний Великобритании из соображений этики и безопасности, в то время как полученные трехмерные копии не имеют таких ограничений[160].

Зарубежные подходы к использованию 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности в целом обнаруживают пересечения в части тех классов и родов экспертиз, где это видится наиболее практически осуществимым и актуальным. Среди них можно отметить[161]: судебно-медицинские экспертизы, портретные экспертизы и их комплексы (forensic medicine, forensic anthropology, forensic odontology, forensic facial reconstruction etc.), разновидности трасологических экспертиз (bite mark, pattern analysis, trace evidence etc.), баллистические экспертизы (ballistic reconstruction), разновидности инженерно-технических экспертиз, в частности автотехническая, и в целом исследования, связанные с восстановлением картины места происшествия (forensic engineering, crime and accident scene reconstruction etc.)[162].

---

[159] Там же.

[160] См.: Carew R. M., Errickson D. An Overview of 3D Printing in Forensic Science: The Tangible Third-Dimension. Journal of Forensic Sciences. Volume 65, Issue 5. Sep. 2020. P 1754.

[161] В целях дальнейшего смыслового объединения автором приводятся традиционные для российской практики наименования разновидностей исследований, а в круглых скобках — их иностранные аналоги, описанные в приводимой литературе.

[162] См.: Carew R. M., Errickson D. An Overview of 3D Printing in Forensic Science: The Tangible Third-Dimension. Journal of Forensic Sciences ; Gargi Jania, Abraham Johnsona, Jeidson Marquesb, Ademir Francoc. Three-dimensional(3D) printing in forensic science–An emerging technology in India // Annals of 3D Printed Medicine. Volume 1, March 2021. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666964121000011 (дата обращения:

Представляется, что именно в этих разновидностях экспертиз потенциал таких технологий наиболее высок. Особо обращают внимание описания использования 3D-технологий в практике производства автотехнических экспертиз, в частности исследований обстоятельств дорожно-транспортного происшествия[163].

На возможности трехмерного сканирования с помощью 3D-сканеров при проведении трасологических исследований обращается внимание в диссертационной работе П. В. Севастьянова, посвященной цифровым технологиям фиксации невербальной доказательственной информации. Автором описаны проведенные на базе ЭКЦ МВД России эксперименты по построению 3D-моделей для следов обуви и орудий взлома и отмечено, что по итогу: «…применение 3D-сканирующих устройств может существенно оптимизировать процесс изъятия объемных следов, улучшить качество фиксации криминалистически значимой следовой информации, облегчить процессы ее хранения, передачи и последующего исследования, что в свою очередь позволит повысить результативность судебных экспертиз»[164]. Отметим, что в экспертных учреждениях МВД России уже достаточно активно эксплуатируются различные устройства сканирования, многие из которых (и это положительный фактор для прогноза дальнейшего внедрения в практику) — отечественные разработки (в частности, 3D-сканеры «Calibry Mini», «VT Laser» и др.).

29.05.2024) ; Carew R. M., et al., 3D forensic science: a new field integrating 3D imaging and 3D printing in crime reconstruction // Forensic Sci. Int. Synergy. Voiume 3, 2021. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589871X21000759?via%3Dihub (дата обращения: 29.05.2024).

[163] См. например: Лепешкин Д. А., Шахтарин Е. А. Использование мобильных средств сканирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2024. С. 213—219 ; Толстолуцкий В. Ю., Маличенко В. В. 3D-моделирование как способ невербального представления результатов транспортно-технологических экспертиз// Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22—23 мая 2024 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2024. С. 367—372.

[164] Севастьянов П. В. Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации : дис. …канд. юрид. наук : : спец. 5.1.4. Москва, 2024. С. 120.

На нынешнем этапе эти технологии в большей степени описываются в литературе как новое средство фиксации, сбора и получения экспериментальных следов, но развитие этого криминалистического по своей сути направления в дальнейшем поставит вопрос об исследовании полученных с их помощью объектов в рамках судебных экспертиз. На наш взгляд, внедрение 3D-технологий в судебно-экспертную деятельность — уже сложившийся тренд, качественному развитию которого не хватает дальнейшего обобщения практики, унификации применяемого при выполнении отдельных разновидностей исследований оборудования с описанием условий и особенностей его применения, накопления данных о точности отображения признаков, получаемых при построении моделей. На данный момент можно обнаружить в литературе описание методов построения моделей с использованием отдельных приборов и программных средств, что отражает эвристический поиск, но пока не позволяет говорить о единстве методических подходов. На наш взгляд, это вопрос времени. Отметим и то, что в наибольшей степени дальнейшее развитие, на наш взгляд, будет затрагивать инженерно-технические, трасологические экспертизы и их комплексы.

Следующим направлением, которое также обнаруживает значительный потенциал в части расширения возможностей некоторых разновидностей судебных экспертиз, является использование беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА). Речь идет о разновидностях аппаратов, выполняющих полеты без пилота на борту. С точки зрения влияния на методологию судебных экспертиз, на наш взгляд, в наибольшей степени они влияют на: совершенствование способов фиксации объектов и обстановки, получение возможностей проводить съемку физически недоступных, сильно протяженных и. т. п. мест, определять координатные данные. Более того, результаты аэросъемки в дальнейшем могут использоваться для целей компьютерного моделирования, что в целом сближает это с уже рассмотренными выше 3D-технологиями, позволяет говорить о том, что совместное использование этих технологий может стать основой полноценных методик исследования отдельных разновидностей объектов в отдельных родах (видах) судебных экспертиз. Подтверждается это и тем, что, как и в случае с 3D-

технологиями, использование БПЛА наиболее разработано применительно к практике производства трасологических, автотехнических экспертиз.

Указанное в целом соответствует тенденции, отмеченной Н. П. Майлис, которая с учетом необходимости использования инновационных технологий в трасологии на основе анализа методических подходов последних лет выделила самостоятельный раздел этого рода судебной экспертизы — цифровую трасологию[165]. Обращая внимание на уже формирующиеся новые методические подходы к исследованиям, она указывает на то, что: «…в рамках цифровой трасологии, по-видимому, следует разрабатывать методы на уровне компьютерного моделирования»[166].

В русле этой же концепции к возможностям использования БПЛА и программного обеспечения для 3D моделирования (Agisoft Metashape) в реконструкции механизма ДТП обращается А. И. Недобитков, указывая: «…транспортно-трасологическое исследование на базе цифровой модели участка ДТП и транспортных средств может обладать большей полнотой, обоснованностью, проверяемостью, категоричностью и наглядностью выводов по сравнению с традиционными методами. Также необходимо отметить, что цифровая модель может неограниченно долго храниться, что делает возможным успешное проведение дополнительных и повторных экспертиз»[167].

Как отмечается Д. А. Лепешкиным и Е. А. Шахтариным, БПЛА вместе с поставляемым с ними ПО: «…представляют собой систему, позволяющую воспроизведение с высоким полевым разрешением места происшествия на метрическом изображении охватывающий область, записанную камерой. Система предназначена для документации мест события различного характера: дорожные, криминальный, пожарный. Она будет работать как основной источник данных, элемент дополнения документации, измерение и метод видения перед началом

---

[165] Майлис Н. П. Роль инновационных технологий в развитии цифровой трасологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 19.

[166] Там же.

[167] Недобитков А. И. Цифровая транспортная трасология на основе agisoft metashape и беспилотного летательного аппарата // Вестник СибАДИ. 2022. Т. 19, № 6 (88). С. 897.

осмотра. Отлично послужит в случае действий, проводимых в труднодоступной территории. Позволяет получить ортофотографическую карту, трехмерное облако точек, видеокадры с воздуха, панораму 360° и отдельные фотографии, выполненные под разными углами на месте, подлежащем осмотру»[168].

Таким образом, актуальность рассматриваемых технологий в дальнейшем развитии трасологических и автотехнических экспертиз представляется высокой. В случае с БПЛА остаются открытыми вопросы унификации и дальнейшего методического развития, как уже было отмечено нами применительно к 3D-технологиям. Следует учитывать и обозначенный нами в рамках прогнозного фона политический контекст — с одной стороны, распоряжением Правительства РФ от 21 июня 2023 г. № 1630-р была утверждена «Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года», с другой, необходимо учитывать, что этот же контекст обуславливает временные ограничения на работу БПЛА в ряде российских регионов.

Перспективны, на наш взгляд, и дальнейшие исследования возможностей интегрирования БПЛА в методические подходы в рамках иных экспертиз. Например, в отечественной[169] и зарубежной литературе[170] довольно подробно описаны возможности использования беспилотных летательных аппаратов для целей экологического мониторинга, что, с учетом специфики объектов и задач, может быть крайне актуально для развития класса экологических экспертиз.

Следующее направление развития цифровых технологий, перспективы которого, представляется, должны учитываться при прогнозировании развития судебных экспертиз — биометрические технологии.

---

[168] Лепешкин Д. А., Шахтарин Е. А. Использование мобильных средств сканирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия. С. 213—214.

[169] См.: Мусина Г.А., Ожигин Д. С., Ожигина С. Б. Экологический мониторинг на основе снимков, полученных с помощью беспилотных летательных аппаратов // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2019. № 2. С. 196—204.

[170] См.: S. Sudhakar a, V. Vijayakumar b, C. Sathiya Kumar c, V. Priya d, Logesh Ravi e, V. Subramaniyaswamy f. Unmanned Aerial Vehicle (UAV) based Forest Fire Detection and monitoring for reducing false alarms in forest-fires // Computer Communications. Volume 149, January 2020. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589871X21000759?via%3Dihub (дата обращения: 31.05.2024).

В самом общем виде биометрические данные представляют собой специфическую разновидность персональных данных. Как указано в стандарте, разработанном в рамках ТК 098 «Биометрия и биомониторинг» и принятом Евразийским советом по стандартизации, метрологии и сертификации 22 ноября 2016 г.: «Биометрическая характеристика — биологические и поведенческие характеристики индивида, которые могут быть зарегистрированы и использованы в качестве отличительных, повторяющихся биометрических признаков для автоматического распознавания индивидов»[171].

В свою очередь, как обозначено в совместной работе И. М. Рассолова, С. Г. Чубуковой, И. В. Микуровой под методами биометрии следует понимать компьютерные методы, которые позволяют автоматически распознавать человека на основе его физических, биологических или поведенческих характеристик[172].

На данный момент диапазон используемых для идентификации индивида характеристик довольно широк, хотя и не все они используются в одинаковом объеме. В литературе отмечается: «Основными методами, использующими статические биометрические характеристики человека, являются идентификация по папиллярному рисунку на пальцах, по радужной оболочке, геометрии лица, сетчатке глаза, рисунку вен руки, геометрии рук. Также существует семейство методов, использующих динамические характеристики: идентификация по голосу, динамике рукописного подчерка, сердечному ритму, походке»[173].

Среди наиболее распространенных в повседневной практике биометрических данных следует отметить папиллярные узоры пальцев рук, геометрию лица, а также голос человека. Вход в банковские и иные мобильные приложения, оплата проезда в метрополитене, оплата покупок, управление техникой и многие другие повседневные действия подразумевают использование таких биометрических характеристик, собираемых как государственными

---

[171] См.: ГОСТ ISO/IEC 2382-37-2016 «Информационные технологии. Словарь. Часть 37. Биометрия».

[172] Рассолов И. М., Чубукова С. Г., Микурова И. В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex Russica. 2019. № 1 (146). С. 109.

[173] Сабанов А. Г., Смолина С. Г. Сравнительный анализ методов биометрической идентификации личности // Труды ИСА РАН. 2016. Том 66. № 3. С. 15.

структурами, так и частными организациями. Крупнейшим агрегатором таких данных следует считать, Единую биометрическую систему (ЕБС), созданную Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в 2009 г., которая собирает и хранит биометрические данные, поступающие из банков, государственных учреждений, страховых компаний и других организаций. Для регистрации биометрии (упрощенной, стандартной или подтвержденной) в Единой биометрической системе через портал Государственных услуг (Госуслуги), в частности используются изображения лица и записи голоса[174].

В 2022 г. упомянутая ЕБС стала не просто одной из ряда систем обработки и хранения биометрической информации, но базой единственного оператора государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» (единая биометрическая система). На данный момент централизация организации работы с биометрическими данными выражается в передаче всех связанных с их сбором, обработкой и хранением функций АО «Центр Биометрических Технологий» (п. 8 Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», постановление Правительства РФ от 21 июня 2024 г. № 834 «Об определении организации, осуществляющей функции оператора единой биометрической системы»). В соответствии с новым Федеральным законом № 572-ФЗ коммерческие и государственные организации должны передать накопленные ими данные в государственную информационную единую биометрическую систему, а дальнейшую аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц смогут продолжить лишь

[174] Портал Государственные услуги (Госуслуги). URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/biometrics/102389 (дата обращения: 05.06.2024).

те организации, что пройдут сложную систему аккредитации (ст. 17). При этом видами биометрических персональных данных, на которые распространяется действие указанного регулирования, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 1 апреля 2024 г. № 408[175] выступают: изображение лица человека, полученное с помощью фото- видеоустройств, и запись голоса человека, полученная с помощью звукозаписывающих устройств.

Таким образом, на наш взгляд, реалии прогностического фона в части государственного подхода к ужесточению и централизации процессов сбора, хранения и обработки биометрических данных в очередной раз свидетельствуют о том, что эта сфера обладает особой криминогенностью, является одним из самых чувствительных и значимых направлений всеобщей цифровизации общества. Именно биометрические данные, в частности упомянутые изображения лиц и записи голоса человека, находятся в тесной связи с новыми вызовами, которые для правоохранительной и экспертной практики готовят системы ИИ, главным образом их генеративные разновидности. Биометрические данные становятся своеобразным «топливом» для наиболее совершенных, непредсказуемых и опасных с точки зрения влияния на рост преступности средств обмана, шантажа и т. п. как дипфейки, о чем еще будет отмечено далее. Этим дополнительно подчеркивается необходимость активной разработки связанных с биометрией проблем в рамках судебно-экспертной деятельности.

Фактически, многие составляющие биометрических технологий пересекаются с криминалистической идентификацией человека. И то, что сейчас условно можно было бы обозначить как аналоговая биометрия, начало свое развитие именно усилиями криминалистов, криминологов, а также судебных медиков и других ученых. Огромный вклад в изучение и описание

---

[175] Постановление Правительства РФ от 1 апреля 2024 г. № 408 «О видах биометрических персональных данных, на которые распространяется действие Федерального закона "Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.02.2025).

индивидуализирующих человека антропометрических признаков задолго до современной цифровизованной биометрии, например, внесли А. Бертильон, Ф. Гальтон, Э. Генри. По сути, первой по пути использования биометрии для идентификации человека пошла именно правоохранительная практика — теоретические обоснования дактилоскопической, портретной и иных видов идентификации сформировались раньше, чем начали развиваться полноценные биометрические технологии сбора и обработки информации, хотя на данном этапе, очевидно, биометрия и судебно-экспертная практика развиваются параллельно друг другу и достаточно автономно[176].

Так, Ш. Н. Хазиев, оперируя криминалистической категорией «идентификационное поле» приводит следующий пример: «Большая часть идентификационных полей получила дальнейшее развитие в биометрических технологиях. При этом идентификационные поля не во всем совпадают с биометрическими идентификационными (аутентификационными) полями, что объясняется спецификой инструментария этих сфер. Например, венозный рисунок тыльной стороны кисти руки человека с высокой степенью индивидуальности в криминалистике используется достаточно редко: при проведении портретных экспертиз, при идентификации человека по фотоснимкам, на которых отобразились только руки с видимыми венами. А в биометрии венозный рисунок является самостоятельным и распространенным средством биометрической аутентификации, причем используются не только видимые, но и более глубокие вены кровяного русла кистей рук»[177]. Им же справедливо, на наш взгляд, отмечено, что техническое зрение и математическое моделирование признаков человека в биометрических технологиях представляют практический и теоретический интерес и обуславливают преимущество в сравнении с традиционными криминалистическими методами, в частности и потому, что биометрия, в отличие

---

[176] Чистилина А. С. Прогностический аспект влияния цифровых технологий на возможности отдельных родов (видов) судебных экспертиз // Судебная экспертиза. 2024. № 3 (79). С. 158.

[177] Хазиев Ш. Н. Криминалистические и судебно-экспертные основы современных биометрических технологий // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 18—19.

от криминалистики, постоянно расширяет спектр областей применения, а также используемых в этой системе свойств человека, в то время как: «…криминалистические и судебно-экспертные методы идентификации человека и диагностики его свойств и состояний задействуют лишь в случаях ошибочных срабатываний биометрических систем аутентификации или идентификации»[178].

Мы в свою очередь отметим, что значимость биометрических технологий для дальнейшего развития судебных экспертиз, в частности таких как портретная, дактилоскопическая, фоноскопическая, как раз и лежит в плоскости того, что массив накапливаемых для нужд биометрической аутентификации и (или) идентификации данных несравнимо больше накопленной практики и даже баз данных любого экспертного учреждения, а применяемые технологии сканирования, записи и хранения такой цифровой информации развиваются значительно быстрее и эффективнее. И взаимодействие между этими сферами может стать сперва предметом научных дискуссий и поиска, а в перспективе и базой для модернизации имеющихся методических подходов, совершенствования экспертной практики в случае назначения судебных экспертиз по результатам ошибочных идентификаций и аутентификаций, которые неизбежны для автоматизированных систем.

Например, одним из наиболее надежных, устойчивых и хорошо поддающихся фиксации объектов биометрического распознавания считается радужная оболочка глаза[179], однако она пока не получила должного распространения в портретной экспертизе именно в силу того, что не является стандартным объектом регистрации. На это обратил внимание профессор А. М. Зинин в работе, посвященной идентификации человека по признакам внешности и методам биометрии, где отметил, что «…реальное использование этих отображений для идентификации возможно тогда, когда создаются

---

[178] Хазиев Ш. Н. Указ. соч. С. 19.

[179] См. результаты исследования в работе: Сабанов А. Г., Смолина С. Г. Сравнительный анализ методов биометрической идентификации личности.

соответствующие банки данных, в которых единообразно накапливаются эти изображения»[180].

Представляется, что развитие биометрических технологий представляет особый интерес для судебно-экспертной деятельности, главным образом для тех родов (видов) экспертиз, задачами которых выступает та или иная разновидность идентификации человека по присущим ему признакам. Для развития самих биометрических технологий тесное взаимодействие необходимо в свою очередь для того, чтобы повысить уровень научной обоснованности, сформировать общие подходы к дальнейшему исследованию полученных биометрических данных в случаях востребованности этого правоохранительной практикой.

Не можем не согласиться с Ш. Н. Хазиевым в том, что: «Практические результаты и научные обобщения применения биометрических технологий подтверждают основополагающие принципы криминалистической и судебно-экспертной идентификации и, в свою очередь, повышают научную обоснованность судебных экспертиз, проводимых с целью идентификации человека»[181].

Таким образом, можно сделать прогноз о дальнейшем расширении возможностей идентификационных исследований с учетом развития биометрических технологий. На наш взгляд, лидирующую роль в этом процессе должны играть ведущие государственные экспертные учреждения (РФЦСЭ при Минюсте России, ЭКЦ МВД России, Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление ФТС России и т. д.), поскольку именно на этом уровне видится наиболее вероятным решение возникающих при использовании таких технологий проблем: первая, и самая важная, — режим доступа к биометрическим данным для проведения научно-методических исследований и правовые основы такого доступа и использования, второе — взаимодействие с агрегаторами таких данных, третье — обособление и обеспечение исследовательских коллективов по

[180] Зинин А. М. Идентификация человека по признакам внешности и методы биометрии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 2 (90). С. 63.

[181] Хазиев Ш. Н. Указ. соч. С. 20.

данному вопросу, а также иные сложности, очевидно, неразрешимые на уровне негосударственных организаций и отдельно практикующих сведущих лиц.

Наконец, рассуждая о влиянии цифровых технологий на методологию и методики судебных экспертиз, невозможно обойти вниманием широко обсуждаемое в научном сообществе внедрение в экспертную практику технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Действительно, процесс цифровизации не ограничивается влиянием на объекты и задачи тех или иных разновидностей экспертиз, но все больше вызывает вопросы о возможностях использования ИИ в качестве инструмента экспертного исследования. В этом проявляется специфический дуализм ИИ в контексте судебной экспертизы — его необходимо рассматривать и как инструмент, и как потенциальный источник цифровых следов.

Прежде чем оценивать эту тенденцию, считаем необходимым сделать дополнительное теоретическое уточнение. Рассматривая здесь ИИ сквозь призму методов и методологии судебных экспертиз следует обратить внимание на необходимость более подробного раскрытия и соотношения терминов: искусственный интеллект, машинное обучение и искусственные нейронные сети. Зачастую они употребляются как синонимы, что влечет за собой некоторое размывание представления об этих явлениях.

Искусственный интеллект — наиболее широкое и абстрактное понятие, объединяющее разнообразные технологические решения, позволяющие (или стремящиеся) имитировать когнитивные функции человека. В упомянутой ранее Стратегии развития ИИ в РФ дополнительно указано, что ИИ как комплекс технологических решений включает в себя «информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (см. п. 5 Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490).

Машинное обучение (от англ. Machine learning, ML) является одним из направлений (подмножеств) искусственного интеллекта, в котором используются

подходы (методы), позволяющие создавать алгоритмы, которые автоматически улучшаются, совершенствуются с помощью опыта (так называемое «обучение»).

В свою очередь, под искусственными нейронными сетями (от англ. Deep learning, DL) принято понимать подмножество машинного обучения, функционирующее по принципу устройства биологических нейронных сетей. Структура искусственных нейронных сетей состоит из нескольких входных, выходных и скрытых слоев, каждый из которых содержит единицы, преобразующие входные данные в сведения, используемые другими слоями. С помощью множества связанных между собой процессоров и вычислительных путей происходит обработка сложных данных[182].

Внимание к этому направлению в научном и профессиональном сообществе высоко — обсуждаются не только возможности отдельных технологий ИИ в целом, но и наблюдаются попытки создания и апробации отдельных технологических решений для использования в судебно-экспертной деятельности.

По результатам проведенного нами опроса представителей экспертного сообщества и (или) юристов, 81,3 % опрошенных согласны с тем, что цифровизация является процессом, который существенно влияет на формирование и развитие новых родов (видов) судебных экспертиз. В свою очередь 72,9 % опрошенных считают актуальным использование технологий машинного обучения и искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности (см. Приложение 2).

На наш взгляд, на данном этапе наиболее развитым и актуальным с позиций использования в судебной экспертизе, выступает использование именно нейронных сетей, что в целом подтверждается и анализом научной литературы.

Как отмечается Д. В. Бахтеевым: «С ростом вычислительных возможностей, распространение получили системы искусственного интеллекта, способные обрабатывать значительные массивы данных, используя подходы, аналогичные

---

[182] Чистилина А. С. К вопросу о перспективах внедрения технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы IX Международной научно-практической конференции. Москва : Проспект, 2023. С. 394—395.

мыслительным операциям, производимым человеком. Для обработки такого рода данных и облегчения деятельности сотрудников правоохранительных органов программные комплексы должны обладать не только алгоритмической, но и эвристической, гибкой природой. Таким требованиям соответствуют программные комплексы систем искусственного интеллекта, разработанные на основе искусственных нейронных сетей»[183].

На тот факт, что наиболее эффективным способом организации искусственного интеллекта в правоохранительной сфере являются искусственные нейронные сети обращается внимание в совместной работе А. Ф. Купина и А. С. Коваленко, посвященной возможностям применения систем искусственного интеллекта при криминалистическом исследовании документов и их реквизитов. Авторами также отмечено, что: «Для судебной экспертизы, в частности при исследовании документов, наибольший интерес представляют сверточные нейронные сети, так как именно этот класс архитектур используется при решении задач, связанных с обработкой изображений»[184].

Преимущества нейронной сети в криминалистическом изучении преступлений описаны и А. А. Бессоновым: «…во-первых, она позволяет обнаруживать нелинейные отношения между зависимыми и независимыми переменными; во-вторых, имеется возможность эффективно обучать большие наборы данных; в третьих, это непараметрическая модель, позволяющая исключить ошибки в оценке параметров; в четвертых, их можно сделать нечувствительными к шуму на входе»[185]. Им же в монографическом исследовании описаны примеры обучения таких сетей для криминалистического анализа и классификации преступлений.

---

[183] Бахтеев Д. В. Большие данные и искусственный интеллект в следственной и экспертной деятельности // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 105.

[184] Купин А. Ф., Коваленко А. С. К вопросу о возможностях применения систем искусственного интеллекта при криминалистическом исследовании документов и их реквизитов // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 4. С. 31.

[185] Бессонов А. А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений : монография. Москва : Проспект, 2021. С. 725.

Действительно, технологические особенности построения и функционирования нейросетей во многом соответствуют потребностям сложной, зачастую творческой по своей природе судебно-экспертной деятельности. В частности, наличие в структуре элементарных вычислительных единиц («нейронов»), которые обрабатывают входную информацию на различных уровнях («слоях»), взаимодействуют друг с другом и позволяют решать задачи, требующие анализа большого массива признаков; способность к адаптации и самообучению по мере накопления данных и решения различных задач и т. д.

Не случайно именно нейросетевые технологии наиболее активно начинают апробироваться на практике для решения задач правоохранительной деятельности.

Так, например, нейросетевые технологии активно применяются в системах распознавания лиц (метрополитен, система камер городского видеонаблюдения в г. Москве и т. д.). По сообщениям средств массовой информации, МВД России в 2024 г. собирается проводить научно-исследовательскую работу (далее — НИР) по созданию нейросетевых моделей, а в 2025 г. разработать две системы на базе ИИ — «Клон» и «Конъюнктура». «Клон», в частности, позволит выявлять факты подделки видеоизображений в интересах правоохранительной деятельности[186]. Следует заметить, что подобного рода государственный заказ, согласно данным Единой информационной системы в сфере закупок, уже был выполнен в 2021—2023 гг. в рамках НИР «Исследование возможных способов выявления признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений, выполненного с помощью нейронных сетей» (Шифр «Зеркало (Верблюд)»)[187]. Указанное, помимо расширения возможностей криминалистической регистрации и оперативно-разыскной деятельности, безусловно, положительно влияет и на дальнейшие

[186] «МВД привлечет нейросети к поиску правонарушителей». Сетевое издание Ведомости (Vedomosti). URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/11/1014513-mvd-privlechet-neiroseti-k-poisku-pravonarushitelei (дата обращения: 07.06.2024).

[187] Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. Реестровый номер контракта: 17708025358 21 000006. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/contract/contractCard/common-info.html?reestrNumber=1770802535821000006 (дата обращения: 08.06.2024).

возможности методологического развития портретной, фото- и видеотехнической судебных экспертиз.

С использованием нейросетевых технологий организован, в частности, один из модулей (модуль SIS) аппаратно-программного комплекса криминалистического исследования фонограмм речи «ИКАР Лаб 3», разработанного Центром речевых технологий (Группа ЦРТ) для анализа фонограмм на предмет выявления следов применения спуфинг-атак (повторное воспроизведение, синтез речи, преобразование голоса)[188]. Указанное оборудование значительно расширяет возможности проведения фоноскопических исследований, что весьма актуально с учетом того, что именно этот род экспертиз одним из первых принял на себя «удар» в части появления новых объектов — цифровых следов, продуктов работы нейросетей.

Применительно к судебно-почерковедческой экспертизе и технической экспертизе документов интересным представляется описанный Д. В. Бахтеевым в диссертации на соискание степени доктора наук эксперимент по выявлению признаков подлога подписи методами технологии искусственного интеллекта. Исследование проводилось на базе кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, где была создана система на основе сверточной искусственной нейронной сети для обучения различению подлинной подписи от поддельной на основе сравнения достоверно подлинной подписи со спорной подписью[189]. Актуальность этого направления использования ИИ для дальнейшего развития методологии исследований документов представляется актуальной, что довольно давно было отмечено и в зарубежной литературе[190].

---

[188] Официальный сайт Центра речевых технологий. URL: https://www.speechpro.ru/product/ekspertnye-sistemy-i-shumoochistka/ikar-lab/specification (дата обращения: 07.06.2024).

[189] Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : дис …доктора юрид. наук : : спец. 5.1.4. Екатеринбург. 2022. С. 379—394.

[190] См., например: Srihari, S. N., Srinivasan, H., Chen, S., Beal, M. J. Machine Learning for Signature Verification. In: Marinai, S., Fujisawa, H. (eds) Machine Learning in Document Analysis and

Несколько иная позиция по вопросу использования нейросетей была высказана учеными из Республики Беларусь. Так, в совместной работе Н. Л. Бобровой и С. В. Чащина указано: «…представляется, что не все методы машинного обучения могут применяться в судебной экспертизе. Согласно популярной классификации, выделяют методы “черного ящика” и методы “белого ящика”. Методы “черного ящика” — группа методов, внутренние механизмы функционирования которых наблюдателю неизвестны либо интерпретировать которые он не в состоянии. К методам “черного ящика” в машинном обучении традиционно относят: нейронные сети, леса решений, методы группы машин опорных векторов и ряд других»[191]. В работе авторами сделан вывод о том, что в практику судебно-экспертной деятельности как при разработке новых технических и (или) программных средств и методик для целей судебной экспертизы, так и для проверки пригодности уже имеющихся, целесообразно внедрять методы машинного обучения именно из числа методов «белого ящика», к которым относят: метод k-ближайших, группу методов с применением деревьев решений, байесовские классификаторы, классификаторы, основанные на определении максимальной энтропии (с применением логистической регрессии) и т. д.

С точки зрения процессуальной природы судебной экспертизы, ее строго практической направленности, а также прямо закрепленного в ст. 11 ФЗ о ГСЭД положения о том, что судебная экспертиза должна организовываться и производиться «на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике», указанное замечание представляется нам справедливым. Машинное обучение, в частности нейросети, в любом случае оставляют пространство для непрозрачных и неверифицируемых выходных решений.

Однако, мы считаем, что описанное нами ранее позволяет не согласиться с тем, что метод нейронных сетей непригоден для дальнейшего методического

Recognition // Studies in Computational Intelligence, vol 90. Springer, Berlin, Heidelberg. 2008. PP. 387–408. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-540-76280-5_15 (дата обращения: 07.06.2024).

[191] Боброва Н. Л., Чащин С. В. Применение методов машинного обучения в судебно-экспертной деятельности для целей классификации и идентификации: обзор подходов и их адаптация // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2018. № 1 (43). С. 194.

развития судебных экспертиз — многие роды (виды) экспертиз, как видно, уже сталкиваются с продуктами работы нейросетей как новыми объектами и идут по пути использования этих же технологий для расширения своего инструментария для исследований. Значительная теоретическая разработанность и повышенное внимание к проблеме использования ИИ со стороны экспертного и юридического сообщества, подкрепляемая имеющимися примерами практической реализации, дают основания прогнозировать, что использование технологий машинного обучения и искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности будет расширяться.

Подводя итог, отметим, что все рассмотренные в рамках настоящего параграфа перспективные технологии, на наш взгляд, будут влиять на методы и методики судебных экспертиз, отдельные роды и виды которых мы обозначили.

Отдельное наблюдение прогностического характера, выводимое по результатам рассмотренного, на наш взгляд, заключается и в том, что процесс цифровизации и развиваемые под его влиянием технологии расширяют диапазон методов исследований в сторону методов, которые применяются или в принципе могут применяться во всех родах и видах судебных экспертиз. Таким образом, в терминологии, предложенной основоположником современной классификации методов экспертного исследования Е. Р. Россинской, речь может идти о дальнейшем расширении общеэкспертных[192] (универсальных, общих для судебно-экспертной практики) методов.

Среди них, полагаем, наибольшее количество вопросов правового, этического, технического и даже философского толка вызывает именно искусственный интеллект. На наш взгляд, переход от прогнозирования интеграции систем машинного обучения в экспертную практику к планированию в целом невозможен без глубокой оценки такого прогноза и определения проблем, рисков и возможных путей его реализации на практике. В связи с чем перспективы

---

[192] См.: Россинская Е. Р. Концептуальные основы теории неразрушающих методов исследования вещественных доказательств : дис. ... доктора юрид. наук в форме научного доклада. М. :ВЮЗШ МВД РФ, 1993.

использования технологий машинного обучения и искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности, представляется, требуют дополнительного исследования в отдельном параграфе работы.

§ 2.2. Перспективы интеграции систем машинного обучения в экспертную практику

Машинное обучение (далее — МО) как одно из направлений (подмножеств) искусственного интеллекта не случайно вызывает наибольший интерес в контексте внедрения инновационных технологий в решение различных практических задач. Как было намечено нами ранее в теоретической главе, машинное обучение в целом и нейронные сети в частности имитируют процесс обучения человека за счет накопления, хранения и обработки больших массивов данных, используемых для решения задач по заданным алгоритмам; иными словами, поставленная перед компьютерной системой задача выполняется не напрямую, а выводится из «опыта», накопленного машиной за счет многократного повторения и решения сходных задач. Выше было показано, что учеными отмечаются значительные возможности такого рода технологий в судебно-экспертной и криминалистической деятельности, осуществляются первые попытки создания экспериментальных алгоритмов, нейросетевые технологии уже находят достаточно широкую практическую реализацию. Этим обусловлен их значительный прогностический потенциал и особый интерес именно к такого рода технологиям. На современном этапе развития судебной экспертизы перспективы интеграции систем машинного обучения в экспертную практику представляются логичным продолжением предшествующих процессов автоматизации и компьютеризации деятельности сведущих лиц, закономерным следствием цифровизации.

Вместе с тем теоретически и, отчасти, практически возможное внедрение ИИ в экспертную практику оставляет значительное пространство для дискуссий. С одной стороны, обозначенные нами ранее прогнозы обнаруживают однозначную тенденцию к активному проникновению технологий ИИ как в судебную

экспертизу, так и в смежные с ней области. Солидное научное обоснование связанных с этим вопросов технического характера на примерах конкретных экспериментальных моделей дается в работах А. В. Кокина, Д. В. Бахтеева, А. А. Бессонова и других ученых. Благоприятен и прогнозный фон — программные документы государственного планирования на данном этапе демонстрируют значительный технооптимизм. С другой стороны, сама природа судебной экспертизы как практического исследования с четко очерченными процессуальными характеристиками, а также специфика отдельных родов (видов) экспертиз, которые весьма неоднородны, не позволяют говорить о том, что машинное обучение — универсально применимый инструмент.

Полагаем, что интерес к системам искусственного интеллекта главным образом отражает потребность правоохранительной практики в работе с огромными массивами информации, приспособлении к новым технологиям, используемым в преступных целях. Нейросети в судебной экспертизе, как было замечено нами ранее, выступают и перспективным инструментом для исследования, и источником потенциальных новых объектов — цифровых следов. Это, на наш взгляд, дает основание прогнозировать дальнейшее развитие систем, которые будут использовать нейросетевые технологии для обнаружения, выявления признаков продуктов деятельности этих же технологий.

Наиболее ярко это может быть проиллюстрировано на примере упомянутого ранее рода судебных фоноскопических экспертиз. Как указывают Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева: «Оценка современных возможностей синтеза звучащей речи и степени методической обеспеченности судебно-экспертных технологий выявления синтезированной речи позволяет уже сейчас высказать некоторые опасения относительно надвигающейся волны преступности, связанной с противоправным использованием синтеза речи»[193]. Ответом на достижения ИИ в части синтеза речи становятся предпринимаемые как в России, так и за рубежом попытки разработать инструменты выявления продуктов работы нейросетей, базирующиеся на

[193] Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Перспективы судебно-экспертного исследования синтезированной звучащей речи // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 12.

нейросетевых же технологиях. Такого рода подход используется в упомянутом ранее аппаратно-программном комплексе ИКАР-Лаб в рамках детектора спуфинг-атак (алгоритм работы основан на использовании нейронной сети, обученной на базе спуфинг-атак различной природы). Использование нейросетей для обнаружения признаков синтезированной речи на китайском и английском языках подробно описано командой исследователей из Китая на примере разработки DeepSonar[194]. Отметим, что для судебно-экспертных целей проводятся эксперименты и «от обратного». Так, Н. Ф. Бодровым отмечается, что в лаборатории фоноскопического исследования синтезированной звучащей речи на кафедре судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), например, можно создать фонограмму звучащей речи на английском языке, используя биометрическую модель голоса человека, который этим языком не владеет. Подобного рода эксперименты уже успешно реализованы[195].

Следует отдельно обратить внимание, что речь в указанных разработках идет об обнаружении / выявлении отдельных признаков, а не об исследовании. Необходимо и четко осознавать тот факт, что указанные разработки предлагают исключительно возможности для дальнейшего решения экспертных задач, но не гарантии. Как, в частности, отмечается А. К. Лебедевой применительно к комплексу ИКАР-Лаб: «…в рамках нашего экспериментального исследования синтезированных фонограмм результаты диагностики спуфинга показали крайне противоречивые результаты. На экспериментальных фонограммах с клонированным голосом программа не обнаружила признаки спуфинга. Только на одной из шести синтезированных фонограмм, которая была еще и после

---

[194] См.: Wang, Run & Juefei-Xu, Felix & Huang, Yihao & Guo, Qing & Xie, Xiaofei & Ma, Lei & Liu, Yang. (2020). DeepSonar: Towards Effective and Robust Detection of AI-Synthesized Fake Voices // MM '20: Proceedings of the 28th ACM International Conference on Multimedia. P. 1207—1216.

[195] Бодров Н. Ф. Биометрические данные и их экспертное исследование в раскрытии и расследовании преступлений // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью на Евразийском пространстве», посвященной «Году правового просвещения» (г. Душанбе, 10 мая 2024 г.) / под ред. д.ю.н., доцента Р. Х. Рахимзода. Душанбе : Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. С. 91—94.

сохранения из программы перезаписана, признаки спуфинга были обнаружены. Но уже, таким образом, свидетельствовали о перезаписи, а не о синтезе речи»[196].

Таким образом, пока мы наблюдаем лишь начальный этап апробации потенциальных способностей нейронных сетей для судебно-экспертных нужд — получение утвердительного ответ на вопрос о том, способны ли алгоритмы машинного обучения приблизить компьютер к решению интересующей человека задачи, еще не равно возможности полноценно интегрировать те или иные технические решения в экспертную практику, для этого необходимы значительная организационная работа и оценка связанных с таким делегированием рисков.

Одним из наиболее очевидных аргументов противников внедрения ИИ в судебно-следственную практику, в частности в судебно-экспертную деятельность, выступает потенциальная непроверяемость проводимых машиной манипуляций с входными данными и непрозрачность получаемых выводов. Как отмечается в литературе: «В системах поддержки принятия решений исследователь несет ответственность за принятое им, а не машиной, решение. Используя информационную систему как инструмент, он должен понимать принцип работы информационной системы и порядок вычисления результата. Таким образом, при проведении экспертных исследований для формулировки промежуточных либо окончательных выводов возможно применение только методов “белого ящика”»[197].

На наш взгляд, указанные опасения не свидетельствуют о невозможности интеграции в экспертную практику технологий машинного обучения в принципе. Во-первых, как было показано на многочисленных примерах, в сферах распознавания лиц, детектирования признаков видеомонтажа и синтеза речи; при построении экспериментальных моделей для правоохранительных нужд уже

---

[196] Лебедева А. К. Современные возможности судебно-экспертного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием клонирования звучащей речи человека // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью на Евразийском пространстве», посвященной «Году правового просвещения» (г. Душанбе, 10 мая 2024 г.) / под ред. д.ю.н., доцента Р. Х. Рахимзода. Душанбе : Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. С. 119—120.

[197] Боброва Н. Л., Чащин С. В. Применение методов машинного обучения в судебно-экспертной деятельности для целей классификации и идентификации: обзор подходов и их адаптация. С. 194.

достаточно активно используются различные конфигурации систем с использованием машинного обучения за счет того, что при грамотной организации такого обучения возможности решения конкретной задачи (например, классификации изображений) у этих систем превышают возможности человеческого восприятия, когда речь идет о большом количестве информации. Во-вторых, опасения «подмены» человека машиной, по сути, строятся на пресуппозиции — «системы искусственного интеллекта допущены к непосредственному, автономному проведению экспертного исследования и формулированию его выводов». Даже техническая реализация подобной установки в рамках хотя бы одного рода (вида) судебной экспертизы, не говоря о процессуальных препятствиях, представляется на данный момент не осуществимой на практике.

С точки зрения процессуальных норм, посвященных судебно-экспертной деятельности (в первую очередь гл. 27 УПК РФ), ФЗ о ГСЭД, как и всего массива нормативных правовых актов, регламентирующих выполнение (производство) судебных экспертиз, очевидно, что ИИ на данном этапе не способен играть ключевую роль в исследовании.

Во-первых, согласно ст. 57 УПК РФ, эксперт — лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном законом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Из ч. 5 и 6 ст. 57 УПК РФ следует, что эксперт, и только он, как специальный субъект, физическое лицо несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ) и разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). Таким образом, субъектность ИИ как замены эксперту в уголовном процессе в целом не оставляет пространства для интерпретаций. Во-вторых, в том, что касается технологий ИИ как одного из инструментов исследования, нынешний, фактически, экспериментальный и поисковый этап развития таких технологий в судебно-экспертных целях пока не соответствует требованию единого научно-методического подхода к экспертной практике, не может отвечать процессуальным требованиям к заключению эксперта в части четкого указания содержания и

результатов исследований с указанием примененных методик (ст. 204 УПК РФ). Таким образом, на нынешнем этапе еще только должны сформироваться более реалистичные условия и предпосылки для полноценного вовлечения технологий ИИ в судебную экспертизу — сперва научно-методические и технические. После этого может решаться вопрос — необходима ли правовая регламентация в этой области в принципе.

Как пишет по этому поводу А. И. Хмыз: «В любой сфере, включая судебную экспертизу, конечно же, имеется риск подмены решения (вывода), полученного человеком, в данном случае экспертом, решением (выводом), полученным искусственным интеллектом. На наш взгляд, это самая главная проблема, впрочем, легко решаемая — искусственный интеллект всегда должен быть вспомогательным средством на пути к получению достоверного и обоснованного решения (вывода)»[198].

Вопрос, на наш взгляд, несколько глубже. Рассуждая о том, насколько проверяем вывод, получаемый с использованием ИИ, следует концентрироваться не на том, что искусственный интеллект может подменить эксперта как сведущее лицо, далее мы покажем нереалистичность этого пути, но на том, что ИИ необходимо рассматривать как очередной инструмент по аналогии с иными методами, средствами в экспертных исследованиях. Следовательно, главными проблемами на данном этапе выступают специфика настройки, выборки и наполнения данными такого инструмента с тем, чтобы наметить возможность доверять его показаниям (выводам) в принципе.

Это, на наш взгляд, продолжение некогда существовавшей дискуссии о том, может ли эксперт применять в своей работе ЭВМ, если он не знает точно внутреннего механизма ее работы. Крупные ученые XX в., среди которых Р. М. Ланцман, А. И. Винберг, Л. Е. Ароцкер, активно обсуждали возможности получения экспертом достоверных выводов на основе результатов, полученных

---

[198] Хмыз А. И. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 226.

вычислительными машинами[199]. Тогда же, равно как и сейчас, при дискутировании возможностей ИИ, использовалось выражение «метод черного ящика». Время показало правоту тех ученых, которые связывали возможность использования судебным экспертом ЭВМ в исследованиях с пониманием механизма функционирования и уяснением того, как машиной принимается тот или иной вывод. Мы полагаем, эта же логика свойственна развитию технологий на новом витке цифрового развития общества с той разницей, что теперь речь идет об искусственном интеллекте.

Как показали результаты проведенного нами опроса представителей экспертного сообщества и (или) юристов, при большинстве утвердительных ответов (72,9 %) развернутые ответы рубрики «Другое» на вопрос: «Является ли, на Ваш взгляд, актуальным использование технологий машинного обучения и искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности?» демонстрируют в целом солидарные высказанной выше позиции респондентов. Среди них варианты:

— «*В некоторых случаях — да. В некоторых — ограничено. Это не идеальные технологии*»;

— «*В настоящее время не является, но при условии достаточного развития и апробации, использование будет актуальным*»;

— «*Судебно-экспертная деятельность и ИИ сложно совместить по ряду причин: во-первых, это тот факт, что на сегодняшний день ИИ сложно справляется даже с достаточно тривиальными задачами по формированию текстов, расчетам данных и построению моделей; во-вторых, имеется огромная зависимость от того, по какой модели и на каких данных ИНС обучается; наконец возникает вопрос ответственности за такие заключения. Как известно*

---

[199] См.: Ароцкер Л. Е. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка / Л. Е. Ароцкер, Р. М. Ланцман. М. : Наука, 1968; Винберг А. И. Вывод эксперта при неполном знании изучаемого явления / А. И. Винберг // Советское государство и право. 1975. № 6; Ароцкер Л. Е. Организационные и процессуальные вопросы использования электронно-вычислительных машин в экспертной практике / Л. Е. Ароцкер // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1969. Вып. 6.

соискателю, эксперт несет персональную ответственность за свое заключение. Если ИИ даст ошибочный вывод, то каким образом можно будет развести ответственность эксперта и ответственность ИИ? Кто будет отвечать за последнего? Разработчик сети, цепи Маркова (если она использовалась), ответственный за дата-сет, создатель самой ИНС или эксперт?»;

— «*Да, если использование искусственного интеллекта будет как один из вариантов помощи при решении задач, окончательное решение должно приниматься человеком*» (См. Приложение 2).

Важный аспект рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, лежит и в плоскости концептуального отличия решений на базе искусственного интеллекта от уже привычных экспертной практике автоматизированных программных комплексов. Последние представляют собой технические разработки для помощи в решении конкретных экспертных задач за счет заранее известных алгоритмов, заданных при программировании. Их целью в отличие от ИИ является не имитация когнитивных способностей человека в целом, поиск ранее неизвестных связей и «обучение», а автоматизация и упрощение отдельных практических задач.

Как пишет по этому поводу А. В. Кокин: «Современные автоматизированные идентификационные комплексы, применяемые в дактилоскопии и баллистике, лишь прототипы будущих экспертных систем. Возможности действующих комплексов ограниченны, поскольку по факту они только автоматизируют действия человека и не способны принимать окончательные решения о тождестве, а также выполнять иную свойственную человеческому интеллекту работу. Для перехода на полностью автоматические экспертные системы, функционирующие без участия человека и способные принять самостоятельное решение, необходимы надежные алгоритмы машинного обучения»[200].

Заметим, что такой подход несколько расходится с предлагаемым нами пониманием ИИ как, пусть и крайне сложного, но очередного инструмента в экспертном исследовании. Возможно, в будущем системы с использованием ИИ

---

[200] Кокин А. В. Машинное обучение в судебной экспертизе // Судебная экспертиза. 2024. № 1 (77). С. 59.

получится интегрировать в экспертные методики, при условии создания удачного алгоритма для эффективного решения отдельной задачи (задач), однако, это едва ли будет касаться принятия самостоятельных и окончательных решений, в том числе о тождестве.

Вместе с тем, согласимся, что проблема выбора алгоритма, безусловно, одна из самых значимых. Хотя еще более важным фактором, как представляется, выступает качество и количество обучающих данных, ведь при отсутствии или заведомой неполноте данных / их некачественной обработке полученные на их основе результаты будут неудовлетворительными, каким бы надежным не был алгоритм. Таким образом, обучающая выборка, на наш взгляд, первична по отношению к тому, каким именно образом это будет обработано, и практическое решение проблемы ИИ в судебной экспертизе будет отталкиваться от этой точки.

На данном этапе уже намечается сфера, которая подтверждает этот прогноз. Речь о наиболее «укомплектованных» в отношении качества и количества данных информационных системах органов внутренних дел. Например, используемая в деятельности МВД России автоматизированная информационно-поисковая система (АИПС) «Оружие МВД» позволяет автоматизировать ввод, локальную обработку, передачу между подразделениями необходимых документов с информацией об оружии и выполнение запросов на извлечение необходимых документов из распределенной базы данных. Не менее известна и автоматизированная дактилоскопическая / мультибиометрическая информационно-поисковая система (АДИС) «Папилон», с помощью которой была автоматизирована система дактилоскопических учетов на всех уровнях органов внутренних дел России, постановка на учет, исполнение запросов на установление / подтверждение личности, проверка следов рук для раскрытия и расследования преступлений и т. д.[201] Свойственный цифровизации повышенный интерес к искусственному интеллекту, в частности нейронным сетям, провоцирует

[201] Автоматизация дактилоскопических учетов МВД Российской Федерации. Официальный сайт «Системы ПАПИЛОН». URL: https://www.papillon.ru/about/blog/avtomatizacija-daktiloskopicheskih-uchetov-mvd-rossijskoj-federacii/#results (дата обращения 27.08.2024).

первые попытки их внедрения в автоматизированные программные комплексы, что логично, учитывая возможности выборки. Так, в МВД по Республике Крым начали эксплуатировать первый в России комплекс АДИС (AFIS) «Папилон-9» с использованием технологий искусственного интеллекта. Нейросеть, внедренная в 2023 г. в 9-ую версию АДИС (AFIS), помогла автоматизировать этап работы, традиционно считавшиеся «ручным» — просмотр экспертом рекомендательных списков, сформированных в результате автоматических поисков АДИС (AFIS)[202].

Итак, рассматривая искусственный интеллект с позиции инструмента следует придерживаться позиции, согласно которой глубокое понимание экспертом принципов его работы, функциональных возможностей вкупе с ограниченным характером использования — достаточное условие для возможного применения в процессе проведения исследований. Иная позиция при возведении ее в абсолют ставила бы под сомнение применение в судебной экспертизе любых более-менее сложных программных комплексов и приборов в принципе.

Вместе с тем с учетом специфики рассматриваемых технологий необходимо, на наш взгляд, рассматривать проблемы потенциальной интеграции инструментов ИИ в судебно-экспертную деятельность сквозь призму так называемых «модельных рисков». Как определяется Е. Р. Россинской: «модельный риск — риск возникновения нежелательных последствий из-за ошибок процессов разработки и применения алгоритмов, используемых в принятии решений»[203]. Иными словами, при прогнозировании возможностей ИИ в решении отдельных задач всегда следует прогнозировать и вероятные источники проблем, связанных с недостатками обучающих данных, выбранного алгоритма, его эксплуатации и обслуживания.

На наш взгляд, одной из причин алармизма по отношению к перспективам интеграции систем машинного обучения в экспертную практику в целом выступает недостаточно четкое понимание роли человека при разработке, эксплуатации и

---

[202] В 9-ую версию АДИС (AFIS) Папилон внедрена нейросеть. Официальный сайт «Системы ПАПИЛОН». URL: https://www.papillon.ru/about/blog/v-9-uju-versiju-adis-afis-papilon-vnedrena-nejroset/ (дата обращения 27.08.2024).

[203] Россинская Е. Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 3. С. 27.

использовании систем с использованием технологий искусственного интеллекта, их назначения и пределов возможностей.

Сложный как технически, так и по своей организационной составляющей процесс создания алгоритмов с использованием ИИ предполагает наличие достаточно четких целевых и функциональных установок. В частности, и этот аспект был затронут ранее, важный практический вопрос заключается в выборе самой модели машинного обучения. В самом общем виде обучение представляет собой решение поставленных задач по заданным алгоритмам на основе подготовленных данных, таким образом, в любом случае имеют место: формирование набора необходимых входных данных, их отбор; построение алгоритма решения задачи; получение выходных данных, оценка принятого системой решения. Традиционное деление видов машинного обучения включает в себя: обучение с учителем, обучение без учителя и обучение с подкреплением.

Обучение с учителем (англ. Supervised learning)[204] — наиболее распространено на практике. В рамках данного вида обучения специалист («учитель») сообщает информационной системе некий набор данных, организованный как коллекция заранее размеченных образцов. Затем, исходя из избранных, присвоенных при обучении характеристик образцов (признаков) и настроек алгоритма система самостоятельно принимает решения, получая на входе набор признаков. Такого вида обучение, в частности, используется для задач классификации или при необходимости распознания конкретных объектов из больших массивов данных, например, анализе изображений.

При обучении без учителя (англ. Unsupervised Learning) специалист («учитель») отсутствует. Набор данных представлен коллекцией неразмеченных образцов, а цель алгоритма обучения — создать систему, которая сама (в соответствии с алгоритмом) ищет зависимости между исследуемыми объектами. Такой подход используется, как правило, в тех случаях, когда невозможно заранее

---

[204] Здесь и далее в работе используется принятый в специальной технической литературе термин «*обучение с учителем*» (без учителя). Однако для целей ясности в юридическом дискурсе мы также используем в качестве синонимичного этому словосочетание «*контролируемое обучение*» — А.Ч.

выделить конкретные признаки, по которым должно приниматься решение. Типичной задачей обучения без учителя, например, является кластеризация — группировка данных по определенным критериям в так называемые кластеры (объединение отдельных объектов исходя из определенных связей). При этом порядок формирования связей в системе наблюдателю не известен.

Обучение с подкреплением (англ. Reinforcement Learning), как следует из названия, предполагает наличие некоторых наград, которые побуждают систему к принятию оптимальных решений. Система выполняет действия в запрограммированной среде (сценарии действий), воспринимает состояние этой среды как вектор характеристик, получает положительную награду за правильное действие и отрицательную за неправильное. Цель этого вида обучения — методом проб и ошибок выучить желаемую линию поведения. Подобные алгоритмы используются, как правило, для достижения долгосрочных целей и создания относительно автономных алгоритмов поведения, например, в робототехнике, беспилотном транспорте и т. п.

Не углубляясь в специфические технические особенности всех методов МО, используемых в рамках указанных разновидностей обучения, что не является целью настоящей работы, заметим, что теоретически каждая разновидность может быть эффективной для создания алгоритмов, используемых для помощи в решении экспертных задач. Центральным вопросом здесь вновь является конечная цель. По аналогии с принятой в судебной экспертологии терминологией, интеграцию машинного обучения в судебно-экспертную деятельность можно представить как сложную, обратную диагностическую задачу: необходимо смоделировать механизм обучения, отобрать и подготовить необходимые данные, отталкиваясь от представления о конечном, желаемом результате.

Как отмечается Е. Р. Россинской, для разработки технологии экспертного исследования с применением нейросети среди прочего необходимо определить задачу, которую надо решить; модель, которая может решить эту задачу; данные,

на которых можно обучиться (провести эксперименты)[205]. Указанное представляется одинаково справедливым для любого рода (вида) судебной экспертизы, в рамках которых может планироваться внедрение решений на базе ИИ.

Вместе с тем с точки зрения транспарентности работы, представляется, что на данном этапе для судебно-экспертных целей наиболее приемлем выбор алгоритмов именно в рамках обучения с учителем. Связано это в первую очередь с тем, что судебная экспертиза по своей природе исследование прикладное, получаемое в результате знание носит выводной характер, и связь между условной входной информацией (объекты, материалы дела, относимые к предмету экспертизы, ее научно-методическое обеспечение и проч.), выявленными признаками и получаемыми выводами должна быть очевидна не только специалисту, но и лицам и органам назначающими экспертизу и в итоге оценивающими заключение. Для постановки конечных целей, которые необходимо решить, используя механизмы ИИ, а также отбора релевантных этим целям входных данных необходимо привлекать лиц, обладающих специальными знаниями в интересующей области. С их же участием должны быть определены параметры функции, которая будет описывать связь между объектами и соответствующими им метками. Очевидно, что и оценка получаемых на выходе решений машины так же не может обойтись без участия сведущих лиц. На наш взгляд, исходя из сущности судебной экспертизы как процессуального действия, можно прогнозировать, что наиболее успешные примеры интеграции систем машинного обучения в экспертную практику будут демонстрироваться именно в рамках такого подхода к обучению. Упомянутый ранее АДИС «Папилон-9», в частности, реализует именно этот подход. Указанное, безусловно, требует взаимных усилий уже на этапе технического задания как со стороны представителей IT-отрасли, от которых потребуется понимание не только

---

[205] Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 29.

формально-технических, но и содержательных аспектов запрашиваемой технологии, так и со стороны экспертного сообщества в части понимания концептуальных основ, способов реализации и возможностей ИИ.

Возвращаясь к выбору наиболее оптимального подхода к машинному обучению, отметим, что обучение с учителем имеет и свои минусы, в частности требует большого объема размеченных данных, где каждому входному примеру соответствует правильная метка на выходе, плюс обученная модель должна будет в будущем при самостоятельном решении получать такого же типа данные, что и были заданы обучающим набором. Таким образом, это требует: а) значительного количества информации, пригодной для типизации, достаточно достоверно и полно отражающей желаемые параметры; б) постановки простых задач с предсказуемым решением.

Полагаем, преодоление этих трудностей и перспектива эффективного внедрения технологий ИИ на данном этапе могут быть доступны только давно сформировавшимся и наиболее развитым в теоретическом и методическом плане родам (видам) экспертиз, объекты которых относительно типичны, однородны и позволяют адекватно формализовать присущие им признаки. Речь, на наш взгляд, должна идти о родах (видах) экспертиз, в рамках которых имеются типовые объекты и типовые экспертные методики решения задач с такими объектами. Таковы, например, судебная почерковедческая экспертиза, судебная портретная экспертиза, ряд трасологических экспертиз и т. д.

Следует отметить, что далеко не все объекты исследования, информацию о которых можно было бы использовать в качестве тренировочной, позволяют отобразить все присущие им признаки в цифровой форме. Это касается прежде всего кинестетически воспринимаемых характеристик объектов, которые не могут быть заданы для обучения алгоритмов, например, фактура материала из которого изготовлено изделие, представленное на судебную товароведческую экспертизу и т. п. Это значимый вопрос, который прогнозируемо возникнет при определении тех признаков объектов, которые эксперты потенциально могут передать для

обучения и последующей работы нейросетей, и тех признаков, что в любом случае должны быть подвергнуты исследованию и проверке исключительно человеком.

Одной из сложностей, связанных с подготовкой данных в рамках рассматриваемого подхода к МО, выступает не только качество, но и количество признаков объектов, необходимых для обучения. Объективность искусственного интеллекта, порой противопоставляемая в литературе субъективизму судебного эксперта и человеческому фактору[206], на наш взгляд, в любом случае потребует выделения для обучения еще бóльшего количества параметров, присущих объектам исследований, в сравнении со стандартно применяемыми в экспертной практике в рамках сложившихся методических рекомендаций. Ведь превосходя специалиста в вычислительных мощностях, машина не обладает сравнимыми фоновыми знаниями, гибкостью мышления, предшествующим опытом решения разнообразных задач, не может комплексировать знания из смежных областей, что зачастую присуще экспертной практике.

Приведем в качестве примера описанный коллективом авторов из г. Пенза эксперимент по обучению нейронной сети среды моделирования «БиоНейроАвтограф» анализу биометрических данных, полученных из отсканированных фрагментов рукописного текста. Опуская вопросы к методической приемлемости ряда проводимых при построении модели манипуляций и используемой терминологии, отметим то, что в рамках эксперимента для определения «подлинника» или «подделки» при обучении нейросети по изображениям заданных подписей исследователями использовалось 480 параметров в форме коэффициентов двухмерного преобразования Фурье или его части[207]. Обратим внимание, что речь идет о значительно упрощенных условиях, далеких от полноценного экспертного исследования. Тогда как в методической литературе по судебной почерковедческой экспертизе, посвященной

---

[206] См., например: Попов В. Л. Проблемы и перспективы использования нейросетевых технологий при производстве судебных экспертиз в транспортной сфере // Транспортное право и безопасность. 2020. № 3 (35). С. 75.

[207] См.: Иванов А И. Автоматизация почерковедческой экспертизы, построенная на обучении больших искусственных нейронных сетей // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2016. № 1 (17). С. 249—257.

решению идентификационных задач такого рода, число рекомендуемых параметров для анализа экспертом в десятки раз меньше[208].

Проблемы, связанные с отбором и подготовкой данных для машинного обучения, если таковое будет более широко внедряться в правоохранительную и экспертную практику, на наш взгляд, наиболее сложны для разрешения.

Информация о типичных объектах судебных экспертиз, научно-методическое сопровождение их исследования характеризуются на данном этапе значительной разобщенностью и отсутствием межведомственного консенсуса, осложняемых спецификой организации и работы государственных экспертных учреждений и негосударственных организаций. Разделены не только научно-методические материалы, сама стандартизация в области судебной экспертизы на данном этапе сильно отстает от того массива разновидностей исследований, который реально проводится на практике. Примером может служить в том числе соотношение имеющихся технических стандартов по отдельным родам (видам) экспертиз (13 национальных стандартов на 2023 г.) и числа экспертиз, проводимых (выполняемых) в соответствии с ведомственными перечнями (примеры). Не устранены и не раз отмечаемые в литературе разногласия в наименованиях экспертиз[209].

Указанное не препятствует созданию нейронных сетей в виде экспериментальных разработок в рамках работы отдельных исследовательских коллективов. Однако можно прогнозировать, что проблема широкого внедрения технологий машинного обучения в экспертную практику не будет разрешена ранее, чем назревшие проблемы в области унификации научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, и первое с чем столкнется практика

---

[208] См., например: Судебно-почерковедческая экспертиза: Особенная часть: Исследование малообъемных почерковых объектов; ГУ РФЦСЭ при Минюсте России; М. : ЭКОМ, 2011. гл. 2—3.

[209] См.: Россинская Е. Р. Теоретические и организационно-технологические проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 146—154 ; Моисеева Т. Ф. Классификации судебных экспертиз: необходимость унификации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 68—72 и др.

внедрения МО в судебно-экспертную деятельность — проблема формирования датасетов.

Так называемые датасеты (от англ. data set — набор данных) представляют собой массивы данных, обработанных и структурированных для целей дальнейшего машинного обучения. Их формирование для использования в обучении алгоритмов, которые будут задействованы в таком сложном и процессуально строгом мероприятии как производство судебной экспертизы, представляется, должно, по аналогии с требованиями, предъявляемыми к используемым экспертами методам, отвечать некоторым стандартам надежности.

Заслуживает внимания подход Е. Р. Россинской, которая применительно к рассматриваемой проблеме пишет: «Для разработки экспертных методик на основе нейросетей необходимо создание баз данных (Dataset) для анализа и машинного обучения — совокупностей данных по различным объектам судебной экспертизы, для решения типичных экспертных задач. Это могут быть наборы верифицированных структурированных (например, таблицы), или неструктурированных (например, текстовые документы или изображения) данных. Для их хранения необходимо организовать репозитории (хранилища) наборов данных по родам (видам) судебных экспертиз — централизованные места для хранения с регламентированной системой доступа, которые можно использовать как основу для создания судебно-экспертных методик»[210].

Таким образом, можно говорить о том, что данные для обучения должны быть верифицированы, централизованы и храниться с регламентированным порядком доступа. С указанными критериями сложно не согласиться.

Возможна ли такая организация обучающих данных в условиях относительной замкнутости, конфиденциальности научно-методического и материально-технического ресурсов внутри крупнейших экспертных учреждений, подведомственных отдельным органам исполнительной власти? Полагаем, сложно дать положительный ответ.

---

[210] Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы. С. 31.

Между тем именно этап подготовки данных, которые впоследствии будут использованы для обучения и проверки сети, требует объединения усилий достаточно сплоченного коллектива исследователей и разработчиков, а также предполагает наличие технических возможностей для масштабной оцифровки и (или) доступ к большому количеству уже представленных в цифровой форме материалов. Как пишет Д. В. Бахтеев: «Сбор объектов для датасета, по словам разработчиков, оценивается как не менее 80 % всей деятельности по созданию искусственной нейронной сети. Наиболее трудными являются для сбора являются нецифровые объекты (такие как подписи, физические показатели (скорости, температуры), погодные условия и т. п.), поскольку для их загрузки в систему помимо стандартных операций по сортировке и сегментации требуется их фиксация и собственно оцифровка. В этом случае можно сказать, что для того, чтобы создать систему искусственного интеллекта (цифровой объект), способную оказать положительное воздействие на физическую реальность, требуется сначала оцифровать фрагмент этой реальности. Зачастую именно трудности при сборе датасета детерминируют узкую функциональную направленность итогового программного продукта, а ошибки в датасете предопределяют будущие ошибки итоговой системы»[211].

На наш взгляд, положительным фактором прогнозного фона, который оставляет пространство для оптимистичных оценок, является реализуемый на практике и хорошо описанный в литературе процесс цифровизации справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения. Как отмечается Е. Р. Россинской: «…криминалистические и справочно-вспомогательные учеты органов внутренних дел в виде натурных коллекций, картотек, автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) ведутся на федеральном и региональном уровнях. На Экспертно-криминалистический центр (ЭКЦ) МВД России возложено ведение федеральных и централизованных экспертно-криминалистических картотек и коллекций: пуль,

[211] Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений. С. 386.

гильз и патронов со следами оружия, изъятых с мест преступлений, контрольных пуль и гильз служебного и гражданского оружия с нарезным стволом (федеральная пулегильзотека); следов рук, изъятых с мест совершения особо тяжких преступлений (централизованная дактилоскопическая следотека); поддельных денежных знаков; поддельных документов, изготовленных полиграфическим способом; бланков ценных бумаг, производимых и ввозимых в установленном порядке на территорию Российской Федерации, и др.»[212]. Многое из перечисленного (пули и гильзы, следы рук, поддельные документы и т. д.) уже успешно оцифровано из натурных коллекций в автоматизированные информационно-поисковые системы.

Необходимо подчеркнуть, что на данный момент информационные ресурсы системы экспертных учреждений МВД России видятся нам наиболее обширным, упорядоченным и перспективным источником данных для машинного обучения в судебно-экспертных интересах. Не менее важна и отмеченная нами ранее надежность данных для обучения. Так, в частности, в п. 8 Инструкции по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации прямо указано на то, что ведение экспертно-криминалистических учетов может быть автоматизировано с использованием технических средств и автоматизированных информационных систем, *прошедших апробацию и рекомендованных к использованию* (курсив наш — А. Ч.) ЭКЦ МВД России, а автоматизированное ведение картотек экспертно-криминалистических учетов *не допускается без обеспечения специальными средствами архивирования, контроля и защиты от несанкционированного доступа* к учетным данным[213].

---

[212]Россинская Е. Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6. С. 26.

[213] Утв. Приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Справочно-информационные фонды (СИФ) иных экспертных учреждений, особенно Минюста России, также представляют интерес, однако, в отличие от системы МВД России, ведутся в инициативном порядке, не так широки по фиксируемым данным и не предусматривают механизмов обязательной постановки объектов на учет. Негосударственные судебно-экспертные организации и отдельно взятые сведущие лица так же могут формировать собственные базы данных, коллекции и т. п., однако, полагаем, на этом уровне объем и качество накопленных данных мало пригодны для серьезного использования в машинном обучении.

Помимо разобщенности, потенциальную проблематичность которой мы неоднократно отмечали ранее, прогнозируемо трудным для разрешения является и вопрос конфиденциальности. Формирующиеся в рамках отдельных ведомств базы данных, картотеки и т. п. используются в рамках этих ведомств, обеспечивают их адекватную работу, в том числе эффективное противодействие преступности и восстановление нарушенных прав граждан. Научно-методические разработки в судебной экспертизе — не менее ценный ресурс, ведь на их создание и апробацию затрачиваются значительные усилия и время; содержание подобных материалов в случае попадания в свободный доступ может открывать дорогу злоупотреблениям этими данными со стороны преступного сообщества, компрометации сложившейся экспертной практики. Очевидно, что бесконтрольный оборот данных, в том числе персональных — это недопустимо высокая цена в контексте формирования массива информации для машинного обучения и обмена такой информацией внутри экспертного сообщества.

Одним из вариантов решения сложившейся проблемы на начальном этапе мог бы стать отбор обучающего материала из официальных криминалистических и справочно-вспомогательных учетов органов внутренних дел под контролем специалистов судебно-экспертных подразделений данного ведомства.

При этом, на наш взгляд, осуществление указанного прогнозируемо будет происходить в рамках отдельно выбранных родов (видов) судебных экспертиз, поскольку именно такой подход позволяет сосредоточиться на решении

максимально конкретных и простых задач, подготовить релевантный этому обучающий материал. Как было неоднократно показано нами ранее, одна из основных проблем внедрения технологий искусственного интеллекта, в том числе в судебно-экспертную деятельность, заключается ни столько в отсутствии теоретических и практических возможностей в целом, сколько в нереалистичности подходов к проблеме. Не последнее место занимает и слабое финансирование этой сферы со стороны государства.

Здесь необходимо отметить, что, по нашему мнению, тестирование любых новых инструментов с использованием ИИ в судебно-экспертной деятельности должно проходить сперва изолированно от реальной судебной практики, т. е. не в рамках проведения конкретной судебной экспертизы, назначенной по тому или иному делу.

Для обобщения основных положений раскрытого нами подхода к интеграции машинного обучения в судебную экспертизу представим их схематично в виде алгоритма решения вопроса о возможности / необходимости создания технологических решений с использованием ИИ для применения в экспертном исследовании (Приложение 3). В указанном алгоритме мы предлагаем в целом исходить из уже высказанного нами выше прогноза о том, что это — перспектива уже полностью сформировавшихся и наиболее развитых в теоретическом и методическом плане родов (видов) судебных экспертиз, объекты и задачи которых характеризуются значительной типичностью. При этом мы подчеркиваем, что речь будет идти о высокотехнологичном ассистировании эксперту, предоставлении просчитанных и (или) спрогнозированных системой вариантов решения отдельных задач, что в любом случае еще не тождественно полноценному экспертному исследованию в процессуальном смысле. Преимуществом, в свою очередь, является то, что предшествующее «обучение» машины позволяет выдать по отношению к достаточно сложным входным данным однозначные ответы типа «да» / «нет», что упрощает их верификацию и проверку экспертом.

Наконец, еще один вопрос, рассмотрение которого представляется важным в контексте прогнозирования интеграции технологий ИИ в экспертную практику и

отражено в предлагаемом нами алгоритме, связан с объемом и качеством обработки данных машиной. Как было подробно показано нами в рамках настоящего исследования, искусственный интеллект требует значительных технических, организационных, человеческих ресурсов как на этапе создания модели, так и при ее дальнейшей эксплуатации и оценке адекватности работы. Более того, по аналогии с экспертом, чьи когнитивные способности машина предполагаемо должна имитировать, обучение должно носить континуальный характер, т. е. постоянно продолжаться и углубляться. Можно говорить о том, что для качественной работы, оперативного устранения возможных ошибок при использовании в экспертном исследовании таким системам тоже требуется своего рода поверка и калибровка, как это активно происходит с приборами и оборудованием при производстве многих родов (видов) экспертиз, например, строительно-технической, пожарно-технической и т. д.

Как известно, стандартизация и сертификация методов, средств и методик, используемых для решения задач судебной экспертизы, регулируются Федеральным законом от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений», поскольку экспертные исследования базируются на специальных знаниях в науке и технике[214]. Технологии искусственного интеллекта, очевидно, концептуально не равны любым известным средствам измерения, и перенести на них сложившийся в экспертной практике подход к стандартизации затруднительно. Существующие примеры реализации нейросетевых технологий в отдельных отраслях и сферах носят скорее казуальный характер, что подходит для активного и часто новаторского развития бизнеса, промышленного сектора, индустрии развлечений, отдельных аспектов правоохранительной практики, однако, пока не удовлетворяет сферу доказывания, к которой относится и судебная экспертиза.

Положительным фактором прогнозного фона здесь следует счесть функционирование Технического комитета по стандартизации № 164 «Искусственный интеллект» (ТК 164). По данным на 2025 г. был принят 61

[214] Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник. С. 128.

стандарт по направлению «Искусственный интеллект», в том числе ГОСТы в области клинической медицины, автомобильного транспорта, дистанционного зондирования земли, навигационных систем и др.[215] Судебно-экспертная и иные разновидности судебно-следственной практики своего отражения там пока не находят. Полагаем, что расширение и упорядочение стандартов, равно как и общего правового регулирования в области ИИ — лишь вопрос времени. Следует согласиться с мнением Чесноковой Е. В., Усова А. И., Омельянюка Г. Г., Никулиной М. В, отмечающих, что «порядок внедрения и использования технологий ИИ в части обеспечения ответственного, прозрачного и подотчетного использования схож с алгоритмом оценки пригодности методик судебной экспертизы в системе менеджмента судебно-экспертных учреждений»[216]. Ими же справедливо, на наш взгляд, предложена постановка вопроса о создании системы искусственного интеллекта судебно-экспертной деятельности на уровне Федеральных программ. Помимо прочего это могло бы благоприятно сказаться на финансировании этого направления, которое, на наш взгляд, в судебной экспертизе значительно отстает от высокого уровня теоретического и практического вклада в этот вопрос учеными, специалистами и экспертами.

Тем не менее все это подтверждает высказанный нами ранее тезис о том, что ИИ в судебно-экспертной деятельности на данном этапе не выходит за рамки экспериментальных разработок и научного поиска — возможность получения приемлемых с позиции специалиста результатов исследования с помощью инструментов ИИ будет крайне проблематично конвертировать в заключение эксперта, отвечающее всем предъявляемым к нему теорией и практикой требованиям. Как было показано нами ранее, положительные факторы прогнозного фона на данном этапе недостаточны.

---

[215] Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Стандарты по направлению «Искусственный интеллект». URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts (дата обращения: 09.03.2024).

[216] Чеснокова Е. В., Усов А. И., Омельянюк Г. Г., Никулина М. В. Искусственный интеллект в судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 3. С. 67.

На наш взгляд, рассмотренное в итоге наводит и на предположение о том, что оправданность внедрения машинного обучения в экспертизу должна исходить из того, что планируемый объем получаемых и (или) обрабатываемых с помощью машины данных превышает объемы данных, обработку которых способен осуществить эксперт в нормальных условиях, например, в рамках длительных, многообъектных исследований с представлением материалов исключительно в цифровом формате. В противном случае встает вопрос о целесообразности такого внедрения, ведь цифровизация судебно-экспертной деятельности должна оптимизировать и улучшать, открывать новые, ранее недоступные возможности для экспертной практики. Эта позиция также отражена в предлагаемом нами алгоритме (см. Приложение 3).

Таким образом, нами рассмотрен ряд ключевых проблем внедрения машинного обучения в экспертную практику. Часть из них — закономерно исходит из специфики организации технологий ИИ, поискового этапа их регулирования и внедрения в различные сферы жизни, истоки других проблем в конечном счете коренятся в самой природе судебной экспертизы как процессуального действия, багаже ранее накопленных экспертной теорией и практикой разногласий и пробелов, решение которых не имеет ничего общего с искусственным интеллектом. Однако, мы полагаем, рассмотренное оставляет значительное пространство для оптимизма — судебно-экспертная деятельность всегда находилась на острие научно-технического прогресса и уже успешно прошла значительный путь автоматизации и компьютеризации. Предпринимаются значительные усилия по стандартизации судебно-экспертной деятельности. И, представляется, дискуссионные вопросы, диктуемые неизбежной цифровизацией этой сферы и подымаемые в рамках внедрения искусственного интеллекта — повод для новых усилий по решению старых проблем.

§ 2.3. Перспективы изменения компетенций судебных экспертов в свете развития технологий искусственного интеллекта

Подводя своеобразный итог рассмотренным ранее проблемам, было бы упущением не уделить отдельное внимание компетенции судебных экспертов, которая прогнозируемо претерпевает изменения с учетом процесса цифровизации. Особенно актуальным с учетом современных тенденций представляется влияние развития технологий искусственного интеллекта на тот комплекс знаний, навыков и умений, к формированию которых должно быть готово судебно-экспертное сообщество.

Согласно сложившемуся в литературе подходу к компетенции судебного эксперта, под ней понимается круг полномочий, предоставленных эксперту законодательством о судебной экспертизе. При этом различается объективная и субъективная компетенция эксперта, первая отражает объем знаний, которыми должен владеть эксперт, а вторая — степень, в которой конкретный эксперт владеет этими знаниями[217]. Именно субъективную компетенцию обозначают как компетентность. Подразумевается, что компетентность эксперта отражает его реальный образовательный уровень, опыт, способности творческого и иного характера, возможности решения требуемых задач. В таком ключе, пусть и без раскрытия содержания, термин («компетентность») употребляется в нормативных правовых актах: ст. 13 ФЗ о ГСЭД («Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту») и ч. 2 ст. 70 УПК РФ («Отвод эксперта»).

По сути, ядром компетентности любого судебного эксперта выступают знания в области того рода (вида) / родов (видов) исследований, на которых он специализируется, система теоретических знаний и практических навыков, формирующих в итоге то, что обозначается как «специальные знания». Общим для

---

[217] Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2 е изд. перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 131.

всех сведущих лиц является и глубокое понимание правовых, в частности процессуальных, основ деятельности.

Вместе с тем на современном этапе, и это представляется нам логичным продолжением высказанных ранее прогнозов относительно дальнейшего развития СКТЭ, а также других родов (видов) судебных экспертиз, сложившийся под влиянием цифровизации контекст осуществления экспертной деятельности активно формирует потребность в новых экспертных компетенциях. В первую очередь, речь идет о дальнейшем расширении знаний и навыков в области цифровых технологий в целом. Во-вторых, и это должно стать следующим прогнозируемым общим компонентом в системе компетенций современного судебного эксперта, — необходимо приращение знаний в области искусственного интеллекта — как потенциального инструмента, так и как объекта исследований.

На уровне повышения компетенций в части повышения осведомленности и уровня владения теми или иными цифровыми технологиями в отдельных разновидностях судебных экспертиз этот процесс уже развивается и достаточно активно.

Так, рассуждая об этом, Ф. Г. Аминев высказал предложение, что «…компетентность конкретного судебного эксперта должна состоять не из двух основных групп требований (степень владения экспертом системой специальных знаний в области теории и практики конкретного вида судебной экспертизы и степень владения знаниями правовых и организационных основ назначения и производства этого вида (рода) судебной экспертизы), а из трех — к вышеназванным группам требований прибавились требования по степени владения теорией и практикой применения цифровых технологий в конкретном виде судебной экспертизы»[218].

Полагаем, что концептуально с данной идеей стоит согласиться. Компетенции в части осведомленности о цифровых технологиях, применяемых при производстве судебных экспертиз, азы цифровой безопасности, очевидно,

[218] Аминев Ф. Г. О проблемах формирования компетентности судебного эксперта в условиях цифровизации // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 10.

стали важными компонентами успешной экспертной практики в современных условиях, по своей универсальности и значимости сравнимыми с необходимыми каждому судебному эксперту правовыми знаниями.

На необходимость включения в общий профессиональный стандарт судебного эксперта ряда новых «цифровых» компетенций обращается внимание и в диссертационной работе А. А. Саркисян, которая отмечает среди них:

«— компетенции взаимодействия с информационными технологиями;

— компетенции повышения цифровой грамотности;

— компетенции представления результатов исследования посредством использования информационных технологий;

— компетенции взаимодействия с новыми объектами исследований;

— компетенции в сфере информационной безопасности;

— компетенции автоматизации судебно-экспертных задач;

— компетенции анализа массива цифровых данных»[219].

В той или иной степени, компетенции, о которых говорят ученые, уже внедряются в образовательные программы и (или) программы повышения квалификации / профессиональной переподготовки судебных экспертов. Так, в частности, на кафедре судебных экспертиз Московского государственного университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) студенты речеведческих и экономических направлений изучают дисциплины «Информационные системы в речевой коммуникации», «Компьютерные технологии в экспертной деятельности», «Судебная компьютерно-техническая экспертиза».

С учетом стремительного внедрения во все области жизни, и не в последнюю очередь — криминальную, методов искусственного интеллекта, на наш взгляд, эта сфера определяет следующий виток развития требований к компетенциям современных экспертов.

---

[219] Саркисян А. А. Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организационные аспекты : дис ...канд. юрид. наук : спец. 5.1.4. Москва. 2023. С. 123—124.

Ранее в работе мы раскрыли позицию, согласно которой, на наш взгляд, ИИ — суть тот же инструмент для возможного использования в экспертном исследовании, с той разницей, что создаваемые на базе методов ИИ алгоритмы отличаются особой сложностью, направленностью на автономность принимаемых выходных решений, имитацию когнитивных способностей человека. Если ранее среди ключевых компонентов в обучении современных судебных экспертов можно было назвать компетенции, связанные с умением работать с информацией в цифровой форме представления, верифицировать, предотвращать и предупреждать ее изменение / утрату в процессе исследования и др., то на данном этапе за счет усложнения современных технологий справедливо говорить о том, что и этих знаний, и навыков становится недостаточно. Как мы обозначили ранее — искусственный интеллект в контексте судебной экспертизы стоит рассматривать и как инструмент, и как потенциальный источник цифровых следов (прежде всего продуктов работы нейронных сетей), которых с каждым днем становится все больше.

Вместе с тем обратим внимание на то, что знания в части возможностей технологий искусственного интеллекта, хотя и представляются нам новым необходимым компонентом компетенций современного судебного эксперта, потребность в них у специалистов в различных родах (видах) экспертиз неравномерна.

Справедливым представляется утверждение коллектива авторов из РФЦСЭ при Минюсте России: «Рассматривая прикладной уровень интеграции искусственного интеллекта в СЭД (судебно-экспертной деятельности — расшифровано нами А. Ч.), при выборе направления его использования необходимо учитывать совокупность критериев, в том числе: уровень теоретической и методической разработанности рода или вида судебной экспертизы, уровень компетентности персонала СЭЛ (судебно-экспертной лаборатории — расшифровано нами А. Ч.), готовность к внедрению новшеств, понимание поставленной цели и ожидаемого эффекта от реализации как для всего

процесса производства судебной экспертизы / исследования, так и при решении отдельных (рутинных) экспертных задач»[220].

По нашему мнению, это напрямую связано с обозначенным нами выше дуализмом таких технологий в судебно-экспертной деятельности. На наш взгляд, те роды (виды) судебных экспертиз, в числе новых объектов которых наиболее вероятно будут встречаться продукты работы нейросетей (фоноскопическая, лингвистическая, автороведческая, портретная, фототехническая и др.), наиболее тяготеют к расширению компетенций в части понимания процессов создания (генерации) контента с использованием подобных технологий, наиболее современных достижений в данной области, в частности, общедоступного характера. Для этих родов (видов) экспертиз одинаково значимы и знания об объектах, создаваемых с помощью ИИ, и о возможностях ИИ как инструмента для исследования таких объектов. Ранее в работе мы иллюстрировали это на примере судебной фоноскопической и судебной видеотехнической экспертизы, которые уже сейчас сталкиваются с продуктами работы нейросетей в виде так называемых дипфейков, для детекции которых создаются системы с использованием тех же нейронных сетей.

С другой стороны, ряд родов (видов) экспертиз в принципе несколько дистанцирован от проблем, связанных с распространением цифровых следов, в силу объективных причин, например, судебные молекулярно-генетические, биологические экспертизы, экспертизы материалов, веществ и изделий и др. Для них знания в области ИИ будут носить скорее характер фоновых и относиться в большей степени к именно усовершенствованию инструментария исследований, а не объектам.

И в части распространения новых объектов — продуктов работы нейросетей, и в части интеграции машинного обучения в судебно-экспертную деятельность как нового перспективного инструмента, сформировавшийся подход к тому, кто и как должен заниматься теоретической и практической разработкой этого направления,

---

[220] Чеснокова Е. В., Усов А. И., Омельянюк Г. Г., Никулина М. В. Искусственный интеллект в судебной экспертологии. С. 66.

а также — какие знания и навыки должны быть задействованы / приобретены в процессе, еще не сложился. И если в случае с ИИ как источником новых объектов исследований необходимо определенное накопление эмпирического материала, обобщение экспертной практики, которое складывается постепенно, то промедление в части интеграции систем машинного обучения в экспертную практику во многом может объясняться именно отсутствием системы формирования компетенций в этой области.

Сложность интеграции ИИ в судебную экспертизу проявляется сразу на нескольких уровнях, каждый из которых вызывает вопросы компетентностного характера, речь идет о целом ряде необходимых этапов: постановка конкретных экспертных задач, решение которых предполагается с помощью оптимальной модели МО; обозначение объектов, необходимых для обучения, порядок их цифровизации / представления, организация и хранение массива данных для обучения, режимы предоставления информации и доступа к научно-методическим материалам (по сути — формирование специальных датасетов); определение порядка оценки и верификации получаемых системой выводов.

С учетом необходимости постоянного обучения и актуализации работы машины недостаточно создать работающую систему, ей также требуется постоянное обслуживание, что также требует вовлеченности технических и иных специалистов, в числе которых, безусловно, должны быть сведущие лица, чьи специальные знания имеют непосредственное отношение к исследованию объектов и решению задач, для которых планируется внедрение МО.

Из этого следует, что у современных экспертов должны расширяться знания о возможностях методов искусственного интеллекта, а у технических специалистов, которые будут сотрудничать с судебными экспертами, должны присутствовать определенные знания в части судебной экспертологии. Сложность заключается в соотношении и уровне необходимых знаний и навыков, а также возможности организовать необходимые мероприятия дидактического характера на практике.

Рассуждая на эту тему, Е. Р. Россинская указывает на то, что внедрение искусственного интеллекта и нейросетей в судебно-экспертную деятельность обусловливает необходимость появления новых компетенций в судебной экспертологии в русле решения задач машинного обучения[221]. Ученым выдвинута оригинальная концепция, согласно которой на разных этапах реализации машинного обучения новые компетенции будут необходимы сразу нескольким участникам этого процесса. На этапе подготовки данных необходимо участие в процессе аналитика данных (Data Analyst), который, как указано: «…должен обладать знаниями судебной экспертологии и иметь опыт экспертной работы, широкий кругозор и высокий уровень компетенции в данном роде (виде) судебной экспертизы (знать свойства и признаки объектов, методики и методические подходы экспертных исследований и пр.). Если данный специалист не имеет естественнонаучного или инженерного образования, то он должен пройти профессиональную переподготовку по математике, теории вероятностей и математической статистике»[222]. На следующем этапе необходимо привлечение инженера экспертных данных (Data Engineer), роль которого заключается в структурировании данных в хранилище данных, контроле за их целостностью и качеством, а также отслеживании доступов к ним. Автором отмечено, что такой специалист должен разбираться в судебно-экспертных технологиях и знать теоретические и прикладные основы экспертологии[223]. Наконец, на заключительном этапе такой участник как инженер машинного обучения (Machine Learning Engineer) «обучает модель на данных, оценивает ее качество, проверяет, насколько она эффективна и соответствует ли заданным результатам (ML-метрикам), устраняет ошибки»[224]. Этот специалист, по мнению Е. Р. Россинской, должен обладать широким спектром знаний и опыта в области IT-технологий, в частности машинного обучения.

---

[221] Россинская Е. Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности. С. 29.

[222] Россинская Е. Р. Указ. соч. С. 29—30.

[223] Там же.

[224] Там же.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для создания эффективной модели для решения тех или иных судебно-экспертных задач потребуется командная работа принципиально разных специалистов, компетенции которых, однако, носят комплексный, частично взаимопроникающий характер. Это, на наш взгляд, абсолютно справедливое предположение, которое прогнозируемо будет основой создаваемых в этой сфере исследовательских коллективов. С одной стороны, создание систем с использованием методов машинного обучения требует значительной инженерной, математической подготовки, специфического опыта и навыков, которые отсутствуют у специалистов в родах (видах) экспертиз, не связанных с этими областями знаний. С другой стороны, ни одна модель, удовлетворяющая потребностям судебно-экспертной практики, не может быть создана без участия самих судебных экспертов.

Мы солидарны с мнением Е. Р. Россинской в части того, что наибольший массив знаний из судебной экспертологии, а также экспертного опыта требуются на этапе подготовки данных для обучения и в наименьшей степени это важно на уровне инженера машинного обучения, чьи компетенции с судебной экспертизой не связаны. Вместе с тем, мы полагаем, что предлагаемое расширение компетенций за счет переподготовки опытного, компетентного в необходимом роде (виде) экспертизы специалиста по математике, теории вероятностей и математической статистике, равно как и овладение им другими значимыми техническими навыками, как изучение отдельных языков программирования и т. п., — в настоящий момент нереалистично и далеко от сложившейся системы организации судебно-экспертной деятельности в России.

Мы считаем, что более реалистичен прогноз изменения компетенций судебных экспертов в свете развития технологий искусственного интеллекта в двух направлениях.

По концепции, изложенной Е. Р. Россинской, должны развиваться компетенции тех экспертов, которые будут входить в специально формируемые исследовательские группы. Именно им необходимо расширение компетенций базовыми знаниями в математике, теории вероятностей и математической

статистике, навыками владения инструментами разработки, языками программирования.

В дальнейшем видится перспективным совместное составление единых (с некоторой долей условности) датасетов и участие в создании систем на базе машинного обучения представителей различных экспертных учреждений в составе объединенной исследовательской группы, на наш взгляд, лишь межведомственное и межорганизационное взаимодействие и стремление к бóльшей интеграции и унификации может вывести попытки интеграции машинного обучения в судебную экспертизу на значительно новый широкий, недискриминационный и научно обоснованный уровень. Исследователям необходимо будет определить:

— первоначальную гипотезу, описывающую оптимальную модель МО для решения экспертной задачи, используемый научно-методический подход. Иными словами, определение конкретных операций (группы операций), выполнением которых займется ИИ;

— номенклатуру объектов, необходимых для обучения, порядок их оцифровки и формализации, необходимость в проведении дополнительных экспериментов;

— порядок организации и хранения массива данных, режимы предоставления информации и доступа к научно-методическим материалам (формирование так называемых датасетов);

— порядок оценки и верификации полученных системой выводов, определение порядка актуализации обучающего процесса.

Эта деятельность требует централизованной и, что немаловажно, активно финансируемой программы (или программ), со значительным государственным регулированием. Необходимо здесь и преодоление неоднократно отмечаемой нами замкнутости, конфиденциальности в научной среде, ведомственной разобщенности ведущих судебно-экспертных учреждений страны. Полагаем, что этому способствовало бы появление полноценной федеральной целевой программы, посвященной искусственному интеллекту в судебно-экспертной деятельности, государственным заказчиком и основным разработчиком которой

выступило бы Правительство РФ, а исполнителями — ведущие (головные) центры судебной экспертизы в системах соответствующих ведомств с привлечением иных заинтересованных участников из состава технического комитета по стандартизации ТК 134 «Судебная экспертиза».

Что касается второго направления, полагаем, что для судебных экспертов, прямо не вовлеченных в решение задач машинного обучения, теоретическое и практическое сопровождение подобных проектов, изменение компетенций должно заключаться в повышении осведомленности о принципах работы и возможностях искусственного интеллекта, в том числе с помощью самообучения, участия в образовательных проектах, сотрудничества с представителями IT-отрасли. Общим компонентом компетенций будут выступать знания о: принципах работы различных методов и алгоритмов искусственного интеллекта, современном состоянии развития индустрии искусственного интеллекта (особенно его общедоступных реализаций). Наиболее опытные в теоретическом и практическом отношении судебные эксперты могут выступать в качестве разработчиков новых методических подходов, связанных с появлением новых объектов исследований — цифровых следов — продуктов работы ИИ.

Подводя итог, в свете развития технологий искусственного интеллекта судебно-экспертное сообщество сталкивается с необходимостью очередного приращения знаний в свете усложнения и без того свершившейся цифровой трансформации общества. Прогнозируемым компонентом новых необходимых компетенций во многих родах (видах) судебных экспертиз становится понимание принципов работы ИИ в его специфическом дуализме — как потенциального инструмента, так и как объекта исследований. Это, на наш взгляд, в целом должно выступать логичным дополнением имеющихся у эксперта глубоких специальных знаний в отдельных областях (что представляется первичным и важнейшим компонентом), подчеркивать стремление к адаптации имеющегося массива знаний, навыков и умений к современным условиям жизни. В этом смысле согласимся с высказыванием Е. И. Галяшиной о том, что: «Публичный характер деятельности

судебного эксперта проявляется в готовности творчески пользоваться приобретенным в ходе обучения багажом знаний»[225].

[225] Галяшина Е. И. Паспортизация экспертных специальностей и профессиональное образование судебных экспертов // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 31.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании рассмотрены теоретические и прикладные аспекты судебно-экспертного прогнозирования формирования и развития новых родов и видов экспертиз в условиях цифровизации. На основе общей теории судебной экспертологии и с применением прогностического подхода определены актуальные проблемы теоретического, правового и организационного толка, связанные с современным состоянием и перспективами развития как судебно-экспертной деятельности в целом, так и конкретных классов, родов (видов) судебных экспертиз, предложены авторские подходы к их причинам и возможному решению.

Полученные результаты исследования дали возможность сформулировать следующие выводы, излагаемые в соответствии с внутренней логикой и структурой работы.

Долгие годы частная теория судебно-экспертного прогнозирования, пусть и занимая место самостоятельной частной теории в рамках общей теории судебной экспертологии, ни в части своего понятийно-категориального аппарата, ни в части содержания не обнаруживала положений, принципиально отражающих специфику именно судебно-экспертной сферы. По сути, она воспроизводила имеющиеся теоретические наработки более зрелой теории криминалистического прогнозирования. А имеющиеся немногочисленные работы, посвященные данной тематике, практически не предлагали целостного теоретического подхода к использованию прогностического инструментария на практике при оценке реальных тенденций, проблем и перспектив на конкретных примерах из области судебно-экспертной деятельности.

В работе сформулированы и раскрыты авторские варианты понятий: судебно-экспертное прогнозирование; прогнозный фон судебно-экспертного прогнозирования; объект судебно-экспертного прогнозирования. Подчеркнуто: а) прогнозирование в рамках судебной экспертологии возможно лишь в части изучаемых ей (не иными науками) закономерностей, становится таковым тогда,

когда оно обращено на феномены и явления судебно-экспертной деятельности, базируется на данных теории и практики судебной экспертизы; б) это научное исследование общетеоретического уровня, не сводимое к решению конкретной задачи экспертного исследования.

В качестве специфической черты прогнозирования явлений и процессов в сфере судебно-экспертной деятельности отмечено, что теоретические закономерности и эмпирические данные не числового характера имеют здесь первостепенное значение, а подход к прогнозированию на основе точных, математических данных не состоятелен в силу отсутствия систематического статистического учета в судебной экспертизе.

Трансформации и появление новых объектов судебных экспертиз; модификация экспертных задач — ключевые элементы в процессах формирования и развития новых родов и видов экспертиз. Основным двигателем этого процесса на данном этапе выступает цифровизация, как в части увеличения количества цифровых следов, так и в части технологического усложнения инструментального характера. Это обуславливает потребности в изменении родового (видового) деления многих судебных экспертиз. Потенциально возрастает количество новых объектов в судебных компьютерно-технических экспертизах, а также в родах экспертиз, объектами которых выступают продукты речевой деятельности, видео- и фотоизображения, иной аудиовизуальный и графический контент. Прогнозируется распространение новых потенциальных объектов — цифровых следов — продуктов работы искусственного интеллекта.

Появление и развитие новых достижений науки и техники меняет траекторию развития экспертных технологий. Процесс цифровизации расширяет диапазон методов исследований в сторону методов, которые применяются или в принципе могут применяться во всех родах и видах судебных экспертиз. В основе формирования таких методов в работе рассмотрено использование: 3D-технологий (сканирование, моделирование, печать и т. п.), беспилотных летательных аппаратов, биометрических методов и технологий идентификации и

аутентификации человека, интеграция в судебно-экспертную деятельность искусственного интеллекта, главным образом — машинного обучения.

На фоне этих процессов на базе анализа специальной литературы и применения метода экспертных оценок спрогнозированы конкретные примеры новых актуальных родов (видов) судебных экспертиз, а также намечены векторы перспективного развития уже сложившихся.

Особое внимание обращено на фактически (но до сих пор не юридически) сложившееся уже укрупнение судебной компьютерно-технической экспертизы в полноценный класс, спрогнозирована назревшая потребность его закрепления на уровне самостоятельной специализации в рамках образовательной программы специалитета по специальности «Судебная экспертиза», а также дальнейшее разветвление ее родового (видового) деления. На базе этого примера предложены и раскрыты критерии, сочетание которых дает основание полагать, что некая общность разновидностей экспертиз составляет вполне сформировавшийся в научном и практическом отношении класс и может претендовать на формирование в отношении класса собственного образовательного стандарта. Указанные критерии могут быть в дальнейшем использованы для построения прогнозов развития родов (видов) судебных экспертиз, а также оценки адекватности текущего состояния с занимаемым классификационным уровнем. Полезны они и при определении обоснованности выделения образовательных стандартов в области судебно-экспертной деятельности.

Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, на которые в числе прочих возложены и функции по организации и (или) производству экспертиз, регламентирующие вопросы, связанные с назначением и производством судебных экспертиз, аттестацией на их проведение применительно к специфике деятельности отдельных систем государственных экспертных учреждений (так называемые ведомственные акты) — ведущий уровень регулирования, где свою практическую значимость обнаруживает научная родовая (видовая) классификация судебных экспертиз. Однако при том, что такого рода документы имеются у множества ведомств: Минюста России, МВД России, ФСБ

России, Следственного комитета России, Минобороны России, МЧС России, ФТС России, Минздрава России, все они при аналитическом и сравнительном анализе обнаруживают недостатки и разногласия, обусловленные пренебрежением, во-первых, сформулированными судебной экспертологией теоретическими подходами, во-вторых, правилами юридической техники. В работе раскрыто, какое негативное влияние на процесс назначения судебных экспертиз и реализацию связанных с этим прав и обязанностей участников судопроизводства это может оказывать на практике.

Рассматривая и дискутируя различные научные подходы к вариантам всеобщего (единого) перечня экспертиз, сделан вывод о том, что наиболее оптимален вариант с формированием единого перечня родов (видов) судебных экспертиз на уровне национального стандарта в рамках деятельности уже сложившегося Технического комитета по стандартизации ТК 134 «Судебная экспертиза». Однако действующий в этой области ГОСТ Р 71232-2024 «Роды судебных экспертиз. Термины и определения» демонстрирует неудовлетворительный уровень реализации теоретически удачной идеи на практике. Его недостатки и варианты их исправления впервые стали предметом исследования в рамках работы монографического уровня. В этом же русле в работе критически оценена логика построения и Перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными учреждениями, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р.

В работе подчеркнута необходимость принимать во внимание концепцию прогнозного фона, активно применять метод экспертных оценок для преодоления рассматриваемых проблем правового регулирования.

Продолжая существующие в судебной экспертологии процессы автоматизации и компьютеризации, цифровизация поднимает вопрос о внедрении в судебно-экспертную практику искусственного интеллекта, что позволит осуществить переход к автономному решению ряда исследовательских задач, в том числе обработку больших объемов данных. Дискуссиям, проблемам и прогнозам

этого вектора развития судебных экспертиз посвящено значительное внимание в заключительной части работы. Последовательно проанализированы аргументы за и против интеграции методов машинного обучения в экспертную практику. Среди сформулированных прогностических наблюдений в том числе раскрывается, что проблема широкого внедрения технологий машинного обучения не будет разрешена ранее, чем назревшие проблемы в области унификации научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, и первое с чем столкнется практика такого внедрения в судебно-экспертную деятельность — проблема формирования датасетов (массивы данных, обработанных и структурированных для целей дальнейшего машинного обучения).

В контексте судебной экспертологии предлагается рассматривать искусственный интеллект в его специфическом дуализме: как принципиально новый инструмент для использования в исследованиях, и как источник потенциальных новых объектов — цифровых следов, продуктов его использования. С учетом целей и задач судебной экспертизы как процессуального действия наиболее приемлемым подходом к интеграции технологий искусственного интеллекта в экспертную практику видится контролируемое машинное обучение, для организации которого необходимо преодоление ряда выделенных в работе проблем, среди которых: унификация научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности, поиск консенсуса в системе ее нормативного регулирования; потребность в вневедомственном административно-правовом подходе к организации и финансированию данного направления, необходимость прогнозирования «модельных рисков» и др.

Среди прочего в диссертационном исследовании предложен вариант алгоритма, позволяющего облегчить принятие решения по вопросу возможности / необходимости создания технологических решений с использованием искусственного интеллекта для применения в экспертных исследованиях.

В заключительной части уделено внимание тому, что сложившийся под влиянием цифровизации контекст осуществления экспертной деятельности

активно формирует потребность в новых экспертных компетенциях. Прогнозируется, что рост видов цифровых следов, внедрение технологий искусственного интеллекта в методологию экспертных исследований изменит характер и глубину требуемых новых компетенций в двух направлениях.

Во-первых, в части компетенции судебных экспертов, прямо не вовлеченных в решение задач машинного обучения. Для них общим компонентом компетенций будут выступать знания: о принципах работы различных методов и алгоритмов искусственного интеллекта, о современном состоянии развития индустрии искусственного интеллекта (особенно его общедоступных реализаций). Это особенно важно в тех родах (видах) экспертиз, в числе новых объектов которых наиболее вероятно будут встречаться продукты работы нейросетей (фоноскопическая, лингвистическая, автороведческая, портретная, фототехническая и др.). Для разновидностей экспертиз, которые дистанцированы от исследования цифровых следов, такие знания будут носить скорее характер фоновых. Наиболее опытные в теоретическом и практическом отношении судебные эксперты могут выступать в качестве разработчиков новых методических подходов, связанных с появлением новых объектов исследований — цифровых следов — продуктов использования ИИ.

Во-вторых, речь идет о компетенции судебных экспертов, которые будут входить в специально формируемые исследовательские группы. Здесь помимо глубоких специальных знаний в отдельных областях необходимым компонентом компетенций станут знания технического толка: в области математики, теории вероятностей и математической статистики, навыки владения инструментами и языками программирования. Объединенные группы представителей различных экспертных учреждений могут участвовать в составлении датасетов и создании единых систем на базе машинного обучения. В работе предложены ключевые элементы, которые необходимо определить для работы указанных исследовательских групп.

Развитию такого рода новых компетенций у судебных экспертов способствовало бы появление полноценной федеральной целевой программы,

посвященной искусственному интеллекту в судебно-экспертной деятельности, государственным заказчиком и основным разработчиком которой выступило бы Правительство РФ, а исполнителями — ведущие (головные) центры судебной экспертизы в системах соответствующих ведомств с привлечением иных заинтересованных участников из состава технического комитета по стандартизации ТК 134 «Судебная экспертиза». Концептуальной основой такой программы должен выступать коллективный, вневедомственный подход, основанный на единой природе специальных знаний. Речь идет о том, что получаемые с помощью инструментов ИИ результаты должны быть применимы для родов (видов) судебных экспертиз в целом, отражать присущие им научные закономерности, независимо от того, каков в дальнейшем будет круг субъектов производства исследований (ведомственные подходы), а также форма судопроизводства.

Таким образом, была достигнута цель диссертационной работы: разработка теоретических и прикладных аспектов судебно-экспертного прогнозирования формирования и развития новых родов и видов экспертиз в условиях цифровизации. Сделанные предложения последовательны, логичны и объективно отражают сложившийся политический, правовой и научно-технический контекст существования и развития судебно-экспертной практики, а также теоретические концепции, позиции и дискуссии по заявленной теме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — № 237.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 1.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.

7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.

8. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.

9. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Российская газета. — 2002. — № 245.

10. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 29.12.2022.

11. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 28.02.2024.

12. Указ Президента Российской Федерации от 05.07.2021 № 405 «Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по образовательным программам высшего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 05.07.2021.

13. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 11.10.2019.

14. Указ Президента Российской Федерации от 09.09.2008 № 1332 «Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по всем уровням высшего образования» СЗ РФ. — 2008. — № 37. — ст. 4184.

15. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.06.2024 № 834 «Об определении организации, осуществляющей функции оператора единой биометрической системы» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 21.06.2024.

16. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.04.2024 № 408 «О видах биометрических персональных данных, на которые распространяется действие Федерального закона “Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации”» //

Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 05.04.2024.

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.12.2018 № 1502 «О Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 11.12.2018.

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.06.2023 № 1630-р «Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 28.06.2023.

19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.11.2021 № 3214-Р «Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 17.11.2021.

20. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 06.04.2021.

21. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.08.2020 № 1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 15.09.2020.

22. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19.05.2017 № 1026 «Об организации деятельности технического

комитета по стандартизации “Судебная экспертиза”». [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 февраля 2024 г. № 193-ст [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

24. Приказ Минюста России от 31.01.2024 № 32 «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 20.04.2023 № 72 “Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России”» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 05.02.2024.

25. Приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 25.04.2023.

26. Приказ Минюста России от 28.12.2023 № 404 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 29.12.2023.

27. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-

криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации)». [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Приказ ФСБ России от 23.06.2011 № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — № 40. — 03.10.2011.

30. Приказ Следственного комитета России от 24.07.2020 № 77 «Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения “Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации” на право самостоятельного производства судебных экспертиз». [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Приказ Минобороны России от 31.10.2007 № 461 «О порядке определения уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестации их на право самостоятельного производства судебных экспертиз». [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

32. Приказ МЧС России от 19.08.2019 № 640 «Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы». [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

33. Приказ ФТС России от 05.08.2010 № 1457 «Об утверждении Положения об аттестации экспертов Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления на право самостоятельного производства судебных экспертиз и Положения о главной экспертно-квалификационной комиссии Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления». [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

34. Приказ Минздрава России от 07.09.2020 № 947н «Об утверждении Порядка организации системы документооборота в сфере охраны здоровья в части ведения медицинской документации в форме электронных документов» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 12.01.2021.

35. Приказ Минздрава России от 25.12.2023 № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 25.10.2023.

36. Приказ Минздрава России от 12.01.2017 № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru. — 03.03.2017.

37. Проект федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6 (дата обращения: 20.01.2025).

38. Проект федерального закона № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)» // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8#bh_note (дата обращения: 16.09.2024).

Акты технического регулирования

39. ГОСТ ISO/IEC 2382-37-2016 «Информационные технологии. Словарь. Часть 37. Биометрия». — Москва : Стандартинформ, 2018. — 28 с.

40. ГОСТ Р 57429-2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения». — Москва : Стандартинформ, 2018. — 12 с.

41. ГОСТ Р 71232-2024 «Роды судебных экспертиз. Термины и определения» — Москва : Российский институт стандартизации, 2024. — 12 с.

42. ГОСТ Р 57428-2017 «Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения». — Москва : Стандартинформ, 2018. — 12 с.

43. ГОСТ Р 58828-2020 «Судебная экспертиза волокнистых материалов и изделий из них. Термины и определения». — Москва : Стандартинформ, 2020. — 16 с.

44. ГОСТ Р 70003-2022 «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения». — Москва : Российский институт стандартизации, 2022. — 12 с.

45. ГОСТ 34938-2023 «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения». — Москва : Российский институт стандартизации, 2023. — 16 с.

Судебная практика

46. Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13.11.2017 № 1-762/2017 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: https://surggor--hmao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14829138&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения:01.05.2024).

47. Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15.02.2019 № 1-134/19 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: https://sudact.ru/regular/doc/YvXp7Upq9TJT/ (дата обращения:01.05.2024).

48. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 26.02.2019 № А57-4291/2019 // Картотека арбитражных дел «Мой арбитр». — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/3482730f-dd36-4fbc-982f-8b357e54343b (дата обращения: 01.05.2024).

49. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 21.04.2020 № А57-15876/2020. // Картотека арбитражных дел «Мой арбитр». — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/c79022cb-988a-427b-87a8-a49862173a8a (дата обращения: 01.05.2024).

50. Апелляционное определение Верховного суда РФ от 08.06.2024 по делу № АПЛ24-200 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 20.03.2024 № АКПИ23-1168, которым отказано в удовлетворении заявлений об оспаривании распоряжения Правительства РФ от 31.10.2023 № 3041-р, раздела VIII перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, утв. распоряжением Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р». [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Монографии, книги, учебники и учебные и научно-практические пособия

51. Аванесов, Г. А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью : учеб. пособие / Г. А. Аванесов. — М. : НИиРИО МВШ МВД СССР, 1972. — 60 с.

52. Аванесов, Г. А. Криминология. Прогностика. Управление / Г. А. Аванесов. — Горький, 1975. — 423 с.

53. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза : Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. — М. : Норма, 2006. — 480 с.

54. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории : монография / Т. В. Аверьянова. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. — 480 с.

55. Алиев, И.А. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы / И. А. Алиев, Т. В. Аверьянова. — Баку : Гянджлик, 1992. — 186 с.

56. Аминев, Ф. Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения : монография / Ф. Г. Аминев. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 272 с.

57. Ароцкер, Л. Е. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка / Л. Е. Ароцкер, Р. М. Ланцман. — М. : Наука, 1968. — 95 с.

58. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. — М. : Норма : Инфра-М, 2001. — 240 с.

59. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. — М. : Юрид. лит., 1987. — 272 с.

60. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации : в 3 т / Р. С. Белкин. — Т. 3. — М. : Юристъ, 1997. — 480 с.

61. Белкин, Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Р. С. Белкин. — М., 1970. — 118 с.

62. Бессонов, А. А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений : монография / А. А. Бессонов. — Москва : Проспект, 2021. — 816 с.

63. Бестужев-Лада, И. В. Окно в будущее: современные проблемы социального прогнозирования / И. В. Бестужев-Лада. — М., 1970. — 268 с.

64. Бычкова, С. Ф. Судебная экспертиза: научные, организационно-правовые и методические основы : Учебное пособие / С. Ф. Бычкова. — Алматы : «Жеты жарғы», 2002. — 432 с.

65. Виноградов, В. Г. Научное предвидение: (гносеологический анализ) : учебное пособие для вузов / В. Г. Виноградов. — М. : Высшая школа, 1973. — 188 с.

66. Галяшина, Е. И. Основы судебного речеведения : монография / Е. И. Галяшина ; под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : СТЭНСИ, 2003. — 236 с.

67. Галяшина, Е. И. Судебное речеведение : учебник / Е. И. Галяшина. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 320 с.

68. Горшенин, Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования / Л. Г. Горшенин. — М., 1993. — 103 с.

69. Грановский, Г. Л. Криминалистическое прогнозирование. Тезисы / Г. Л. Грановский. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 135 с.

70. Джавадов, Ф. М. Экспертная деятельность и развитие науки о судебной экспертизе / Ф. М. Джавадов. — Баку, Элм, 1998. — 188 с.

71. Добров, Г. М. Прогнозирование науки и техники / Г. М. Добров. — 2е изд., доп. — М. : Наука, 1977. — 208 с.

72. Кудрявцев, В. Н. Причинность в криминологии : монография / В. Н. Кудрявцев. — М. : Норма : ИнфраМ, 2016. — 176 с.

73. Лисичкин, В. А. Теория и практика прогностики / В. А. Лисичкин. — М. : Наука, 1972. — 224 с.

74. Неймингoвая экспертиза: организация и производство: монография / Т. П. Соколова. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 208 с.

75. Никитина, А. Г. Сила научного предвидения / А. Г. Никитина. — М. : Знание, 1963. — 48 с.

76. Пилипенко, Н. В. Необходимость и случайность / Н. В. Пилипенко. — М. : Высшая школа, 1965. — 230 с.

77. Пирожкова, С. В. Предвидение как эпистемологическая проблема / С. В. Пирожкова. — М. : ИФРАН, 2015. — 247 с.

78. Рабочая книга по прогнозированию / отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. — М. : Мысль, 1982. — 430 с.

79. Россинская, Е. Р. Судебная компьютерно-техническая экспертиза / Е. Р. Россинская, А. И. Усов. — М. : Право и Закон, 2001. — 416 с.

80. Сорокотягин, И. Н. Судебная экспертиза : учебник и практикум для вузов / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. — М. : Издательство Юрайт, 2024. — 288 с.

81. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Россинская Е. Р. — М. : Норма, 2005. — 656 с.

82. Судебная экспертиза в цивилистических процессах : Научно-практическое пособие / Е. Р. Россинская, Е. Х. Баринов, Н. Ф. Бодров [и др.]. Москва : Проспект, 2018. — 466 с.

83. Судебная экспертология. Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз : Учебное пособие / А. И. Винберг, Н. Т. Малаховская ; отв. ред.: Б. А. Викторов. — Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1979. — 183 с.

84. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская. Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. — 2 е изд. перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 368 с.

85. Черных, Н. А. Судебно-экологическая экспертиза : учеб. пособие / Н. А. Черных, А. И. Усов, Г. Г. Омельянюк. — М. : РУДН, 2008. — 260 с.

86. Шакиров, К. Н. Судебная экспертиза: проблемы теории и практики / К. Н. Шакиров. — Алматы : Аркаим, 2002. — 288 с.

87. Шляхов, А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. — М. : Юрид. лит., 1979. — 164 с.

Статьи и тезисы докладов

88. Агамиров, К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования Российской правовой системы / К. В. Агамиров // Журнал российского права. — 2018. — № 8 (260). — С. 25–36.

89. Аминев, Ф. Г. О проблемах формирования компетентности судебного эксперта в условиях цифровизации / Ф. Г. Аминев // Криминологический журнал. — 2024. — № 1. — С. 9–12.

90. Ароцкер, Л. Е. Организационные и процессуальные вопросы использования электронно-вычислительных машин в экспертной практике / Л. Е. Ароцкер // Криминалистика и судебная экспертиза : Республ. межведомств. сб. науч. и науч.-метод. работ. — Киев : РИО МВД УССР, 1969. — Вып. 6. — С. 182–190.

91. Бахтеев, Д. В. Большие данные и искусственный интеллект в следственной и экспертной деятельности / Д. В. Бахтеев // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. —

Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. — С. 104–107.

92. Бирюков, В. В. Криминалистическое прогнозирование, его значение в криминалистике и практике расследования преступлений / В. В. Бирюков // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 1 (43). — С. 17–22.

93. Бобовкин, С. М. Объекты судебно-почерковедческой экспертизы в условиях современности / С. М. Бобовкин, О. А. Диденко // Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 2. — С. 20–25.

94. Боброва, Н. Л. Применение методов машинного обучения в судебно-экспертной деятельности для целей классификации и идентификации: обзор подходов и их адаптация / Н. Л. Боброва, С. В. Чащин // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — 2018. — № 1 (43). — С. 191–200.

95. Бодров, Н. Ф. Биометрические данные и их экспертное исследование в раскрытии и расследовании преступлений / Н. Ф. Бодров // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью на Евразийском пространстве», посвященной «Году правового просвещения» (г. Душанбе, 10 мая 2024 г.). — Душанбе : Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. — С. 91–94.

96. Бодров, Н. Ф. Перспективы судебно-экспертного исследования синтезированной звучащей речи / Н. Ф. Бодров, А. К. Лебедева // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 3. — С. 9–13.

97. Бодров, Н. Ф. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации / Н. Ф. Бодров, А. К. Лебедева // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. — 2023. — Т. 28. — № 4. — С. 42–55.

98. Бугаев, К. В. Методология криминалистического прогнозирования (на примере экспертных подразделений ОВД) / К. В. Бугаев // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2011. — № 2. — С. 37–41.

99. Винберг, А. И. Вывод эксперта при неполном знании изучаемого явления / А. И. Винберг // Советское государство и право. — 1975. — № 6. — С. 75–77.

100. Гаврилин, Ю. В. Судебная экспертиза: накануне больших перемен / Ю. В. Гаврилин // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 5. — С. 53–56.

101. Галаева, О. В. Судебная политологическая экспертиза — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России / О. В. Галаева, В. В. Гулевская, Г. Г. Омельянюк // Теория и практика судебной экспертизы. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 30–43.

102. Галяшина, Е. И. Нейросети м смерть или новая жизнь судебной экспертизы? Экспертиз / Е. И. Галяшина // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22—23 мая 2024 г. — Нижний Новгород : ННГУ. — 2024. — С. 83–89.

103. Галяшина, Е. И. Паспортизация экспертных специальностей и профессиональное образование судебных экспертов / Е. И. Галяшина // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 5. — С. 29–33.

104. Галяшина, Е. И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве: насущные потребности, проблемы и пути их решения / Е. И. Галяшина // Теория и практика судебной экспертизы. — 2019. — Том 14. — № 4. — С. 6–18.

105. Горбунова, Е. Ю. Использование инновационных программ при производстве судебной компьютерно-технической экспертизы мобильных устройств / Е. Ю. Горбунова // Инновации в судебно-экспертной деятельности в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России: материалы Всероссийской конференции «Восток – Запад: партнерство в судебной экспертизе» (г. Москва, 19–20 апреля 2022 года). — М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022. — С. 50–55.

106. Данелян, Т. Я. Формальные методы экспертных оценок / Т. Я. Данелян // Статистика и экономика. — 2015. — № 1. — С. 183–187.

107. Денисов, Ю. Д. Традиционные подходы и инновации в судебно-экспертной деятельности / Ю. Д. Денисов, И. А. Лапина, Г. Г. Омельянюк, Ш. Н. Хазиев // Теория и практика судебной экспертизы. — 2023. — Т. 18. — № 2. — С. 78–88.

108. Дубровин, С. В. Концептуальные основы учений о криминалистической прогностике и криминалистических версиях (криминалистической версиологии) / С. В. Дубровин // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 3 (21). — С. 66–71.

109. Дьяконова, О. Г. Классификация судебных экспертиз: экспертологический подход / О. Г. Дьяконова, Е. В. Иванова // Теория и практика судебной экспертизы. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 75–82.

110. Замылин, Е. И. Криминалистическое прогнозирование в правоприменительной деятельности / Е. И. Замылин // Общество и право. — 2019. — № 3 (69). — С. 85–90.

111. Зинин А. М. Идентификация человека по признакам внешности и методы биометрии / А. М. Зинин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2022. — № 2. (90). С. 58–66.

112. Зинин, А. М. Нейросети и судебно-портретная экспертиза / А. М. Зинин // Вестник криминалистики. — 2020. —№ 2 (74). — С. 66–69.

113. Иванов, А. И. Автоматизация почерковедческой экспертизы, построенная на обучении больших искусственных нейронных сетей / А. И. Иванов // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — 2016. — № 1 (17). — С. 249–257.

114. Иванова, Е. В. Задачи экспертного прогнозирования в судебной экспертизе наркотических средств / Е. В. Иванова // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2021. — № 1. — С. 30–39.

115. Китайгородский, А. И. Проблемы теории в химии / А. И. Китайгородский // Вопросы философии. — 1966. — № 1. — С. 75–86.

116. Кокин, А. В. Машинное обучение в судебной экспертизе / А. В. Кокин // Судебная экспертиза. — 2024. — № 1 (77). — С. 58–72.

117. Кокин, А. В. Проблемы единого научно-методического подхода к экспертной практике, специализации экспертов и их профессиональной подготовке / А. В. Кокин // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2017. — № 4-2. — С. 22–30.

118. Колотов, С. М. Оценка и использование результатов судебной финансово-экономической экспертизы операций с цифровыми активами / С. М. Колотов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 2. — С. 143–149.

119. Коренная, А. А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений / А. А. Кореная, Н. В. Тыдыкова // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — № 3. — С. 408–415.

120. Корухов, Ю. Г. Методологические основы криминалистической экспертной диагностики / Ю. Г. Корухов // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы : сборник научных трудов. — М. : Изд-во ВНИИСЭ, 1987. — С. 12–26.

121. Купин, А. Ф. К вопросу о возможностях применения систем искусственного интеллекта при криминалистическом исследовании документов и их реквизитов / А. Ф. Купин, А. С. Коваленко // Теория и практика судебной экспертизы. — 2023. — Т. 18. — № 4. — С. 28–35.

122. Лебедева, А. К. Современные возможности судебно-экспертного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием клонирования звучащей речи человека / А. К. Лебедева // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью на Евразийском пространстве», посвященной «Году правового просвещения» (г. Душанбе, 10 мая 2024 г.). — Душанбе : Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. — С. 118–122.

123. Лепешкин, Д. А. Использование мобильных средств сканирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия / Д. А. Лепешкин, Е. А. Шахтарин // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов Научно-практической

конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22—23 мая 2024 г. — Нижний Новгород : ННГУ, 2024. — С. 213–219.

124. Майлис, Н. П. Роль инновационных технологий в развитии цифровой трасологии / Н. П. Майлис // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. — Том 17 — № 2. —С. 18–22.

125. Майлис, Н. П. Современные проблемы научных и методологических основ судебной экспертизы / Н. П. Майлис // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 4. — С. 63–68.

126. Мануилов, А. В. Проблемы идентификации и оценки криптовалюты при внесении в конкурсную массу должника / А. В. Мануилов // Имущественные отношения в РФ. — 2018. — № 11 (206). — С. 34–45.

127. Моисеева, Т. Ф. Классификации судебных экспертиз: необходимость унификации / Т. Ф. Моисеева // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 4. — С. 68–72.

128. Моисеева, Т. Ф. Современные методы диагностики свойств и состояний человека по его биологическим следам / Т. Ф. Моисеева // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 2. — С. 210–213.

129. Мусина, Г. А. Экологический мониторинг на основе снимков, полученных с помощью беспилотных летательных аппаратов / Г. А. Мусина, Д. С. Ожигин, С. Б. Ожигина // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2019. — № 2. — С. 196–204.

130. Науменко, О. А. О криминалистическом прогнозировании мошенничеств в сети интернет / О. А. Науменко // Вестник КРУ МВД России. — 2021. — №4 (54). — С. 72–76.

131. Недобитков, А. И. Цифровая транспортная трасология на основе agisoft metashape и беспилотного летательного аппарата / А. И. Недобитков // Вестник СибАДИ. — 2022. — Т. 19. — № 6 (88). — С. 890–899.

132. Омельянюк, Г. Г. Судебно-экологическая экспертиза — новое направление в судебно-экспертных учреждениях Минюста России /

Г. Г. Омельянюк, Н. А. Черных // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. — 2005. — № 1. — С. 145–150.

133. Подволоцкий, И. Н. Организация портретной экспертизы в цифровой сфере / И. Н. Подволоцкий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2020. — № 6 (70). — С. 89–100.

134. Попов, В. Л. Проблемы и перспективы использования нейросетевых технологий при производстве судебных экспертиз в транспортной сфере / В. Л. Попов // Транспортное право и безопасность. — 2020. — № 3 (35). — С. 65–75.

135. Рассолов, И. М. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы / И. М. Рассолов, С. Г. Чубуков, И. В. Микурова // Lex Russica. — 2019. — № 1 (146). — С. 108–118.

136. Россинская, Е. Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз / Е. Р. Россинская // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2014. — № 3. — С. 114–121.

137. Россинская, Е. Р. Современная судебная экспертология — наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности / Е. Р. Россинская // Теория и практика судебной экспертизы. — 2015. — № 4 (40). — С. 10–18.

138. Россинская, Е. Р. Судебная экспертология как методологическая основа новых родов и видов судебных экспертиз / Е. Р. Россинская // Союз криминалистов и криминологов. — 2018. — № 1. — С. 140–147.

139. Россинская, Е. Р. Компьютерно-техническая экспертиза — одно из средств информатизации судопроизводства / Е. Р. Россинская // Материалы седьмой международной конференции «Системы безопасности». СБ—98 Международного форума информатизации от 28 октября 1998. — 1998. — С. 226–227.

140. Россинская, Е. Р. Компьютерно-техническая экспертиза / Е. Р. Россинская // Академия МВД РФ, кафедра КОД ОВД. — Информационный бюллетень № 1. — 1996. — С. 13–15.

141. Россинская, Е. Р. Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности / Е. Р. Россинская // Вестник экономической безопасности. — 2022. — № 5. — С. 173–178.

142. Россинская, Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы / Е. Р. Россинская // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 3 (115). — С. 21–33.

143. Россинская, Е. Р. Нерешенные проблемы классификации, становления и развития новых родов и видов судебных экспертиз / Е. Р. Россинская // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений. Материалы 2-й всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе. — 2004. — С. 45–51.

144. Россинская, Е. Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности / Е. Р. Россинская // Теория и практика судебной экспертизы. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 20–32.

145. Россинская, Е. Р. Современное состояние и перспективы исследования образов цифровых следов в судебной почерковедческой экспертизе / Е. Р. Россинская, Н. Ф. Бодров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2022. — Т. 21. — № 1. — С. 121–135.

146. Россинская, Е. Р. Теоретические и организационно-технологические проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз / Е. Р. Россинская // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 3 (88). — С. 146–154.

147. Россинская, Е. Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики / Е. Р. Россинская // Правовое государство: теория и практика. — 2020. — № 4—1 (62). — С. 88–101.

148. Россинская, Е. Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации / Е. Р. Россинская // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 6. — С. 23–32.

149. Сабанов, А. Г. Сравнительный анализ методов биометрической идентификации личности / А. Г. Сабанов, С. Г. Смолина // Труды ИСА РАН. — 2016. — Том 66. — № 3. — С. 11–20.

150. Савицкий, А. А. Актуальные вопросы становления и развития судебной экономико-цифровой экспертизы в условиях цифровизации социально-экономической сферы государства / А. А. Савицкий // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 3. — С. 94–102.

151. Сапун, А. П. Роль общей теории советской криминалистики в развитии теоретических основ криминалистической экспертизы / А. П. Сапун // Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев : РИО МВД УССР. — 1971. — Вып. 8. — С. 113–117.

152. Семикаленова, А. И. Мобильные телефоны сотовой связи — новые объекты судебной компьютерно-технической экспертизы / А. И. Семикаленова, К. А. Сергеева // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 12. — С. 89–94.

153. Семикаленова, А. И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз / А. И. Семикаленова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2019. — № 5 (57). — С. 115–120.

154. Тимченко, В. А. Правовое регулирование судебно-экспертной деятельности в российской федерации: состояние и необходимость совершенствования / В. А. Тимченко // Юридическая техника. — 2023. — № 17. — С. 480–486.

155. Толстолуцкий, В. Ю. 3D-моделирование как способ невербального представления результатов транспортно-технологических экспертиз / В. Ю. Толстолуцкий, В. В. Маличенко // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22—23 мая 2024 г. — Нижний Новгород : ННГУ, 2024. — С. 367–372.

156. Усов, А. И. Судебная этиковедческая экспертиза — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России / А. И. Усов, Г. Г. Омельянюк,

Ш. Н. Хазиев, О. В. Галаева, В. В. Гулевская // Теория и практика судебной экспертизы. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 6–15.

157. Хазиев, Ш. Н. Криминалистические и судебно-экспертные основы современных биометрических технологий / Ш. Н. Хазиев // Теория и практика судебной экспертизы. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 16–21.

158. Хмыз, А. И. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе / А. И. Хмыз // Вестник экономической безопасности. — 2022. — № 5. — С. 224–227.

159. Чеснокова, Е. В. Стандарты в области судебной экспертизы как инструмент реализации единого научно-методического подхода в судебно-экспертной деятельности / Е. В. Чеснокова // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 2. — С. 242–246.

160. Чеснокова, Е. В. Искусственный интеллект в судебной экспертологии / Е. В. Чеснокова, А. И. Усов, Г. Г. Омельянюк, М. В. Никулина // Теория и практика судебной экспертизы. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 60–67.

161. Чистилина, А. С. Генезис и современное состояние теории судебно-экспертного прогнозирования / А. С. Чистилина // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 156–166.

162. Чистилина, А. С. Перспективы судебно-экспертного прогнозирования новых родов и видов экспертиз / А. С. Чистилина // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22—23 мая 2024 г. — Нижний Новгород : ННГУ. — 2024. — С. 402–408.

163. Чистилина, А. С. Прогностический аспект влияния цифровых технологий на возможности отдельных родов (видов) судебных экспертиз / А. С. Чистилина // Судебная экспертиза. — 2024. — №3 (79). — С. 153–165.

164. Чистилина, А. С. Судебно-экспертное прогнозирование формирования и развития новых родов и видов экспертиз: к вопросу теоретического

обоснования / А. С. Чистилина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2024. — № 3 (115). — С. 164–169.

165. Шавер, Б. М. Предмет и метод советской криминалистики / Б. М. Шавер // Социалистическая законность. — 1938. — № 6. — С. 56–82.

166. Щербаченко, А. К. Криминалистическое прогнозирование как часть базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц / А. К. Щербаченко // ЮП. — 2020. — № 1 (92). — С. 161–164.

167. Carew, R. M., Errickson, D. An Overview of 3D Printing in Forensic Science: The Tangible Third-Dimension // Journal of Forensic Sciences. — Volume 65, Issue 5. м Sep. 2020. — P. 1–9.

168. Carew, R. M., et al., 3D forensic science: a new field integrating 3D imaging and 3D printing in crime reconstruction // Forensic Sci. Int. Synergy. — Voiume 3, 2021. [Электронный ресурс] — URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589871X21000759?via%3Dihub (дата обращения: 29.05.2024).

169. Gargi, J., Abraham, J., Jeidson M., Ademir, F. Three-dimensional(3D) printing in forensic science–An emerging technology in India // Annals of 3D Printed Medicine. — Volume 1, March 2021. [Электронный ресурс] — URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666964121000011 (дата обращения: 29.05.2024).

170. Srihari, S. N., Srinivasan, H., Chen, S., Beal, M. J. Machine Learning for Signature Verification // Machine Learning in Document Analysis and Recognition. Studies in Computational Intelligence. — Volume 90. — Springer, Berlin, Heidelberg. 2008. — P. 387–408.

171. Sudhakar, S., Vijayakumar V., Sathiya Kumar, C., Priya, V., Logesh, R., Subramaniyaswamy, V. Unmanned Aerial Vehicle (UAV) based Forest Fire Detection and monitoring for reducing false alarms in forest-fires Computer Communications. — Volume 149, January 2020. [Электронный ресурс] — URL:

https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589871X21000759?via%3Dihub (дата обращения: 31.05.2024).

172. Wang, Run & Juefei-Xu, Felix & Huang, Yihao & Guo, Qing & Xie, Xiaofei & Ma, Lei & Liu, Yang. DeepSonar: Towards Effective and Robust Detection of AI-Synthesized Fake Voices // MM '20: Proceedings of the 28th ACM International Conference on Multimedia. — P. 1207–1216.

Диссертации и авторефераты

173. Аминев, Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в российской федерации: современные проблемы и пути их решения : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Аминев Фарит Гизарович. — Ростов-на-Дону, 2016. — 482 с.

174. Бахтеев, Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : дис …доктора юрид. наук : 5.1.4 / Бахтеев Дмитрий Валерьевич. — Екатеринбург, 2022. — 504 с.

175. Дементьев, А. Ю. Криминалистическое прогнозирование в процессе собирания и фиксации доказательств по уголовному делу : автореферат дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Дементьев Андреев Юрьевич. — Екб., 2003. — 28.

176. Дьяконова ,О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Дьяконова Оксана Геннадьевна. — М., 2021. — 647.

177. Неретина, Н. С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз : дис. …канд. юрид. наук : 12.00.12 / Неретина Надежда Сергеевна. — М., 2016. — 204 с.

178. Полякова, А. В. Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты : дис. …канд. юрид. наук : 5.1.4 / Полякова Анастасия Васильевна. — Уфа, 2023. — 244 с.

179. Россинская, Е. Р. Концептуальные основы теории неразрушающих методов исследования вещественных доказательств : дис. ... доктора юрид. наук в

форме научного доклада : 12.00.09 / Россинская Елена Рафаиловна. — М. : ВЮЗШ МВД РФ, 1993.

180. Саркисян, А. А. Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организационные аспекты : дис ...канд. юрид. наук : 5.1.4 / Саркисян Анна Ашотовна. — М., 2023. — 168 с.

181. Севастьянов, П. В. Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Севастьянов Павел Викторович. — М., 2024. — 194 с.

182. Толстухина, Т. В. Современные тенденции развития судебной экспертизы на основе информационных технологий : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Толстухина Татьяна Викторовна. — М., 1999. — 320 с.

183. Трошкин, А. А. Криминалистическое прогнозирование дорожно-транспортных происшествий : автореферат дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Трошкин Андрей Арнольдович. М., 1994. — 20 с.

184. Усов, А. И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09 / Александр Иванович. — М., 2002. — 402 с.

185. Устинова, И. В. Судебно-экспертное прогнозирование: теоретические и прикладные аспекты : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / Устинова Ирина Владимировна. — Тула., 2021. — 265 с.

186. Чернявская, М. С. Судебно-экспертная деятельность негосударственных экспертных организаций: теоретические и прикладные аспекты : дис ...канд. юрид. наук : 12.00.12 / Чернявская Мария Станиславовна. — М., 2021. — 227 с.

187. Чеснокова, Е. В. Концептуальные основы стандартизации в судебно-экспертной деятельности : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Чеснокова Елена Владимировна. — М., 2022. — 573 с.

Справочная и методическая литература

188. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия Справ. пособия для курсантов, слушателей и преподавателей учеб. заведений МВД, адъюнктов, докторантов, науч. сотрудников и практ. работников органов внутр. дел / Р. С. Белкин. — 2-е изд., доп. — М. : Мегатрон-XXI, 2000. — 333 с.

189. Большая советская энциклопедия [В 30 т.]. Бари-Браслет / гл. ред. А. М. Прохоров. — 1970. — 640 с.

190. Словарь основных терминов судебных экспертиз / ред. сост. Ю. Г. Корухов ; ред. Т. В. Аверьянова. — М. : Библиотека эксперта «Судэкс», 2016. — 94 с.

191. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — 702 с.

192. Судебно-почерковедческая экспертиза: Особенная часть: Исследование малообъемных почерковых объектов; ГУ РФЦСЭ при Минюсте России; М. : ЭКОМ, 2011. — 538 с.

Интернет-ресурсы

193. Экспертным организациям не удалось оспорить проведение строительно-технических экспертиз только госэкспертами // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. — URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ekspertnym-organizatsiyam-ne-udalos-osporit-provedenie-stroitelno-tekhnicheskikh-ekspertiz-tolko-gos/ (дата обращения: 17.10.2024).

194. Deepfake: краткая история появления и нюансы работы технологии // Портал Хабр [Электронный ресурс]. — URL: https://habr.com/ru/companies/neuronet/articles/592119/ (дата обращения: 24.05.2024).

195. Meloni vs. Deepfakes: Italian Government Submits AI Law to Parliament // The European Conservative [Электронный ресурс]. — URL:

https://europeanconservative.com/articles/news/meloni-vs-deepfakes-italian-government-submits-ai-law-to-parliament/ (дата обращения: 24.08.2024).

196. В 9-ую версию АДИС (AFIS) Папилон внедрена нейросеть // Официальный сайт «Системы ПАПИЛОН» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.papillon.ru/about/blog/v-9-uju-versiju-adis-afis-papilon-vnedrena-nejroset/ (дата обращения 27.08.2024).

197. Данные о доступе населения России к цифровой инфраструктуре и практиках использования интернета // НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. — URL: https://issek.hse.ru/news/639790437.html (дата обращения: 04.05.2024).

198. Отчет о характеристиках состояния преступности в Российской Федерации за январь — март 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/49477631/ (дата обращения: 04.05.2024).

199. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. — URL: https://www.cbr.ru/finm_infrastructure/digital_oper/ (дата обращения 13.04.2024).

200. Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rapsinews.ru/judicial_news/20220916/308280568.html (дата обращения:13.04.2024).

201. СК разработал проект закона о признании цифровой валюты имуществом // РИА Новости [Электронный ресурс]. — URL: https://ria.ru/20241209/sk-1988075407.html (дата обращения: 09.12.2024).

202. Стандарты по направлению «Искусственный интеллект» // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts (дата обращения: 15.09.2024).

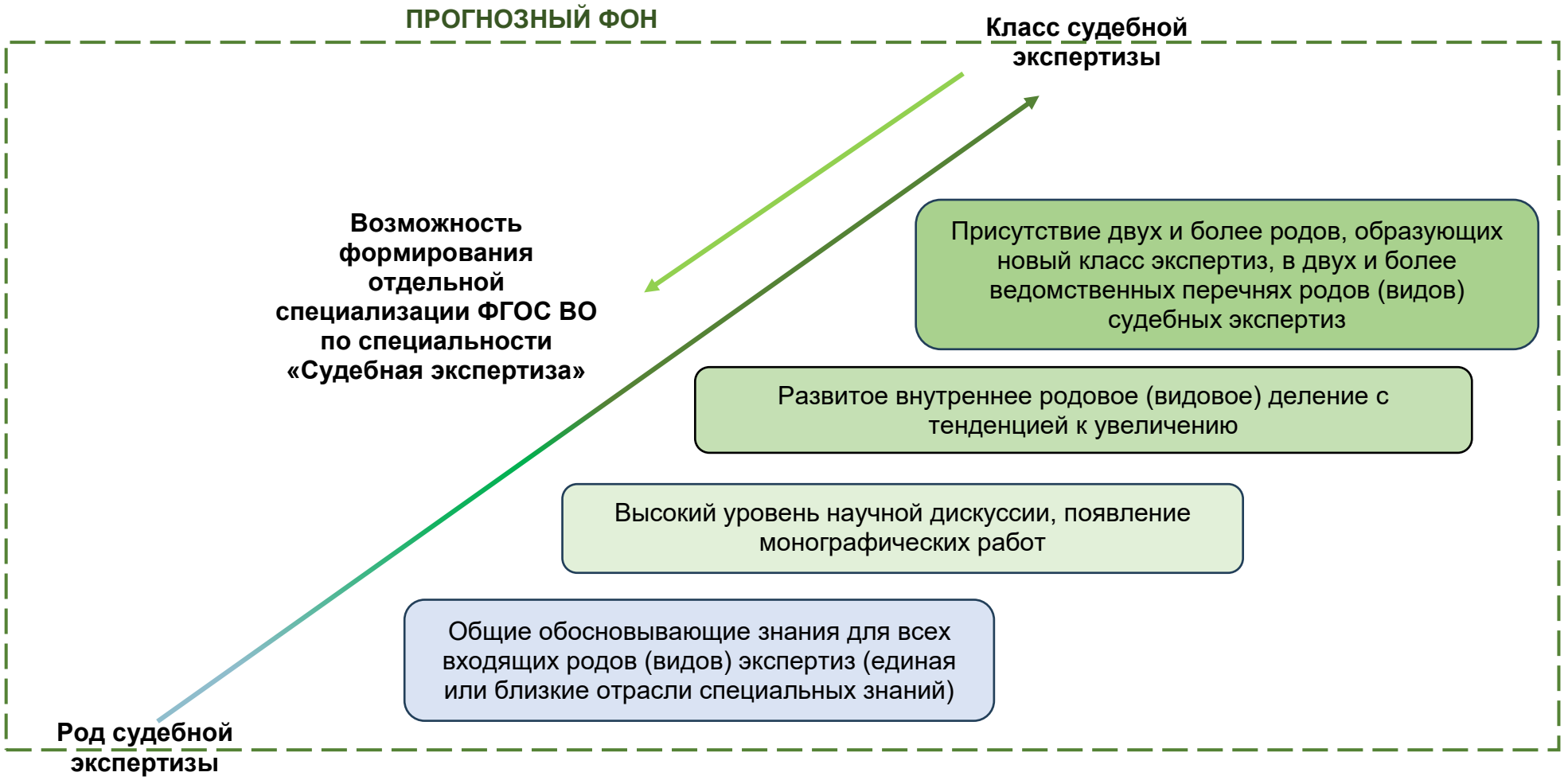
203. Фальков: В системе высшего образования России не будет понятия «бакалавр» // Парламентская газета [Электронный ресурс]. — URL: https://www.pnp.ru/politics/falkov-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya-rossii-ne-budet-ponyatiya-bakalavr.html (дата обращения: 27.06.2024).

204. Энциклопедия «Касперского». [Электронный ресурс]. — URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/token/ (дата обращения: 04.05.2024).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

п.п.	Наименование таблицы	Страница
1	2	3
1	Таблица 1. Сравнение содержания ГОСТ Р 71232-2024, перечня Минюста России и перечня МВД России в части указанных родов судебных экспертиз (выборочное)	110—111

Приложение 1. Алгоритм формирования нового класса экспертиз с возможностью дальнейшего представления в ФГОС ВО



Приложение 2. Материалы проведенного анкетирования судебных экспертов и (или) юристов для реализации метода экспертных оценок

Ссылка на google-форму: https://forms.gle/mzQWsnmw1EavV89Z8

Форма анкеты по вопросам прогнозирования формирования и развития новых родов (видов) судебных экспертиз в условиях цифровизации

Уважаемые коллеги!

Просим вас ответить на вопросы анкеты, составленной в рамках подготовки диссертационной работы, для выяснения вашего мнения и формирования экспертных оценок. Исследование проводится на базе кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Анкета анонимная. Благодарим вас!

Рекомендации по заполнению анкеты: внимательно прочитайте предложенные вопросы, отметьте любым значком / условным обозначением выбранный(ые) вариант(ы) ответа(ов). Если ни один из предложенных вариантов ответов Вас не устраивает, кратко изложите свое мнение в графе «Иное».

* — *вопросы с возможностью нескольких ответов*

1. Как Вы считаете, должны ли прогнозироваться отдельные тенденции развития судебно-экспертной деятельности?

- ○ Да, должны.
- ○ Нет, не должны.
- ○ Затрудняюсь ответить.
- ○ Иное

_____

2. Как Вы считаете, достаточно ли развиты на данный момент прогнозы в области судебной экспертизы?

- ○ Да, достаточно.
- ○ Нет, недостаточно.

3. Является ли, по Вашему мнению, цифровизация процессом, который существенно влияет на формирование и развитие новых родов (видов) судебных экспертиз?

- ○ Да.
- ○ Нет.
- ○ Влияет, но не существенно.

○ Иное

_____

***4. Что из перечисленного, по Вашему мнению, следует считать обстоятельствами, позволяющими строить прогнозы относительно формирования и развития новых родов (видов) судебных экспертиз?**

○ Трансформация объектов судебных экспертиз в условиях цифровизации (в том числе появление и распространение так называемых цифровых следов и т. п.).

○ Возникновение качественно новых задач экспертных исследований.

○ Внедрение цифровых технологий в методологию и методики судебных экспертиз.

○ Новеллы в области уголовного права, изменения процессуального законодательства (в том числе появление новых составов преступлений и т. п.).

○ Иное

_____

5. Является ли, на Ваш взгляд, актуальным использование технологий машинного обучения и искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности?

○ Да.

○ Нет.

○ Затрудняюсь ответить.

○ Иное

_____

***6. Если да, то на каком этапе экспертного исследования Вам это кажется наиболее вероятным (практически осуществимым)?**

○ Подготовительная стадия (осмотр объектов, ознакомление с исходными данными, отбор необходимой информации и т. п.)

○ Аналитическая стадия (анализ общих и частных признаков, оценка их характеристик и т. д.).

○ Стадия сравнительного исследования.

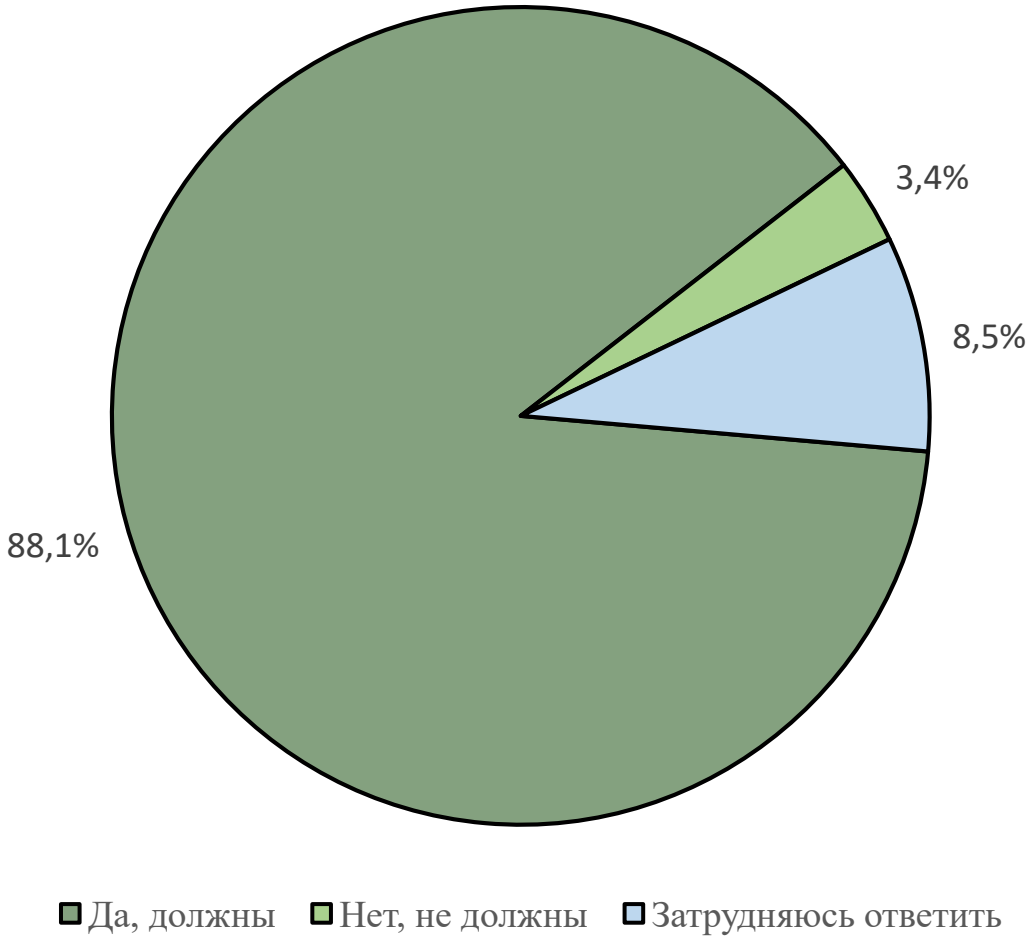
○ Оценка результатов исследования.

○ Иное

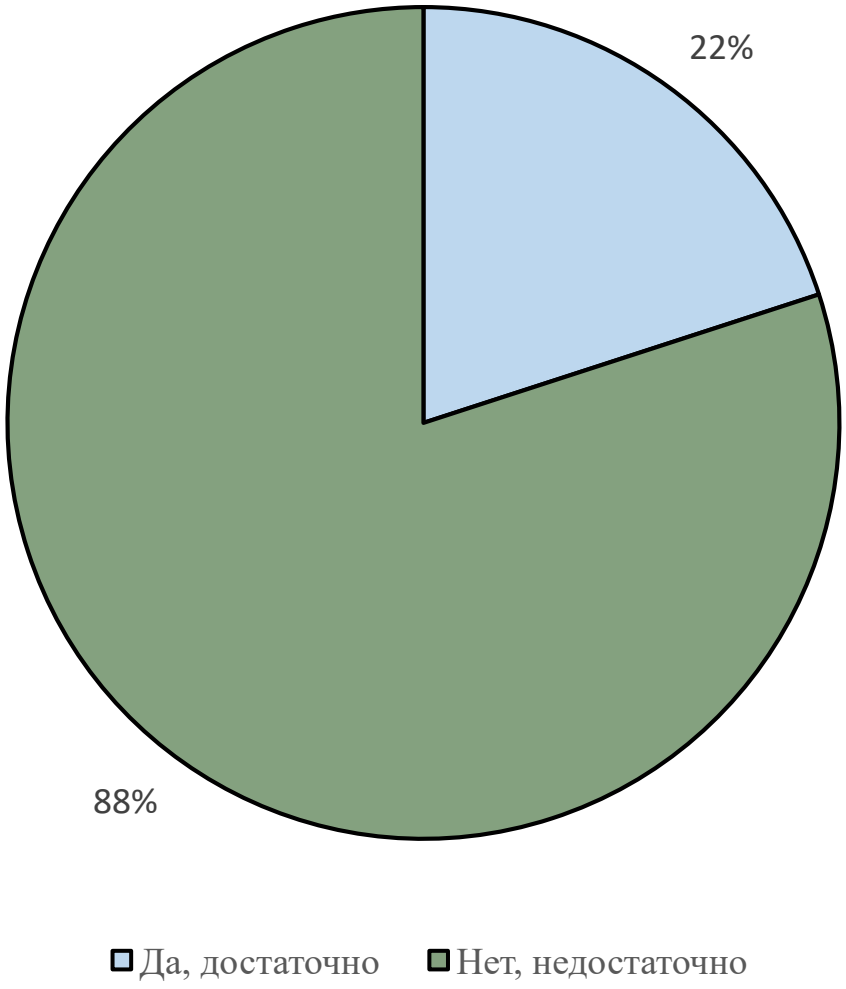
_____

Благодарим за вклад в исследование и участие в опросе!

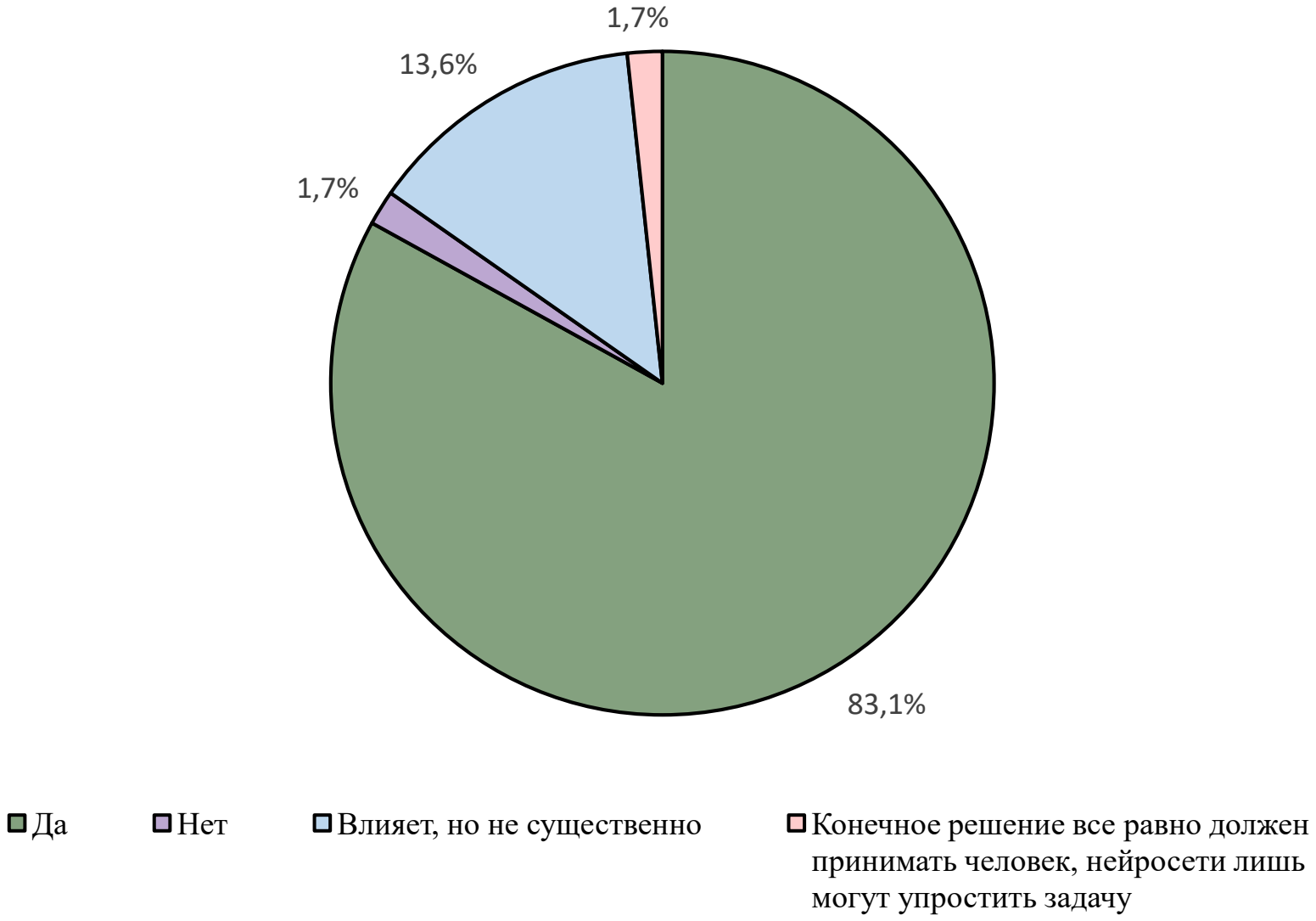
1. Как Вы считаете, должны ли прогнозироваться отдельные тенденции развития судебно-экспертной деятельности?



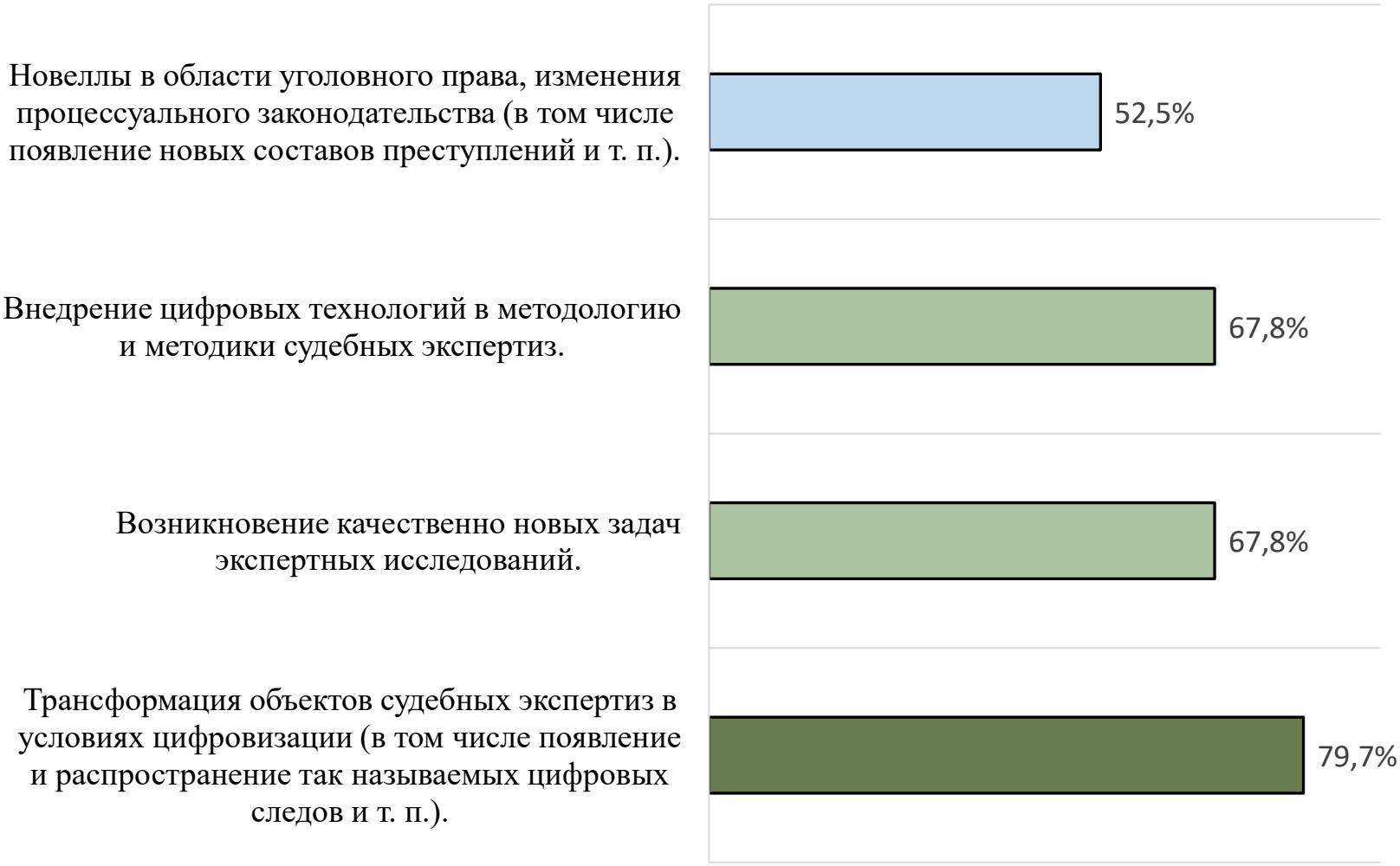
2. Как Вы считаете, достаточно ли развиты на данный момент прогнозы в области судебной экспертизы?



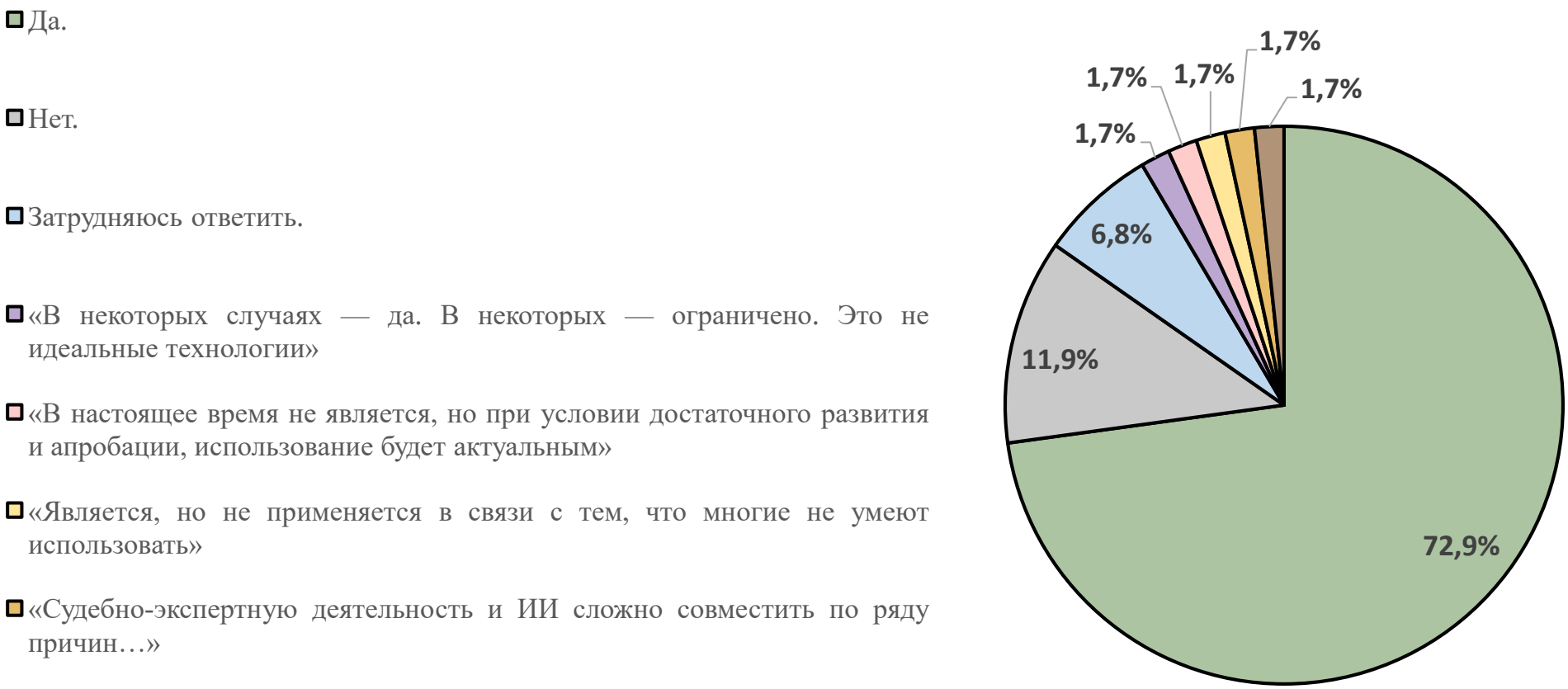
3. Является ли, по Вашему мнению, цифровизация процессом, который существенно влияет на формирование и развитие новых родов (видов) судебных экспертиз?



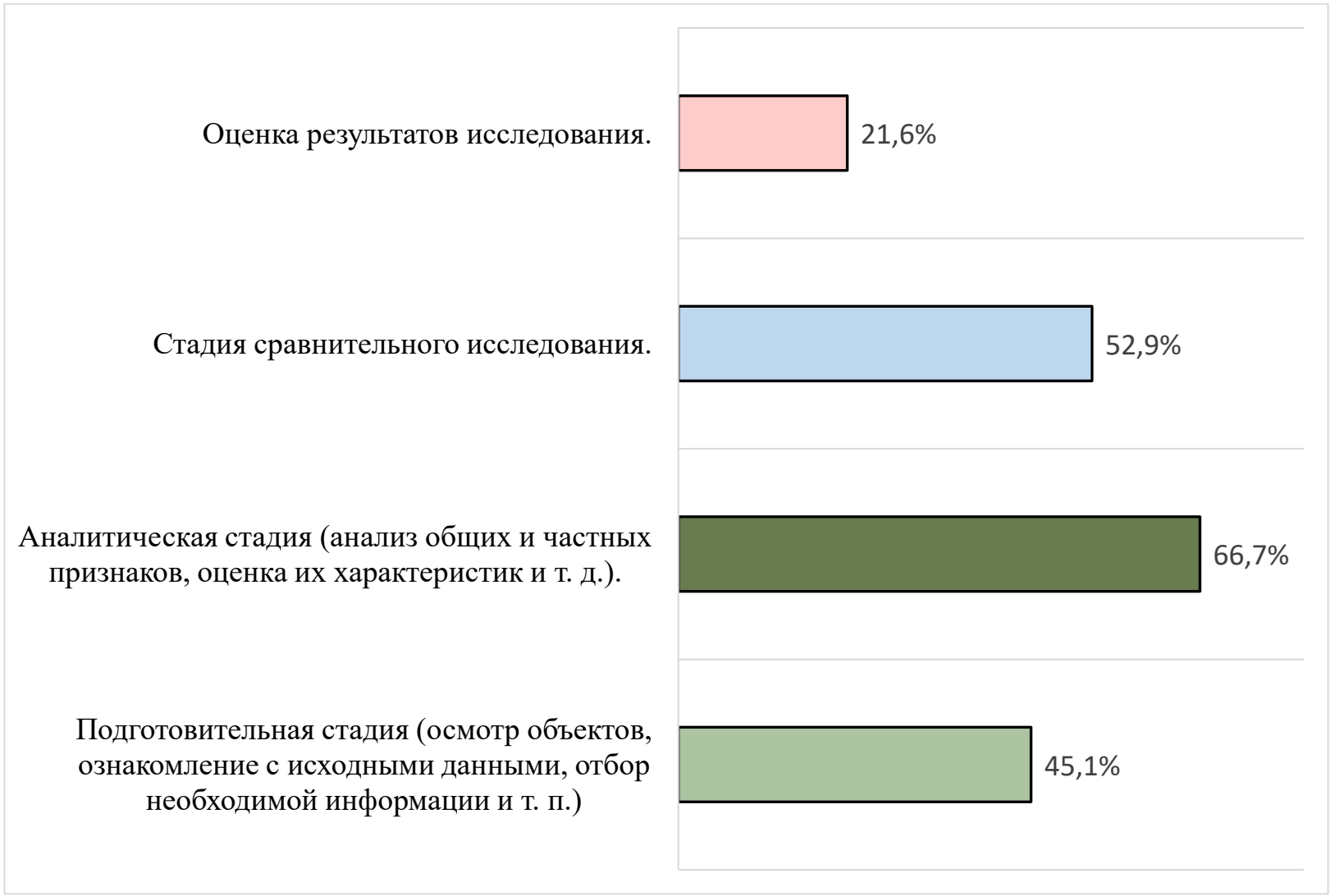
*4. Что из перечисленного, по Вашему мнению, следует считать обстоятельствами, позволяющими строить прогнозы относительно формирования и развития новых родов (видов) судебных экспертиз?



5. Является ли, на Ваш взгляд, актуальным использование технологий машинного обучения и искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности?



*6. Если да, то на каком этапе экспертного исследования Вам это кажется наиболее вероятным (практически осуществимым)?


Оценка результатов исследования.
21,6%
Стадия сравнительного исследования.
52,9%
Аналитическая стадия (анализ общих и частных признаков, оценка их характеристик и т. д.).
66,7%
Подготовительная стадия (осмотр объектов, ознакомление с исходными данными, отбор необходимой информации и т. п.)
45,1%

Приложение 3. Алгоритм решения вопроса о возможности / необходимости создания технологических решений с использованием ИИ для применения в экспертных исследованиях

